

**Новосибирский государственный
педагогический университет**

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

НАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 2025

Наталья Яковлевна Большунова

главный редактор, доктор психологических наук, профессор

Заместители главного редактора

Т. В. Белашина, кандидат психологических наук, доцент, Новосибирск

Н. А. Галюк, кандидат психологических наук, доцент, Новосибирск

Д. В. Иванов, кандидат педагогических наук, доцент, Новосибирск

Новосибирск

Учредитель: ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

Журнал «Развитие человека в современном мире/Human Development in the Modern World» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-76340 от 19 июля 2019 г.

Журнал размещен в Научной электронной библиотеке и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

- Е. В. Бакшутова**, доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор, Самара
- Е. О. Ермолова**, кандидат психологических наук, доцент, Новосибирск
- С. Ю. Жданова**, доктор психологических наук, профессор, Пермь
- К. Б. Кадыров**, доктор психологических наук, профессор, Ташкент (Узбекистан)
- Е. И. Кузьмина**, доктор психологических наук, профессор, Москва
- Е. Ю. Коржова**, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербург
- М. К. Кабардов**, доктор психологических наук, профессор, Москва
- В. В. Лемиш**, кандидат психологических наук, доцент, Омск
- Ю. М. Перевозкина**, доктор психологических наук, профессор, Новосибирск
- О. А. Устинова**, кандидат психологических наук, доцент, Новокузнецк
- М. Г. Чухрова**, доктор медицинских наук, профессор, Новосибирск
- О. А. Шамшикова**, кандидат психологических наук, профессор, Новосибирск

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

- О. О. Андронникова**, кандидат психологических наук, профессор, Новосибирск

Члены совета

- Р. А. Агавелян**, доктор психологических наук, профессор, Новосибирск
- Н. С. Глуханюк**, доктор психологических наук, профессор, Екатеринбург
- А. В. Зобков**, доктор психологических наук, профессор, Владимир
- В. С. Чернявская**, доктор педагогических наук, профессор, Владивосток
- Л. В. Лидак**, доктор психологических наук, профессор, Пятигорск
- М. Миланков**, доктор медицинских наук, профессор, Нови Сад (Сербия)
- Т. И. Миронова**, доктор психологических наук, профессор, Кострома
- С. К. Нартова-Бочавер**, доктор психологических наук, профессор, Москва
- А. К. Осницкий**, доктор психологических наук, профессор, Москва
- М. М. Решетников**, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербург
- Б. Р. Кадыров**, доктор психологических наук, профессор, Ташкент (Узбекистан)
- Сенна Васконселос да Силва Валесно**, доктор педагогики, профессор, Рио-де-Жанейро (Бразилия)
- А. В. Серый**, доктор психологических наук, профессор, Кемерово
- И. Г. Соловьева**, доктор медицинских наук, профессор, Новосибирск
- Е. В. Черный**, доктор психологических наук, профессор, Симферополь
- М. А. Щукина**, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербург
- Е. В. Руденский**, доктор социологических наук, профессор, Новосибирск
- М. Я. Дворецкая**, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербург

**Novosibirsk State
Pedagogical University**

HUMAN DEVELOPMENT IN THE MODERN WORLD

SCIENTIFIC PERIODICAL JOURNAL

№ 1 2025

Natalya Yakovlevna Bolshunova

Editor in chief, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor

Assistants of the Editor-in-chief

T. V. Belashina, Cand. of Sci. (Psychol.), Associate Professor, Novosibirsk

N. A. Galyuk, Cand. of Sci. (Psychol.), Associate Professor, Novosibirsk

D. V. Ivanov, Cand. of Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Novosibirsk

Novosibirsk

The founders of the journal:

Federal state budgetary educational institution of higher education
Novosibirsk State Pedagogical University

The journal "Human Development in the Modern World" is registered by Federal service
on supervision in sphere of communication, information technologies
and mass communications PI № FC77-76340 from July, 19th, 2019

The journal is placed in the Scientific electronic library and is included
in the Russian Scientific Citation Index

MEMBERS OF EDITORIAL BOARD

- E. V. Bakshutova**, Doctor of Sci. (Philos.), Cand. of Sci. (Psychol.), Professor, Samara
E. O. Ermolova, Cand. of Sci. (Psychol.), Associate Professor, Novosibirsk
K. B. Kadyrov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Tashkent (Uzbekistan)
S. Yu. Zhdanova, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Perm
E. I. Kuzmina, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Moscow
E. Yu. Korzhova, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, St. Petersburg
M. K. Kabardov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Moscow
V. V. Lemish, Cand. of Sci. (Psychol.), Associate Professor, Omsk
Yu. M. Perevozkina, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Novosibirsk
O. A. Ustinova, Cand. of Sci. (Psychol.), Associate Professor, Novokuznetsk
M. G. Chuhrova, Doctor of Sci. (Medicine), Professor, Novosibirsk
O. A. Shamshikova, Cand. of Sci. (Psychol.), Associate Professor, Novosibirsk

EDITORIAL COUNCIL

Chairperson

- O. O. Andronnikova**, Cand. of Sci. (Psychol.), Professor, Novosibirsk

Council members

- R. A. Agavelyan**, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Novosibirsk
N. S. Glukhanyuk, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Ekaterinburg
A. V. Zobkov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Vladimir
V. S. Chernyavskaya, Doctor of Sci. (Pedagogy), Professor, Vladivostok
L. V. Lidak, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Pyatigorsk
M. Milankov, PhD (Medicine), Professor, Novi Sad (Serbia)
T. I. Mironova, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Kostroma
S. K. Nartova-Bochaver, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Moscow
A. K. Osnitsky, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Moscow
M. M. Reshetnikov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, St. Petersburg
B. R. Kadyrov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Tashkent (Uzbekistan)
Senna Vasconcelos da Silva Valesio, Doctor of Sci. (Pedagogy), Professor,
Rio de Janeiro (Brazil)
A. V. Seryj, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Kemerovo
I. G. Solovyova, Doctor of Sci. (Medicine), Professor, Novosibirsk
E. V. Chernyj, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Simferopol
M. A. Schukina, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, St. Petersburg
E. V. Rudensky, Doctor of Sci. (Sociol.), Professor, Novosibirsk
M. Ya. Dvoretzkaya, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, St. Petersburg

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

- Гурина Е. С., Белашина Т. В.* (Новосибирск, Россия) Аналитический обзор диагностического инструментария феноменов телесной сферы 7
- Белобрыкина О. А.* (Новосибирск, Россия) В. Г. Леонтьев: личность, профессиональная деятельность и научное творчество ученого в библиографии 20

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Гудкова Т. В.* (Новосибирск, Россия) Особенности взаимосвязи тревожности и эмпатии у мальчиков и девочек подросткового возраста 31
- Мустафина Л. Ш.* (Москва, Россия) Взаимосвязь представлений о совести с личностными характеристиками людей в период поздней зрелости 48
- Чухрова М. Г., Пронин С. В.* (Новосибирск, Россия), *Корытченкова Н. И.* (Кемерово, Россия) Нарушения пищевого поведения у молодых женщин: особенности мотивации 62

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

- Ивонина Я. А.* (Барнаул, Россия) Психолого-педагогические условия развития креативности студентов в процессе обучения в системе высшего профессионального художественного образования 73

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Кабардов М. К., Осницкий А. К.* (Москва, Россия) О работе 6-го симпозиума «Современные психотехнологии в искусстве в ракурсе психологии семьи, семейных отношений» 87

Журнал основан в 2017 г.
Выходит 4 раза в год
Компьютерная верстка И. Т. Ильюк
Редактор Д. О. Зверева
Адрес редакции:
630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28,
8(383) 244-00-95.
Адрес издательства и типографии:
630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28,
8(383) 244-06-62.

Печать цифровая. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 6,8.
Тираж 1000 экз. Заказ № 28.
Формат 70x108/16.
Цена свободная
Дата выхода в свет: 09.04.2025
Отпечатано в Издательстве НГПУ

© ФГБОУ ВО «НГПУ», 2025
Все права защищены

CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

- Gurina E. S., Belashina T. V.* (Novosibirsk, Russia) Analytical review
of diagnostic tools bodily phenomena 7
- Belobrykina O. A.* (Novosibirsk, Russia) V. G. Leontyev: personality, professional
activity and scientific creativity of a scientist in bibliography 20

AGE PSYCHOLOGY

- Gudkova T. V.* (Novosibirsk, Russia) Features of the relationship between anxiety
and empathy in adolescent boys and girls..... 31
- Mustafina L. Sh.* (Moscow, Russia) The relationship of the representations
of people about conscience with personal characteristics in the period
of late adulthood 48
- Chukhrova M. G., Pronin S. V.* (Novosibirsk, Russia), *Korytchenkova N. I.*
(Kemerovo, Russia) Eating disorders in young women: features of motivation 62

EDUCATIONAL PSYCHOLOGY AND PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL LEARNING ENVIRONMENTS

- Ivonina Ya. A.* (Barnaul, Russia) Psychological and pedagogical conditions
for the development of students' creativity in the learning process in the system
of higher professional art education..... 73

SCIENTIFIC LIFE

- Kabardov M. K., Osnitsky A. K.* (Moscow, Russia) On the work of the
6th symposium “Modern psychotechnologies in art from the perspective
of family psychology, family relations” 87

The journal is based in 2017 Leaves 4 yearly Electronic make-up operator I. T. Iliuk Editor D. O. Zvereva Editors address: 630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28, т. 8(383) 244-00-95 Editors publisher and printing house: 630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28, т. 8(383) 244-06-62	Printing digital. Offset paper Printer's sheets: 8,6. Publisher's sheets: 6,8. Circulation 1000 issues. Order № 28. Format 70×108/16 Release date 09.04.2025 Printed by Publishing House of the NSPU
--	---

Развитие человека в современном мире. 2025. № 1
Human Development in the Modern World. 2025, no. 1

Научная статья

УДК 159.9.01

Аналитический обзор диагностического инструментария феноменов телесной сферы

Елена Сергеевна Гурина¹, Татьяна Валентиновна Белашина¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия

Аннотация. В работе актуализирован вопрос исследования телесной составляющей в структуре психики человека. Показано, что на фоне роста исследований, основанных на теоретическом осмыслении телесности, эмпирическое изучение данного феномена в отечественной психологии пока еще остается недостаточным и односторонним. В рамках традиционного направления исследования телесности долгое время опирались на данные, полученные в результате самоотчетов испытуемых об особенностях тела (например, вес, объем, форма, размер и др.), его активности, оценке отдельных частей и т. д. Со временем акцент все больше смещался в сторону восприятия и понимания человеческого тела как «одухотворенной» материи, а не просто материальной оболочки, что обусловило переход к понятию «телесность» и появление качественно новых методик диагностики. Однако большая сложность в данном случае заключается в отсутствии однозначной трактовки феномена телесности, что обусловлено его многоаспектностью и многоплановостью, а также недостаточной разработанностью валидного и надежного диагностического инструментария, что позволило бы более дифференцированно подходить к оценке и описанию феноменов телесной сферы.

Представленный в практике отечественной психодиагностики инструментарий направлен преимущественно на оценку образа тела, а попытки измерения других, относящихся к телу, конструктов в настоящее время являются фрагментарными (например, диагностика проявлений феноменов телесной сферы в рамках определения соматических и клинических расстройств, установок и поведенческих паттернов, связанных с телом и внешностью, а также определения роли и места телесной составляющей в структуре «Я»). Вместе с тем представляется крайне актуальной задачей разработка методик, направленных на оценку тенденций инвестирования психических задач в телесность, что позволило бы существенно расширить научные представления о неразрывной связи психики и тела, а также способствовало решению конкретных практических задач.

Ключевые слова: тело; телесность; образ тела; психодиагностика; исследование.

Для цитирования: Гурина Е. С., Белашина Т. В. Аналитический обзор диагностического инструментария феноменов телесной сферы // Развитие человека в современном мире. – 2025. – № 1. – С. 7–19.

Original article

Analytical review of diagnostic tools bodily phenomena

Elena S. Gurina¹, Tatiana V. Belashina¹

¹*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia*

Abstract. The paper actualizes the issue of research of the bodily component in the structure of human psyche. It is shown that against the background of the growth of studies based on the theoretical understanding of corporeality, empirical study of this phenomenon in Russian psychology is still few and one-sided. Within the framework of the traditional direction, the research of corporeality for a long time relied on the data obtained as a result of self-reports of subjects about body features (e.g., weight, volume, shape, size, etc.), its activity, evaluation of individual parts, etc. Over time, the emphasis shifted more and more towards the perception and understanding of the human body as a “spiritualized” matter, not just a material shell, which led to the transition to the concept of “corporeality” and the emergence of qualitatively new diagnostic techniques. However, the great difficulty in this case is the lack of an unambiguous interpretation of the phenomenon of corporeality, which is due to its multidimensionality and multidimensional nature, as well as the lack of development of valid and reliable diagnostic tools, which would allow a more differentiated approach to the assessment and description of the phenomena of the corporeal sphere.

The tools presented in the practice of Russian psychodiagnostics are mainly aimed at assessing body image, and attempts to measure other body-related constructs are currently fragmentary (for example, diagnostics of manifestations of bodily sphere phenomena within the framework of determining somatic and clinical disorders, attitudes and behavioral patterns related to the body and appearance, as well as determining the role and place of the bodily component in the structure of the “I”). At the same time, it seems extremely urgent to develop methods aimed at assessing the tendencies of investing mental tasks in corporeality, which would significantly expand the scientific understanding of the inseparable connection between the psyche and the body, as well as contribute to the solution of specific practical problems.

Keywords: body; corporeality; body image; psychodiagnostics; research.

For citation: Gurina E. S., Belashina T. V. Analytical review of diagnostic tools bodily phenomena. *Human Development in the Modern World*, 2025, no. 1, pp. 7–19. (In Russ.)

Введение. В последние десятилетия отмечается возрождение интереса гуманитарных наук к проблеме телесного, что подтверждает рост числа публикаций в области психологии, философии, социологии и др. [1; 3; 5; 6; 7; 9; 10; 11; 16; 17; 19; 22; 23; 31]. Исследования, посвященные анализу феноменов телесной сферы, крайне актуальны, т. к. раскрывают закономерности психического развития, становления самосознания, формирования тех или иных качеств и свойств личности сквозь призму формирования и становления телесности. В настоящее время в отечественной науке представлены отдельные теоретические концепции, по-разному осмысляющие феномен телесности и раскрывающие его различные содержательные характеристики.

В ряде работ под телесностью понимается производное от понятия «тело» и рассматривается, прежде всего, физиологическая составляющая субъекта. Например, в работе антрополога Х. Плеснера, описавшего два типа границ телесности, речь

идет о теле и его соприкосновении с окружающей средой: «граница есть лишь виртуальное “между” телом и примыкающей средой, то, “где” оно начинается (прекращается), поскольку иное в нем прекращается (начинается)»; в этом случае граница не принадлежит только телу или только среде, она есть «чистый переход от одного к другому» [21, с. 110]. Также в работе С. В. Бацановой вводится понятие «протестной телесности» для осмысления феномена модификации тела: «изменение своего тела – это игра, попытка найти свою нишу и выразить свое отношение к жизни и обществу, предъявляющему неудобные требования» [3, с. 247].

В. П. Зинченко обозначает телесность пространством между одушевленным телом и «оплотненной» душой [10]. И. Б. Быховская рассматривает телесность как характеристику, возникающую в результате пересечения природного и социокультурного бытия [6]. По мнению Т. С. Леви, «человеческая телесность является результатом процесса онтогенетического, личностного развития в широком смысле исторического развития и выражает культурную, индивидуально-психологическую смысловую составляющую уникального человеческого существа» [17, с. 11].

Аналитический обзор различных источников, раскрывающих проблему проявления телесного, показал, что в настоящее время нет однозначной трактовки феноменов телесной сферы, что обусловлено его многоаспектностью и многоплановостью, а также недостаточной разработанностью диагностического инструментария, что позволило бы более дифференцированно подходить к исследованию и описанию феноменов телесной сферы.

Цель статьи – проанализировать и систематизировать существующий в практике отечественной психодиагностики инструментарий, направленный на оценку различных феноменов, относящихся к сфере телесного.

Теоретическая часть. Большинство эмпирических исследований в области психологии телесности посвящено оценке образа тела в контексте проблемы пищевого поведения. С этой целью были разработаны различные варианты опросников, направленные на диагностику степени удовлетворенности собственным телом у лиц с нарушениями пищевого поведения.

Одной из наиболее часто используемых методик является «Опросник образа собственного тела», разработанный О. А. Скугаревским и С. В. Сивухой на базе Белорусского государственного университета [25]. Тест является ценным психометрическим инструментом, направленным на выявление степени неудовлетворенности внешностью как структурного компонента образа тела. Опросник в его окончательной версии содержит 16 пунктов, что позволяет считать его компактным и оперативным измерительным инструментом, валидация которого осуществлена на выборке, которую составили более 1000 испытуемых.

Большим шагом в исследовании образа тела стала разработка серии опросников, разработанных Т. Ф. Кэшэм, начиная с 1994 г. В России опросники переведены и адаптированы Л. Т. Баранской и С. С. Татауровой в 2008 г. Как отмечают авторы, «тело – не только организм человека и его внешние физические проявления, но и индивидуальный образ, отражающий культуру и духовность человека» [2, с. 3]. Далее отмечено, что «одним из важнейших компонентов телесности человека является отражение собственного тела в сознании. Нарушения образа тела могут стать серьезным препятствием на пути личностного роста современного человека» [2, с. 4]. Именно поэтому исследование образа тела, а также разработка соответствующего валидного инструментария, может дать ценную информацию о закономер-

ностях психологического онтогенеза в целом, становлении самосознания и развития личности [2].

Опросник SIBID (ситуативная неудовлетворенность образом тела) разработан в 1994 г. Т. Ф. Кэшем (Т. F. Cash) и направлен на оценку отрицательных эмоций по поводу своего тела. Стимульный материал методики представляет собой 20 различных ситуаций, потенциально способных являться стрессовыми для лиц с проблемами в восприятии собственного тела. Адаптация и стандартизация данного опросника осуществлена на выборке от 18 до 64 лет.

«Опросник представлений о внешности» (ASI-R) является оригинальной методикой, разработанной в 1996 г. Т. Ф. Кэшем и А. С. Лафарджем. Тест направлен на оценку влияния особенностей внешности обследуемого на его жизнь и готовность вкладываться в свою внешность. Первоначально опросник содержал 14 пунктов (ASI), но в последующем был расширен до 41 и преобразован в ASI-R, что было обусловлено более детальной дифференциацией параметров, отражающих значимость внешности в самых разных сферах жизни. В последующем и эта версия опросника была модифицирована в более краткую (сохранив при этом надежность и валидность), содержащую 20 пунктов. Методика позволяет оценить такие параметры, как «самооценочная значимость внешности» (12 пунктов) и «мотивационная значимость внешности» (8 пунктов).

Опросник MBSRQ-AS (многокомпонентный опросник отношения к собственному телу) разработан в 2002 г. Т. Ф. Кэшем и представляет собой структурированный самоотчет испытуемого о том, как он оценивает образ своего тела и насколько выражено в этот образ вложился. Методика содержит 34 пункта и состоит из 5 взаимосвязанных субшкал, направленных на оценку внешности, ориентацию на внешность, удовлетворенность параметрами тела, озабоченность лишним весом и оценку своего веса.

Шкала состояний образа тела (BISS) представляет собой инструмент оценки краткосрочных эмоциональных переживаний, связанных с внешностью обследуемого. Разработка и валидация BISS подтвердила гипотезу авторов о том, что лица, которые склонны к дисфункциональным вложениям в свою внешность, характеризуются также контекстуальным наличием негативных состояний образа тела.

Опросник BIQLI (влияние образа тела на качество жизни) был разработан в 2002 г. и представляет собой инструмент диагностики воздействия на качество жизни респондента (положительного или отрицательного) сформированного образа тела. Диагностика с помощью BIQLI предполагает оценку связи образа тела и параметров психологического благополучия, таких, как ежедневное эмоциональное состояние, межличностные отношения, самооценка, социальная включенность, общая удовлетворенность жизнью и др. Отличительной особенностью данного опросника является то, что он не измеряет образ тела как таковой, но его результаты дают представление о том, как влияет восприятие образа тела на разнообразные сферы жизни испытуемого.

Обобщая обзор опросников Т. Ф. Кэша, адаптированных Л. Т. Баранской и С. С. Татауровой, следует отметить, что представленные методики являются психометрически состоятельными (авторами проведена и подробно описана процедура валидации и стандартизации), достаточно лаконичными, предполагают вариабельность ответов обследуемого, а также просты в проведении итоговой обработки результатов.

В 2006 г. в рамках исследования А. Б. Холмогоровой, А. А. Дадеко был разработан «Опросник физического перфекционизма» для выявления системы личностных установок и представлений, связанных с внешним видом и повышенной озабоченностью своей внешностью, что проявлялось в постоянном стремлении приводить свое тело в соответствие с идеальными стандартами. Актуальность разработки данного теста была обусловлена ростом числа мужчин-бодибилдеров и женщин, активно занимающихся фитнесом. Результаты проведенного авторами исследования показали, что лица, которые систематически прибегают к улучшению своего тела (выходя за пределы эстетической нормы), характеризуются достаточно высоким эмоциональным неблагополучием по сравнению с теми, кто не использует подобную стратегию [30].

Попытка исследования влияния окружающих людей на отношение к собственному телу является важным шагом в изучении телесных феноменов. Так, в 2008 г. И. В. Лыбко совместно с коллегами представили методику «Диагностика телесного Я», направленную на оценку биологических данных, функциональных способностей, представлений об индивидуальных возможностях тела, а также зависимости отношения к телу от оценки окружающих. Однако содержание ряда суждений указанной методики представляется не вполне обоснованным. Так, например, пункты «Мой вес близок к идеальному» и «У меня от природы хорошая фигура» оценивают, скорее, некий объективно существующий «замер» тела, но не затрагивают того, как отвечающий относится к этому (например, тело может быть идеальным, но не принятым, или неидеальным, но вызывающим положительные переживания). На наш взгляд, при диагностике отношения к телу суждение/вопрос должен учитывать, прежде всего, контекст отношения (в данном случае вопросы, возможно, могли бы иметь такие формулировки «Мой вес меня полностью устраивает» и «Я доволен фигурой, доставшейся мне от природы»). Также суждения, составляющие шкалу самовосприятия телесного «Я», направлены на различные аспекты самоотношения, и, возможно, информативнее было бы выделить субшкалы. Допустим, такие вопросы, как «Я часто люблюсь собой в зеркале», «На конкурсе красоты я с легкостью вошел(ла) бы в десятку победителей», «Мне хочется, чтобы мне делали больше комплиментов по поводу моей внешности» и подобные могли бы составить субшкалу нарциссического отношения к телу и др. Несмотря на отмеченные дискуссионные моменты, методика достаточно надежна и информативна.

В 2016–2018 гг. была осуществлена модификация теста А. А. Рахманиной и А. Б. Холмогоровой в «Трехфакторную шкалу физического перфекционизма» с выделением факторов: «Использование пластической хирургии как способ коррекции несовершенств», «Склонность к неблагоприятным социальным сравнениям и руминированию на тему внешности», «Высокие стандарты внешнего вида и фиксация внимания на нем» [31]. Несмотря на соответствие психометрическим требованиям, шкала не прошла проверку на мужской выборке. В настоящее время методика активно используется с целью изучения отношения к своему телу у девушек.

Большой вклад в исследование проблемы внешнего облика внесли работы В. А. Лабунской и Е. В. Белугиной, которые совместно разработали анкету «Оценочно-содержательная интерпретация компонентов внешнего облика», направленную на диагностику эмоционального компонента физического «Я», которая предполагает процедуру самооценивания различных характеристик внешнего вида человека: лицо, телосложение, оформление облика, выразительное поведение [5].

Анкета «Оценка значимости привлекательного внешнего облика для улучшения различных аспектов жизнедеятельности» разработана в 2018 г. В. А. Лабунской и Г. В. Сериковым [13; 14] и направлена на оценку различных аспектов жизни человека: общение и дружеские отношения, академическая успешность, профессиональная сфера, романтические отношения и др. Ряд утверждений относится к образу жизни и переживанию счастья, что позволило выделить интегральный показатель значимости внешнего облика для улучшения различных сфер жизнедеятельности (ИнтЗВО), а также для ощущения счастья (ЗВО-счастье).

Анкета «Отношение к своему внешнему облику: удовлетворенность и обеспокоенность» была разработана совместно с Е. В. Капитановой, направлена на оценку меры обеспокоенности (ОбВО) и удовлетворенности (УдВО) внешним обликом.

В настоящее время существуют и другие авторские методики, исследующие отражение собственного тела в сознании субъекта: «Методика исследования самоотношения к Образу Физического Я» А. Г. Черкашиной (2004); «Образ тела» И. С. Морозовой, К. С. Белогай (2017); «Мое тело» К. С. Белогай (2017) [22; 32]; «Шкала оценки образа тела» (Contour Drawing Rating Scale, CDRS) М. Томпсона и Дж. Грея, в адаптации А. А. Золотаревой (2024) [11]. Как правило, они представляют собой оценку значимости и удовлетворенности анатомическими, функциональными, социальными характеристиками тела.

Важно отметить, что со временем научный интерес специалистов в области психологии телесности стал все больше смещаться с исследования специфики отражения собственного тела в сознании (в норме и патологии) в сторону разработки и адаптации специфического диагностического инструментария, направленного на оценку гносеологических, экзистенциональных и социокультурных составляющих феномена телесности человека.

Так, одной из первых работ в этой области стало исследование А. Ю. Рождественского и Г. В. Ложкина, в котором были определены роль и место телесной составляющей в Я-структуре. Результатом исследования стала разработка методики – «Опросник саморефлексии телесного потенциала», направленная на оценку процесса осознания личностью собственного телесного опыта [18]. На основе полученных результатов авторами были описаны 3 типа репрезентации телесного потенциала: витальный (характеризующий осознание тела как биологического объекта), конформный (связанный с представлениями о теле как инструменте встраивания в культуру, конкретный социум), личностный (отражающий интеграцию телесного потенциала в Я-структуру). Испытуемые с последним типом саморефлексии телесного потенциала составили наименьшее число респондентов, но, как отмечают авторы, именно для них характерны: положительное восприятие собственного «Я», уверенность в достижении жизненных целей и готовность к преодолению неудач за счет своих возможностей и самоактивности.

В 2009 г. А. А. Гавриленко был предложен опросник «Адаптационно-компенсаторные стратегии по преобразованию внешности», направленный на выявление действий по коррекции собственной внешности. В методике сформулирован ряд утверждений, отражающих более или менее распространенные разновидности таких действий, среди которых можно выделить искусственно осуществляемую коррекцию конституциональных контуров тела и лица субъекта, естественные способы изменения параметров внешности (анатомических), а также коррекцию элементов оформления внешнего вида (социальных) [7].

О. А. Заржицкая в 2013 г. представила адаптацию методики Дж. К. Томпсона, П. Ван ден Берг, М. Рериг, А. С. Гварда, Л. Дж. Хейнберга «Опросник социокультурных установок в отношении телесности», направленную на оценку влияния социально установленных стандартов на представления о телесности.

Л. Р. Правдиной в 2015 г. были представлены результаты разработки опросника, который включал несколько шкал, соответствующих 4 уровням здоровья человека: отношение к телу как организму (способность человека вести здоровый образ жизни и пр.); отражение психологического аспекта телесности (способность субъекта осознавать свои телесные ощущения, вербализовать эмоции и пр.); социальный аспект телесности (способность к пониманию невербальных сигналов общения и пр.); духовный аспект телесности (способность к пониманию себя целостно и пр.) [23]. Совокупность показателей по основным шкалам составляют общую шкалу телесности. Результаты данного исследования интересны, прежде всего, потому, что авторы акцентируют внимание на телесности, которая сводима не только к физическому телу, но и связана с эмоциональной и коммуникативной сферой.

М. Ю. Луцки и А. В. Дронго в 2019 г. представили методику диагностики экзистенциала телесности (ДЭТ). Основываясь на идеях М. Босса об экзистенциальной данности всего того, с чем человек приходит в этот мир и через что может дать проявиться бытию, о философских концепциях бытия и психоаналитических представлениях о телесности, авторы рассматривают телесность как экзистенциальный феномен сквозь призму 3 сфер бытия – 3 мира: Mitwelt (описывает отношения с другими людьми); Umwelt (биологический мир) и Eigenwelt (отношения со своим «Я», собственный мир). Результатом исследования выступает конкретная структура телесного экзистенциала, через которую прослеживается воплощенность «Я» в каждой телесной зоне. Так, через мир Mitwelt человек получает возможность взаимодействовать с другими людьми через свою телесность, включать и замечать ее в контакте. Возможность использовать свое тело и его отдельные части для достижения собственных целей в мире, реализации экзистенции лежит в плоскости Umwelt. В Eigenwelt субъект получает возможность отождествить себя с собственной телесностью, чувствовать, осознавать эту область, переживая положительные эмоции [19].

Среди исследований, основанных на применении проективных и полупроективных методов диагностики телесной сферы, интересна модификация методики Р. Бернса «Автопортрет – телесное состояние» Е. С. Романовой и С. Ф. Потемкиной. Она направлена на оценку индивидуально-психологических особенностей человека, его представлений о себе, внешности, внутреннем мире и характере [22].

К полупроективным также можно отнести методику «Крем», разработанную Т. А. Ребеко и Е. В. Васильевой (2006). Процедура диагностики осуществляется с помощью специальных карточек с дескрипторами кремов, из которых испытуемые выбирали индивидуально значимые характеристики. Концептуальная позиция авторов основана на том, что отношение к коже как к границе физического и психологического «Я» сопряжено с ощущением надежности, устойчивости и безопасности существования, а также характеризует ведущий способ контакта с миром [24].

В настоящее время в зарубежной литературе представлен ряд методик, направленных на исследование interoцептивного осознания: опросник телесной осознанности (Private Body Consciousness Sub-scale (PBCS)); опросник «Body Consciousness» (BCO); «Шкала телесного интеллекта» (Body Intelligence Scale (BIS)); «Измерение

уровня телесного осознания» (Body Awareness Measure (BAM)); «Опросник телесного осознания» (Опросник осознания тела (BAO)) и др. [22]. Однако в практике отечественной психодиагностики они не нашли своего применения.

Исследование interoцептивных телесных ощущений было предпринято А. Ш. Тхостовым и О. В. Ефремовой в 1990 г., что нашло свое отражение в разработке методики «Классификация ощущений». Позже на ее основе была разработана психосемантическая методика «Выбор дескрипторов интрацептивных ощущений» (ВДИО) для оценки особенностей вербализации и индивидуальных систем значений внутреннего восприятия и опыта (2003) [28]. Данная методика представляет собой систему дескрипторов для описания интрацептивных ощущений, что стало ценным вкладом в области диагностики различных соматических и психических расстройств.

Также заслуживает внимания опросник оценки телесного напряжения, разработанный Э. Грёнлюнд и Н. Ю. Оганесян, используемый в узкоспециализированной практике танцевально-двигательной терапии лиц с психотическими расстройствами [8].

Таким образом, представленный аналитический обзор позволил систематизировать существующие инструменты оценки феноменов телесной сферы (рис.).

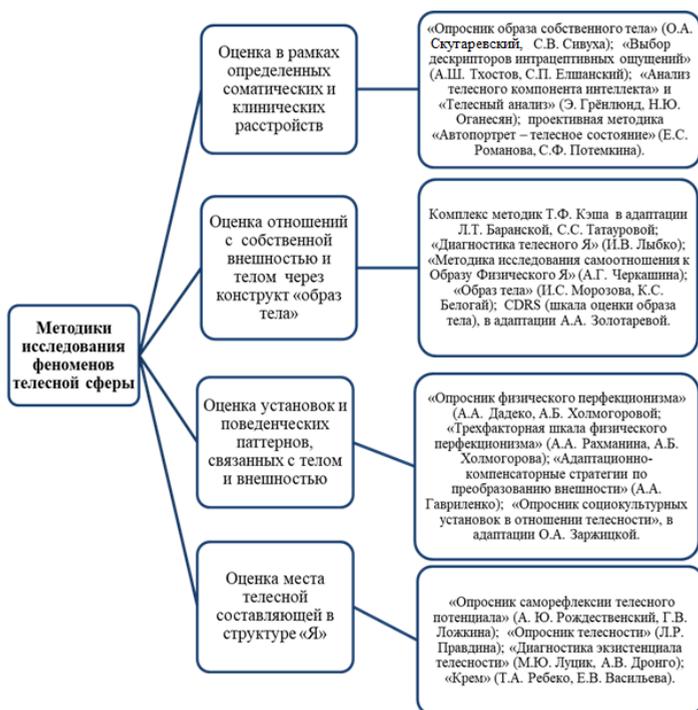

Рис. Инструменты оценки феноменов телесной сферы

Выводы. Представленный теоретический обзор инструментов, существующих в настоящее время в практике психодиагностики и тестологии, показал, что оценка различных предметных областей телесности является актуальным и перспективным направлением исследований. Традиционное эмпирическое освещение телесности достаточно долгое время было ограничено рядом описательных характери-

стик, основанных на самоотчетах испытуемых об особенностях своего тела (вес, объем, форма, размер и пр.), его активности, оценке отдельных частей и т. д. Со временем все больше исследователей акцентировали внимание на человеческом теле как «одухотворенной» материи [6; 10; 16; 17; 20; 23; 27], а не просто материальной оболочке, что обусловило переход к понятию «телесность» и появление качественно новых методик диагностики. Современный взгляд на взаимопроникновение телесного и психического, их неотделимость друг от друга в рамках человеческого бытия, рождает все больше вопросов и создает поле для проведения исследований, а предлагаемые авторами инструменты претендуют на рассмотрение все большей взаимообусловленности и взаимозависимости телесного и психического.

Несмотря на это существует явный недостаток валидных методик, направленных на оценку тех психических задач, которые могут быть решены посредством тела. Так, например, известно, что для человека с низкой самооценкой тело нередко выступает в качестве способа ее регуляции [15]. Для того, кто испытывает трудности в эмоциональном отклике, тело может стать инструментом выведения интенсивных чувств [26; 29]. Именно поэтому крайне актуальным является вопрос разработки методики, достаточно чувствительной в отношении тонкого перехода к инвестированию психических задач в телесность, что позволило бы не только расширить научные представления о неразрывной связи психики и тела, но и способствовало бы решению конкретных задач психологической практики.

Список источников

1. Агафонова П. А., Чернявская В. С. Направленность личности и самоотношение у подростков с позитивным и негативным образом тела // Развитие человека в современном мире. – 2024. – № 3. – С. 38–54.
2. Баранская Л. Т., Татаурова С. С. Методика исследования образа тела. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2011. – 82 с.
3. Бацанова С. В. Протестная телесность // Вестник Белгородского государственного технологического университета имени В. Г. Шухова. – 2015. – № 4. – С. 245–250.
4. Белашина Т. В., Волкова К. Особенности взаимосвязи самоотношения и образа тела в подростковом возрасте // Развитие человека в современном мире. – 2022. – № 2. – С. 102–116.
5. Белугина Е. В. Отношение к своему внешнему облику в период середины жизни: дисс. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2003. – 199 с.
6. Быховская И. М. Аксиология телесности и здоровье: сопряженность в культурологическом измерении // Психология телесности между душой и телом / ред-сост.: В. П. Зинченко, Т. С. Леви. – М.: АСТ, 2005. – С. 53–67.
7. Гавриленко А. А. Образ физического «Я» как структурная составляющая Я-концепции: дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2009. – 175 с.
8. Грэнлионд Э., Оганесян Н. Ю. Танцевальная терапия. Теория, методика, практика. – СПб.: Речь, 2004. – 288 с.
9. Заржицкая О. А. Адаптация русскоязычной версии опросника «Опросник социокультурных установок в отношении телесности» // Вестник Брестского государственного технического университета. – 2013. – № 2. – С. 173–183.
10. Зинченко В. П. Психология на качелях между душой и телом // Психология телесности между душой и телом / ред-сост.: В. П. Зинченко, Т. С. Леви. – М.: АСТ, 2005. – С. 10–52.
11. Золотарева А. А. Психометрические свойства шкалы оценки образа тела (апробация на российской выборке) // Экспериментальная психология. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 201–210.

12. *Капитанова Е. В.* Социально-психологические факторы удовлетворенности студентов своим внешним обликом: дисс. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2017. – 212 с.
13. *Лабунская В. А.* Динамика представлений студентов о функциональной значимости привлекательного внешнего облика // Социодинамика. – 2018. – № 11. – С. 11–19.
14. *Лабунская В. А., Сериков Г. В.* Теоретические основы и методические подходы к изучению феномена «ценность внешнего облика» // Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9, № 3. – С. 91–103.
15. *Латина Ю.* Тело, еда, секс и тревога: что беспокоит современную женщину. Исследование клинического психолога [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rulit.me/books/telo-eda-seks-i-trevoga-cto-bespokoit-sovremennuyu-zhenshchinu-issledovanie-klinicheskogo-psihologa-read-511440-1.html> (дата обращения: 09.10.2024).
16. *Леви Т. С.* Психология телесности в ракурсе личностного развития // Психология телесности между душой и телом / ред.-сост.: В. П. Зинченко, Т. С. Леви. – М.: АСТ, 2005. – С. 410–433.
17. *Леви Т. С.* Телесно-энергетический подход к пониманию психологической границы человека // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2017. – № 2. – С. 10–18.
18. *Ложкин Г. В., Рождественский А. Ю.* Феномен телесности в «Я»-структуре старшеклассников и содержании их жизненных проектов // Психологический журнал. – 2004. – № 2. – С. 27–33.
19. *Луцки М. Ю., Дронго А. В.* Разработка и психометрическая проверка диагностики экзистенциала телесности (ДЭТ) // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия Психолого-педагогические науки. – 2019. – № 3(43). – С. 89–103.
20. *Лыбко И. В.* Методика «Диагностика телесного Я» // Психологическая диагностика: научно-методический и практический журнал. – 2008. – № 3. – С. 5–21.
21. *Плеснер Х.* Ступени органического и человек // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 96–151.
22. *Попова Р. Р.* Проблема исследования и методы диагностики интероцептивного осознания в отечественной и зарубежной психологии // Южно-российский журнал социальных наук. – 2020. – № 2. – С. 126–138.
23. *Правдина Л. Р., Васильева О. С., Власова А. Ю.* Телесность в контексте психологии здоровья: опыт пилотажного исследования // Российский психологический журнал. – 2015. – Т. 12, № 4. – С. 148–160.
24. *Ребеко Т. А.* Отношение к коже как репрезентация имплицитной модели феминности // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2006. – № 1(42). – С. 169–180.
25. *Скугаревский О. А., Сивуха С. В.* Образ собственного тела: разработка инструмента для оценки // Психологический журнал. – 2006. – № 2. – С. 40–48.
26. *Скэрдеруд Ф.* Беспокойство. Путешествие в себя. – Самара: Бахрах-М, 2003. – 478 с.
27. Телесность как эпистемологический феномен / под ред. И. А. Бесковой. – М.: ИФРАН, 2009. – 231 с.
28. *Тхостов А. Ш., Нелюбина А. С., Бузина Т. С.* Тест «Выбор дескрипторов интрацептивных ощущений»: уч. пособие. – СПб.: Научно-технологические, 2022. – 105 с.
29. *Хириш М.* «Это мое тело... и я могу делать с ним что хочу»: психоаналитический взгляд на диссоциацию и инсценировки тела. – М.: Когито-Центр, 2018. – 381 с.
30. *Холмогорова А. Б., Дадеко А. А.* Физический перфекционизм как фактор расстройств аффективного спектра в современной культуре [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. – 2010. – № 3. – URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 10.10.2024).

31. Холмогорова А. Б., Рахманина А. А. Трехфакторная шкала физического перфекционизма – новый инструмент диагностики патогенных стандартов внешности в современной культуре // Консультативная психология и психотерапия. – 2020. – Т. 28, № 4. – С. 98–117.
32. Черкашина А. Г. Образ физического «Я» в самоотношении девушек 17–18 лет. – Самара: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 2012. – 80 с.

References

1. Agafonova P. A., Chernyavskaya V. S. Personality orientation and self-relationship in adolescents with positive and negative body image. *Human Development in the Modern World*, 2024, no. 3, pp. 38–54. (In Russian)
2. Baranskaya L. T., Tataurova S. S. Methodology of body image research. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2011, 82 p. (In Russian)
3. Batsanova S. V. Protest bodyness. *Bulletin of the Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov*, 2015, no. 4, pp. 245–250. (In Russian)
4. Belashina T. V., Volkova K. Features of the relationship between self-relationship and body image in adolescence. *Human Development in the Modern World*, 2022, no. 2, pp. 102–116. (In Russian)
5. Belugina E. V. Attitudes to their appearance in the period of mid-life: diss. ... cand. psychol. sciences. Rostov-on-Don, 2003, 199 p. (In Russian)
6. Bykhovskaya I. M. Axiology of corporeality and health: contiguity in the cultural dimension. Psychology of corporality between soul and body. Ed.-comp. by V. P. Zinchenko, T. S. Levy. Moscow: AST, 2005, pp. 53–67. (In Russian)
7. Gavrilenko A. A. The image of physical self as a structural component of self-concept: diss. ... cand. psychol. sciences. Moscow, 2009, 175 p. (In Russian)
8. Grönlund E., Oganessian N. Yu. Dance therapy. Theory, methodology, practice. Saint Petersburg: Rech, 2004, 288 p. (In Russian)
9. Zarzhitskaya O. A. Adaptation of the Russian-language version of the questionnaire “Questionnaire of sociocultural attitudes towards corporality”. *Bulletin of Brest State Technical University*, 2013, no. 2, pp. 173–183. (In Russian)
10. Zinchenko V. P. Psychology on the swing between soul and body. Psychology of corporality between soul and body. Ed.-comp. by V. P. Zinchenko, T. S. Levy. Moscow: AST, 2005, pp. 10–52. (In Russian)
11. Zolotareva A. A. Psychometric properties of the body image assessment scale (approbation on the Russian sample). *Experimental Psychology*, 2023, vol. 16, no. 1, pp. 201–210. (In Russian)
12. Kapitanova E. V. Socio-psychological factors of students' satisfaction with their appearance: diss. ... cand. psychol. sciences. Rostov-on-Don, 2017, 212 p. (In Russian)
13. Labunskaya V. A. Dynamics of students' perceptions of the functional significance of attractive appearance. *Sociodynamics*, 2018, no. 11, pp. 11–19. (In Russian)
14. Labunskaya V. A., Serikov G. V. Theoretical foundations and methodological approaches to the study of the phenomenon “value of external appearance”. *Social Psychology and Society*, 2018, vol. 9, no. 3, pp. 91–103. (In Russian)
15. Lapina Yu. Body, food, sex and anxiety: what worries a modern woman. Research of a clinical psychologist [Electronic resource]. URL: <https://www.rulit.me/books/telo-eda-seks-i-trevoga-chno-bespoikoit-sovremennuyu-zhenshchinu-issledovanie-klinicheskogo-psihologa-read-511440-1.html> (date of access: 09.10.2024). (In Russian)
16. Levy T. S. Psychology of corporality in the perspective of personal development. Psychology of corporality between soul and body. Ed.-comp. by V. P. Zinchenko, T. S. Levy. Moscow: AST, 2005, pp. 410–433. (In Russian)

17. Levy T. S. Body-energy approach to understanding the psychological boundary of a person. *Scientific Works of Moscow Humanitarian University*, 2017, no. 2, pp. 10–18. (In Russian)
18. Lozhkin G. V., Rozhdestvensky A. Yu. The phenomenon of corporeality in the self-structure of high school students and the content of their life projects. *Psychological Journal*, 2004, no. 2, pp. 27–33. (In Russian)
19. Lutsik M. Yu., Drongo A. V. Development and psychometric verification of the diagnostics of existential of corporality (DET). *Bulletin of Samara State Technical University. Series Psychological and Pedagogical Sciences*, 2019, no. 3(43), pp. 89–103. (In Russian)
20. Lybko I. V. Methodology “Diagnostics of the corporeal self”. *Psychological diagnostics: Scientific-methodical and Practical Journal*, 2008, no. 3, pp. 5–21. (In Russian)
21. Plesner Kh. Steps of Organic and Man. The Problem of Man in Western Philosophy. Moscow: Progress, 1988, pp. 96–151. (In Russian)
22. Popova R. R. Research problem and methods of diagnostics of interoceptive awareness in Russian and foreign psychology. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 2020, no. 2, pp. 126–138. (In Russian)
23. Pravdina L. R., Vasilieva O. S., Vlasova A. Yu. Telesnost in the context of health psychology: experience of pilot study. *Russian Psychological Journal*, 2015, vol. 12, no. 4, pp. 148–160. (In Russian)
24. Rebeko T. A. Attitude to skin as a representation of the implicit model of femininity. *Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation*, 2006, no. 1(42), pp. 169–180. (In Russian)
25. Skugarevsky O. A., Sivukha S. V. Self-body image: development of a tool for evaluation. *Psychological Journal*, 2006, no. 2, pp. 40–48. (In Russian)
26. Skerderud F. Anxiety. Traveling into itself. Samara: Bakhrah-M, 2003, 478 p. (In Russian)
27. Corporeality as an epistemological phenomenon. Ed. by I. A. Beskova. Moscow: IFRAN, 2009, 231 p. (In Russian)
28. Tkhostov A. Sh., Nelyubina A. S., Buzina T. S. Test “Choice of descriptors of intrceptive sensations”: training manual. Saint Petersburg: Science-intensive technologies, 2022, 105 p. (In Russian)
29. Hirsch M. “This is my body... and I can do what I want with it”: a psychoanalytic look at dissociation and staging of the body. Moscow: Cogito Center, 2018, 381 p. (In Russian)
30. Kholmogorova A. B., Dadeko A. A. Physical perfectionism as a factor of affective spectrum disorders in modern culture [Electronic resource]. *Medical Psychology in Russia*, 2010, no. 3. URL: <http://medpsy.ru> (date of access: 10.10.2024). (In Russian)
31. Kholmogorova A. B., Rakhmanina A. A. Three-factor scale of physical perfectionism – a new tool for diagnosing pathogenic standards of appearance in modern culture. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020, vol. 28, no. 4, pp. 98–117. (In Russian)
32. Cherkashina A. G. Image of physical “I” in the self-image of girls 17–18 years old. Samara: Volga State Social and Humanitarian Academy, 2012, 80 p. (In Russian)

Информация об авторах

Е. С. Гурина – старший преподаватель кафедры социальной психологии и виктимологии, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия, <https://orcid.org/0009-0007-4015-7132>, elena.s.gurina@yandex.ru

Т. В. Белашина – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии, Новосибирский государственный педагогиче-

ский университет, г. Новосибирск, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-4656-0439>,
tatyanelashina@mail.ru

Information about the authors

E. S. Gurina – senior lecturer at the Department of Social Psychology and Victimology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, <https://orcid.org/0009-0007-4015-7132>, elena.s.gurina@yandex.ru

T. V. Belashina – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General Psychology and History of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-4656-0439>,
tatyanelashina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.12.2024; одобрена после рецензирования 12.01.2025; принята к публикации 12.02.2025.

The article was submitted 01.12.2024; approved after reviewing 12.01.2025; accepted for publication 12.02.2025.

Персоналии

УДК 159.99

В. Г. Леонтьев: личность, профессиональная деятельность и научное творчество ученого в библиографии

Ольга Альфонсасовна Белобрыкина¹

¹*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия*

Аннотация. Статья подготовлена в ознаменование 95-летия доктора психологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, Почетного профессора НГПУ Владимира Григорьевича Леонтьева – основателя Сибирской школы психологии мотивации, в память о котором 19 февраля 2025 г. в Новосибирском государственном педагогическом университете проведена Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Психология мотивации: прошлое, настоящее, будущее». В статье представлен краткий биографический очерк о профессиональной, организационно-педагогической и научной деятельности ученого. Раскрыт вклад Владимира Григорьевича в теорию и практику психологии мотивации, в создание Сибирской школы психологии, а также создание кафедры и факультета психологии в НГПУ, наставничества, научного руководства множеством аспирантов, докторантов, получивших дорогу в науку в созданном Владимиром Григорьевичем Совете по защите докторских диссертаций. Представлены результаты анализа библиографических источников, раскрывающих биографические сведения, личностные характеристики и сведения о научно-профессиональной деятельности В. Г. Леонтьева. Обозначено, что преобладающая доля работ, посвященных жизни и научной деятельности ученого, фиксируется в его юбилейные даты. Дан содержательный анализ научных публикаций, в которых представлена разработанная ученым концепция мотивации, ее психологических механизмов, предложенного им диагностического инструментария и его применения. Рассмотрен генезис и результаты деятельности созданной им научной школы.

Показано, что основными проблемами, рассматриваемыми В. Г. Леонтьевым, его учениками и последователями в области мотивации, являются понимание природы мотива, его внутренней структуры, психологических механизмов формирования мотивации, разработка моделей мотивационной структуры и места мотива в деятельности человека, разработка методов исследования и диагностики мотивов и мотивации.

Ключевые слова: В. Г. Леонтьев; ученый; психология мотивации; научные публикации; библиографический анализ; личность; профессиональная деятельность; научное творчество.

Для цитирования: Белобрыкина О. А. В. Г. Леонтьев: личность, профессиональная деятельность и научное творчество ученого в библиографии // Развитие человека в современном мире. – 2025. – № 1. – С. 20–30.

V. G. Leontyev: personality, professional activity and scientific creativity of a scientist in bibliography

Olga A. Belobrykina¹

¹*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia*

Abstract. The article was prepared to commemorate the 95th anniversary of the Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honorary Professor of the National Pedagogical University Vladimir Grigorievich Leontyev – the founder of the Siberian School of Psychology of Motivation, in whose memory on February 19, 2025 the All-Russian scientific and practical conference “Psychology of Motivation: Past, Present, Future” was held at the Novosibirsk State Pedagogical University with international participation. The article presents a brief biographical sketch about the professional, organizational, pedagogical and scientific activities of the scientist. The contribution of Vladimir Grigorievich to the theory and practice of psychology of motivation, to the creation of the Siberian School of Psychology, as well as the creation of the department and faculty of psychology at the Novosibirsk State Pedagogical University, mentoring, scientific leadership by many graduate students, doctoral students who received the road to science in the Council for the Defense of Doctoral Theses created by Vladimir Grigorievich. The analysis results are presented Bibliographical sources that reveal biographical information, personal characteristics and information about scientific and professional activities V. G. Leontyev. It is indicated that Predominant share works devoted to the life and scientific activity of the scientist is recorded in his jubilee dates. A substantial analysis of scientific publications is given, in which the concept of motivation developed by the scientist, its psychological mechanisms, the diagnostic tools proposed by him and its application are presented. The genesis and results of the activity of the scientific school created by him are considered. It is shown that the main problems considered in V. G. Leontyev and his students and followers in the field of motivation, is an understanding of the nature of the motive, its internal structure, psychological mechanisms for the formation of motivation, the development of models of the motivational structure and place of the motive in human activity, the development of methods for research and diagnosis of motives and motivation.

Keywords: V. G. Leontyev; scientist; psychology of motivation; scientific publications; bibliographic analysis; personality; professional activity; scientific creativity.

For citation: Belobrykina O. A. V. G. Leontyev: personality, professional activity and scientific creativity of a scientist in bibliography. *Human Development in the Modern World*, 2025, no. 1, pp. 20–30. (In Russ.)

Введение. 26 января 2025 г. Владимиру Григорьевичу Леонтьеву (26.01.1930 – 20.01.2011) исполнилось бы 95 лет. Его имя неразрывно связано с историей становления психологической науки в области мотивации личности и профессионального психологического образования в Сибирском регионе. Это и обуславливает необходимость рассмотрения и осмысления профессионально-научной деятельности ученого для понимания значимости его научного творчества в психологической науке и образовательной практике. Существенная часть его профессионального пути связана с работой в НГПУ.

Вехи профессионально-научного становления ученого. Научная деятельность В. Г. Леонтьева в Новосибирском государственном педагогическом институте (в 1993 г. получил статус университета) началась в 1962 г. в должности ассистента кафедры педагогики. Уже с этого периода молодой специалист начал проявлять свое профессиональное мастерство, раскрывать талант педагога, ученого, руководителя и организатора [2; 4].

С 1966 по 1969 г. он обучался в аспирантуре Новосибирского педагогического института, успешно окончил ее, и до 1973 г. продолжил работу в должности старшего преподавателя кафедры педагогики. В 1972 г. Владимир Григорьевич защитил кандидатскую диссертацию по педагогике на тему «Развитие познавательной потребности учащихся вечерних школ в процессе усвоения знаний». Его научным руководителем был известный ученый, доктор педагогических наук, профессор НГПИ, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР Юрий Владимирович Шаров [11], о котором В. Г. Леонтьев вспоминал с неизменным уважением и благодарностью.

Весной 1976 г. Леонтьев возглавил межфакультетскую кафедру психологии (Приказ Министерства Просвещения РСФСР № 5-117 от 25.05.76 г. Об утверждении тов. Леонтьева В. Г. заведующим кафедрой психологии) вуза и оставался ее неизменным руководителем до 2007 г. (в 2002 г. переименована в кафедру общей психологии и истории психологии), а действующим профессором кафедры оставался до последнего дня своей жизни [3]. Являясь заведующим кафедрой психологии, В. Г. Леонтьев создал дружный, работоспособный и творческий коллектив, преумножающий традиции и достижения психологической науки и практики.

Новый административный и научный статус способствовал налаживанию прочных научных связей с представителями различных психологических школ (московской, пермской, грузинской и др.) и актуализации творческого потенциала, который реализовался Владимиром Григорьевичем в пристальном интересе к проблеме психологии мотивации, верность которой он сохранил на всю жизнь [9; 15].

В 1989 г. он защищает докторскую диссертацию по теме «Психологические механизмы мотивации учебной деятельности» по специальности 19.00.01 Общая психология. Официальными оппонентами выступали А. И. Крупнов, доктор психологических наук, профессор Российского университета дружбы народов; Ю. М. Орлов, доктор психологических наук, профессор Московской Медицинской академии им. И. М. Сеченова; В. Г. Норакидзе, доктор психологических наук, профессор Института психологии им. Д. Н. Узнадзе [11]. Все оппоненты дали высокую оценку предлагаемой диссертантом концепции психологических механизмов мотивации человека и разработанной им обобщенной модели мотивационной структуры личности, имеющих теоретическую и практическую значимость, и открывающих новое направление в отечественной психологической науке. Защита диссертации проходила в г. Тбилиси (Грузинская ССР) на базе Института психологии им. Д. Н. Узнадзе. У Владимира Григорьевича долгие годы сохранялись теплые отношения с учеными школы Д. Н. Узнадзе.

В 1990 г. по инициативе В. Г. Леонтьева при кафедре психологии был создан спецфакультет практической психологии, выпустивший за период своего существования более 1000 специалистов-практиков. Многие из выпускников спецфакультета защитили кандидатские диссертации под его научным руководством и пополнили кадровый состав не только педагогического университета, но и других высших учебных заведений города, Сибирского региона и ряда городов России.

В 1991 г. В. Г. Леонтьев утвержден ВАК в ученном звании профессора.

В 1992 г. благодаря его инициативе в вузе была открыта аспирантура, создан действующий (с 1992 по 2001 г.) на базе университета и возглавленный им диссертационный совет Д.113.38.01 по специальности 19.00.01 Общая психология, история психологии. В состав диссертационного совета входили ведущие российские ученые: Б. А. Вяткин (г. Пермь), Г. А. Аминев (г. Уфа), А. П. Оконешникова (г. Якутск), В. Г. Асеев (г. Иркутск), В. Е. Ключко (г. Барнаул), Г. В. Залевский (г. Томск), Ц. П. Короленко (г. Новосибирск), В. А. Пермякова (г. Иркутск), Е. П. Щербаков (г. Омск), Н. Я. Большунова (г. Новосибирск) (ученый секретарь) и др. [6; 16].

На протяжении многих лет Владимир Григорьевич являлся руководителем и консультантом, выступал как рецензент и оппонент докторских и кандидатских работ в диссертационных советах вузов России, избирался членом диссертационных советов в Сибирском регионе (Иркутск, Пермь и др.).

С 2009 по 2011 г. В. Г. Леонтьев входил в состав объединенного докторского диссертационного совета ДМ 212.172.01 (открыт приказом Рособнадзора № 2059-2088 от 08.10.09) при НГПУ, работающего по педагогическим и психологическим отраслям науки [14].

За весь период профессионально-научной деятельности под руководством Владимира Григорьевича было защищено 14 докторских (из них соконсультирование – 2) и более 80 кандидатских (из них в соруководстве – 7) диссертаций¹. На основе концепции В. Г. Леонтьева его многочисленные ученики исследовали конкретные психологические механизмы формирования, проявления и развития мотивации в различных профессиях, на разных этапах жизни, природу и структуру мотива, его взаимосвязи с разными формами мотивации и индивидуально-психологическими особенностями личности [1; 12; 15]. Воспитавший десятки успешных учеников, Леонтьев, руководствуясь принципами доверия и поддержки инициативы, всегда стремился давать им простор для научного поиска. Многие его ученики, имеющие ученую степень, возглавили кафедры и факультеты не только родного вуза и вузов г. Новосибирска, но и многих высших учебных заведений как в нашей стране, так и в ближнем, и дальнем зарубежье.

На протяжении многих лет В. Г. Леонтьев выполнял большую общественную работу. Он неоднократно принимал участие в работе съездов российских психологов (1977, 1983, 1994, 1995, 2003, 2007 гг.), являлся участником и организатором ряда Всероссийских и международных научных конгрессов, симпозиумов, форумов и научно-практических конференций [3; 8].

На Учредительном съезде Российского психологического общества (РПО), проходившем 22–24 ноября 1994 г. в Москве, был сформирован Координационный Совет (КС РПО), в состав которого вошел и Владимир Григорьевич как председатель Новосибирского отделения. Он также был избран Членом Президиума Координационного Совета Российского психологического общества от Западно-Сибирского региона [7].

Активная организационно-управленческая деятельность Владимира Григорьевича проявилась и в том, что в 1995 г. была лицензирована специальность «Педа-

¹ Перечень диссертаций, защищенных при научном консультировании и под научным руководством В. Г. Леонтьева; полная информация о его публикациях и публикаций о нем будет представлена в сборнике материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Психология мотивации: прошлое, настоящее, будущее».

гог-психолог». В этом же году он был избран действительным членом (академиком) Международной Академии гуманизации образования (МАГО, РФ-Германия)², возглавляемой М. Н. Берулавой, доктором педагогических наук, профессором, членом-корреспондентом (с 1996 г. – академик) Российской Академии образования (РАО) [5, с. 19].

В 1996 г. на базе межфакультетских кафедр психологии и педагогики по инициативе В. Г. Леонтьева был образован факультет психологии, первым деканом которого он стал и возглавлял его до сентября 1999 г. Преемником Владимира Григорьевича на посту декана факультета психологии стал его ученик – Илья Степанович Вотчин, кандидат психологических наук, доцент, руководивший факультетом до 2013 г.

В мае 1997 г. Леонтьев был принят в члены-корреспонденты Международной академии наук педагогического образования (МАНПО, г. Москва), президентом которой являлся В. А. Сластенин, а в октябре 1999 г. ему присвоено высшее научное звание – академика (действительный член МАНПО) [13].

В 1999 г. Владимиру Григорьевичу было присвоено звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» за достижения в области подготовки специалистов. В марте 2004 г. ему присуждено звание Почетного профессора НГПУ [6; 14].

Жизненный путь В. Г. Леонтьева проходил на фоне значимых исторических событий, которые оказали влияние на формирование его личностных особенностей, мировоззрения, ценностных ориентаций, отношения к людям и научной деятельности.

Работы ученого в области психологии мотивации характеризуются глубиной, значительным уровнем проработки исследуемой проблемы и представляют несомненную ценность и для отечественной психологии, и для профессионального вузовского образования. За период профессиональной и научной деятельности Владимиром Григорьевичем опубликовано 87 научных и 5 учебно-методических работ. Он являлся редактором (ответственным, научным) 28 сборников научных трудов (из них научное консультирование – 1, соредктирование – 1; 2 сборника – в 2-х частях, 2 – в 3-х частях).

Для психолого-педагогической практики значение работ В. Г. Леонтьева заключается в том, что им разработано психологическое и учебно-методическое обеспечение реализации теоретической концепции повышения и регуляции мотивационного уровня учебной деятельности в школе и вузе; обоснованы общие принципы, психологические условия и закономерности функционирования психологических механизмов мотивации, позволяющие использовать их в учебном процессе; предложены психодиагностические методики исследования мотивации личности [15].

Владимир Григорьевич активно сотрудничал с образовательными учреждениями Новосибирска и Новосибирской области. Особенно теплая память сохранилась о нем у педагогов и психологов г. Бердска (НСО), где он был тесно связан с психологическим центром «Дарс» и долгое время консультировал его психологов и организаторов. Он неизменно участвовал в научно-практических конференциях педагогов и психологов, фактически являясь вместе с вдохновителем, руководителем этого

² Русское название Академии: «Международная Академия Гуманизации Образования» (МАГО); немецкое название: “Internationale Akademie zur Humanisierung der Bildung”. Но во избежание недоразумений, а также следуя тренду интернационализации, используется почти во всех случаях английская версия (включая сокращение IАНЕ).

центра, почетным гражданином г. Бердска Людмилой Николаевной Родионовой, одним из организаторов психологической службы этого города.

Ученый правомерно считается основателем Сибирской школы психологии мотивации, идеи которой до настоящего времени плодотворно исследуются и практически реализуются не только в Сибирском регионе (Абакан, Анжеро-Судженск, Барнаул, Горно-Алтайск, Кемерово, Красноярск, Ленинск-Кузнецк, Лесосибирск, Новокузнецк, Омск, Томск, Ужур и др.), но и далеко за его пределами (Чита, Улан-Удэ, Ишим, Челябинск, Москва, Санкт-Петербург, Калининград, Славянск-на-Кубани и др.), включая ближнее (Республика Казахстан (Павлодар, Усть-Каменогорск), Республика Беларусь) и дальнее зарубежье (Китай).

В ноябре 2011 г. на факультете психологии состоялось торжественное открытие мемориальной доски, посвященной В. Г. Леонтьеву, и присвоение 405 аудитории его имени, а также создание в ней мини-музея памяти ученого.

Библиография о жизни, личности и профессиональной деятельности В. Г. Леонтьева. Насыщенная и продуктивная педагогическая и профессионально-научная деятельность Владимира Григорьевича Леонтьева не могла не оказаться в области пристального внимания его учеников, коллег, представителей его научной школы, исследователей проблем мотивации. Вместе с тем, как показал библиографический анализ, научных публикаций, посвященных личности, биографии, профессиональной деятельности и научному творчеству Владимира Григорьевича, имеется очень мало. Это обусловлено прежде всего тем, что только в последнее десятилетие особое внимание стало уделяться вкладу ученого в отечественную психологическую науку и создание Сибирской школы психологии.

Не беря во внимание диссертационные исследования, выполненные при консультировании или под научным руководством В. Г. Леонтьева, где обращение к его трудам вполне объяснимо и закономерно, следует отметить, что основная часть работ, посвященных жизни и деятельности ученого, приурочена к его юбилейным датам. Материалов, представляющих развернутый анализ предложенной ученым концепции мотивации и ее психологических механизмов, разработанных им диагностических методов, а также работ, рассматривающих генезис и результаты деятельности созданной им научной школы, опубликовано незначительно.

Анализ библиографических каталогов позволил определить количество работ, имеющихся на текущий момент (всего 53 публикации), в которых непосредственно или опосредовано дается характеристика личности В. Г. Леонтьева, рассматривается его жизнедеятельность, представляются этапы его профессионального пути (27 публикаций), а также дается анализ научной деятельности ученого, цитируются и обсуждаются его концепция и результаты практико-ориентированных работ в области психологии мотивации личности, представляются данные исследований с применением созданных им диагностических методик (26 публикаций). Распределение публикаций в период с 2004 (дата первой публикации, упоминающей В. Г. Леонтьева) по 2024 г. графически представлено на рисунке.

Столь незначительное на сегодняшний день число публикаций связано, скорее всего, с тем, что: 1) отсутствует возможность непосредственного ознакомления со всеми библиографическими каталогами, и, соответственно, текстами, в которых упоминается имя В. Г. Леонтьева как известного ученого и организатора науки; 2) в РИНЦ отсутствует профиль ученого, что не позволяет зафиксировать количество его работ, на которые ссылаются авторы публикаций; 3) научное творчество

Владимира Григорьевича и его вклад в психологическую науку пока недостаточно осмыслены и оценены по достоинству, ожидая своего исторического часа.

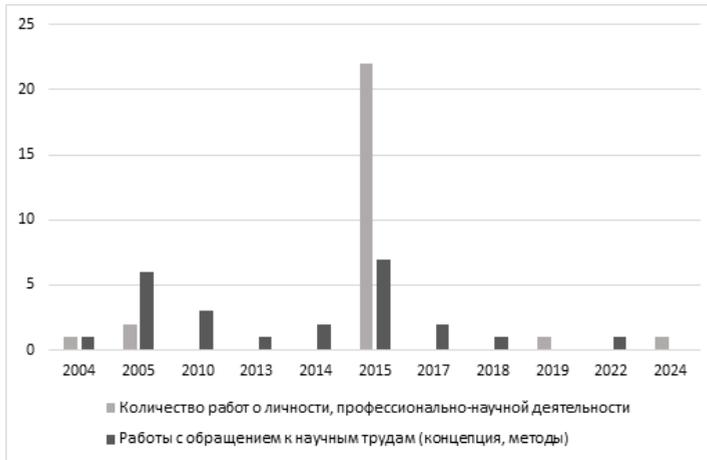

Рис. Диаграмма распределения количества публикаций у В. Г. Леонтьева

К числу одной из содержательных, отвечающих методологии и задачам представления и анализа роли персоналий в истории психологии, можно отнести работу, подготовленную в форме выпускной квалификационной работы (ВКР) и успешно защищенную в 2015 г. на факультете психологии студентом дневного отделения Ю. С. Даниловым, выполненную по направлению профессиональной подготовки 050400.62 Психолого-педагогическое образование (профиль «Психология образования») на тему «Профессионально-научная деятельность В. Г. Леонтьева в исторической ретроспективе». В ВКР представлены биографические данные и обобщенный психологический портрет личности ученого, сведения об организационно-административной и общественной работе, генезис профессионально-научной деятельности Владимира Григорьевича, а также на основе теоретического анализа дается характеристика разработанной им концепции психологических механизмов мотивации личности [6].

Еще одним значимым событием стала проведенная 19 февраля 2025 г. в Новосибирском государственном педагогическом университете Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, приуроченная к 95-летию Владимира Григорьевича Леонтьева. В работе научного форума приняли участие ученики В. Г. Леонтьева и последователи его научной школы, исследователи и молодые ученые из разных регионов России и ближнего зарубежья, студенты, педагоги, коллеги, работавшие с ним на факультете психологии. Представленные участниками результаты теоретических и эмпирических исследований в области психологии мотивации предоставили неоценимую возможность не только осмыслить вклад ученого в психологическую науку и практику, вдохновиться для поиска и реализации новых научных идей, но и пополнить перечень работ о Владимире Григорьевиче Леонтьеве как личности, ученом, о значимости его научного наследия в развитии отечественной психологии.

Следует отметить и некоторые важные моменты содержания научной деятельности Леонтьева. Особое значение его исследования имеют для понимания учебной деятельности и управления ею. В своей последней (2002 г.), подводящей итоги

его исследований, монографии, В. Г. Леонтьев, обобщая имеющиеся на тот момент в психологии данные о мотивах и мотивации, формулирует также свои основные концептуальные положения [9]. Реализуя системный подход к мотивации, Леонтьев выделяет ее иерархический характер, рассматривая свои данные прежде всего в отношении учебной деятельности. В качестве ведущих в системе мотивации им выделяются «мотивы социально-поисковый, стремление к овладению высокой квалификацией, самореализации, педагогически поисковый, мотив следования традиции, когнитивный, коммуникативный, профессиональный, когнитивно-поисковый и соревновательный» [9, с. 191]. Иерархия мотивационных средств этих мотивов, также представляющих систему, образует психологический механизм мотивации.

Дальнейший анализ позволил В. Г. Леонтьеву выделить систему факторов первого, второго и третьего порядка, позволяющих построить разные «модели учебной деятельности и ее механизмов» [9, с. 191]. Такой подход позволяет при анализе и реализации учебной деятельности учитывать многообразие мотивов, осуществляя более успешное управление ею. Несомненное значение имеют также предложенные и апробированные им методики исследования мотивации и анализа данных его эмпирических исследований.

Выводы. Владимира Григорьевича Леонтьева без преувеличения можно назвать основателем Сибирской психологической школы. Начатые им исследования в области психологии мотивации до настоящего времени не теряют своей актуальности. Именно его труды дают молодым исследователям прочный фундамент, который служит им опорой в достижении собственных научных целей, а также примером тщательного подхода к организации исследования и его анализа.

Список источников

1. *Антилогова Л. Н.* Нравственная мотивация и ее роль в саморегуляции поведения личности // Проблемы психологии мотивации: сб. науч. тр. по материалам науч.-практ. конф. юбилейный выпуск: к 75-летию со дня рождения В. Г. Леонтьева / под науч. ред. О. А. Белобрыкиной, О. А. Шамшиковой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. – С. 32–35.

2. *Белобрыкина О. А., Большунова Н. Я.* Владимир Григорьевич Леонтьев – Личность. Ученый. Учитель // Психология мотивации: прошлое, настоящее, будущее: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию доктора психологических наук, почетного профессора НГПУ В. Г. Леонтьева / под ред. О. А. Белобрыкиной, Н. Я. Большуновой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. – С. 5–14.

3. *Белобрыкина О. А.* В. Г. Леонтьев – вехи истории: традиции, современность, биографическая память // Психология мотивации: прошлое, настоящее, будущее: материалы Международной науч.-практической конференции, посвященной 85-летию доктора психологических наук, почетного профессора НГПУ В. Г. Леонтьева / под ред. О. А. Белобрыкиной, Н. Я. Большуновой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. – С. 15–19.

4. *Большунова Н. Я.* Владимир Григорьевич Леонтьев – человек, педагог, ученый // Психология мотивации: прошлое, настоящее, будущее: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию доктора психологических наук, почетного профессора НГПУ В. Г. Леонтьева / под ред. О. А. Белобрыкиной, Н. Я. Большуновой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. – С. 25–26.

5. *Гольц Р.* Международная Академия гуманизации образования (МАГО): воспоминания о времени ее основания // Гуманизация образования. – 2013. – № 1. – С. 6–22.

6. Данилов Ю. С. Профессионально-научная деятельность В. Г. Леонтьева в исторической ретроспективе: выпускная квалификационная работа по направлению профессиональной подготовки 44.03.02.62 Психолого-педагогическое образование, профиль «Психология образования» / под науч. рук. О. А. Белобрыкиной. – Новосибирск, 2015. – 64 с.

7. Корытова Г. Российское психологическое общество (РПО): учредительный съезд [Электронный ресурс]. – URL: <https://dzen.ru/a/ZaUuWF6Oo2aR4DBG#> (дата обращения: 25.01.2025).

8. Леонтьев Владимир Григорьевич [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.famous-scientists.ru/9231/> (дата обращения: 10.02.2025).

9. Леонтьев В. Г. Мотивация и психологические механизмы ее формирования / науч. ред. Ц. П. Короленко. – Новосибирск: Новосибирский полиграфкомбинат, 2002. – 264 с.

10. Леонтьев В. Г. Психологические механизмы мотивации учебной деятельности: дисс. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. – Тбилиси: Институт психологии, 1989. – 48 с.

11. Леонтьев В. Г. Развитие познавательной потребности учащихся вечерних школ в процессе усвоения знаний: дисс. ... канд. пед. наук / науч. рук. Ю. В. Шаров. – Новосибирск: [б. и.], 1972. – 254 с.

12. Лидин К. Л. «Закон биполярных условий» В. Г. Леонтьева применительно к эмоциональной мотивации студентов // Психология мотивации: прошлое, настоящее, будущее: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию доктора психологических наук, почетного профессора НГПУ В. Г. Леонтьева / под ред. О. А. Белобрыкиной, Н. Я. Большуновой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. – С. 195–200.

13. Международная Академия наук педагогического образования [Электронный ресурс]. – URL: https://cyclowiki.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%8F_%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA_%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 22.01.2025).

14. Некролог: Леонтьев В. Г. [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. – URL: <http://www.voppsy.ru/necro/necroVGLeon.htm> (дата обращения: 22.01.2025).

15. Психология мотивации: прошлое, настоящее, будущее: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию доктора психологических наук, почетного профессора НГПУ В. Г. Леонтьева / под ред. О. А. Белобрыкиной, Н. Я. Большуновой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. – 334 с.

16. Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р. Сибирская психологическая школа // Этнопсихокультура личности и традиции бурятского народа: монография / под ред. Р. Д. Санжаевой. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова, 2024. – С. 32–41.

References

1. Antilogo L. N. Moral motivation and its role in self-regulation of personal behavior. Problems of psychology of motivation: collection. scientific tr. based on scientific and practical materials. conf. anniversary issue: for the 75th anniversary of the birth of V. G. Leontyev. Scientifically ed. O. A. Belobrykina, O. A. Shamshikova. Novosibirsk: NSPU Publishing House, 2005, pp. 32–35. (In Russian)

2. Belobrykina O. A., Bolshunova N. Ya. Vladimir Grigorievich Leontyev – Personality. Scientist. Teacher. Psychology of motivation: past, present, future: materials

of the International scientific and practical. conference dedicated to the 85th anniversary of Doctor of Psychological Sciences, Honorary Professor of NSPU V. G. Leontyev. Ed. O. A. Belobrykina, N. Ya. Bolshunova. Novosibirsk: NSPU Publishing House, 2015, pp. 5–14. (In Russian)

3. Belobrykina O. A. V. G. Leontyev – milestones of history: traditions, modernity, biographical memory. Psychology of motivation: past, present, future: materials of the International scientific and practical. conference dedicated to the 85th anniversary of Doctor of Psychological Sciences, Honorary Professor of NSPU V. G. Leontyev. Ed. by O. A. Belobrykina, N. Ya. Bolshunova. Novosibirsk: NSPU Publishing House, 2015, pp. 15–19. (In Russian)

4. Bolshunova N. Ya. Vladimir Grigorievich Leontyev – person, teacher, scientist. Psychology of motivation: past, present, future: Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 85th anniversary of Doctor of Psychological Sciences, Honorary Professor of NSPU V. G. Leontyev. Ed. O. A. Belobrykina, N. Ya. Bolshunova. Novosibirsk: NSPU Publishing House, 2015, pp. 25–26. (In Russian)

5. Golts R. International Academy of Humanization of Education (IAGO): Memories of the time of its founding. *Humanization of Education*, 2013, no. 1, pp. 6–22. (In Russian)

6. Danilov Yu. S. Professional and scientific activity of V. G. Leontyev in historical retrospective: Graduate qualifying work in the direction of professional training 44.03.02.62 Psychological and pedagogical education, profile “Educational Psychology”. Under the scientific supervision of O. A. Belobrykina. Novosibirsk, 2015, 64 p. (In Russian)

7. Korytova G. Russian Psychological Society (RPS): founding congress [Electronic resource]. URL: <https://dzen.ru/a/ZaUuWF6Oo2aR4DBG#> (date of access: 25.01.2025). (In Russian)

8. Leontyev Vladimir Grigorievich [Electronic resource]. URL: <http://www.famous-scientists.ru/9231/> (date of access: 10.02.2025). (In Russian)

9. Leontyev V. G. Motivation and psychological mechanisms of its formation. Scientific ed. Ts. P. Korolenko. Novosibirsk: Novosibirsk Printing Plant, 2002, 264 p. (In Russian)

10. Leontyev V. G. Psychological mechanisms of motivation for educational activities: abstract of the dissertation of the doctor of psychological sciences: 19.00.01. Tbilisi: Institute of Psychology, 1989, 48 p. (In Russian)

11. Leontyev V. G. Development of the cognitive needs of evening school students in the process of acquiring knowledge: diss. ... cand. ped. science. Scientific Supervisor Yu. V. Sharov. Novosibirsk: [b. i.], 1972, 254 p. (In Russian)

12. Lidin K. L. “The Law of Bipolar Conditions” V. G. Leontiev in relation to the emotional motivation of students. Psychology of motivation: past, present, future: materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 85th anniversary of Doctor of Psychological Sciences, Honorary Professor of NSPU V. G. Leontiev. Ed. by O. A. Belobrykina, N. Ya. Bolshunova. Novosibirsk: NSPU Publishing House, 2015, pp. 195–200. (In Russian)

13. International Academy of Sciences of Pedagogical Education [Electronic resource]. URL: https://cyclowiki.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%8F_%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA_%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F (date of access: 22.01.2025). (In Russian)

14. Obituary: Leontyev V. G. [Electronic resource]. *Questions of psychology*. URL: <http://www.voppy.ru/necro/necroVGLLeon.htm> (date of access: 22.01.2025). (In Russian)

15. Psychology of motivation: past, present, future: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 85th anniversary of Doctor of Psychological

Sciences, Honorary Professor of NSPU V. G. Leontyev. Ed. by O. A. Belobrykina, N. Ya. Bolshunova. Novosibirsk: NSPU Publishing House, 2015, 334 p. (In Russian)

16. Sanzhaeva R. D., Monsonova A. R. Siberian psychological school. Ethnopsychoculture of personality and traditions of the Buryat people: monograph. Ed. by R. D. Sanzhaeva. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University named after D. Banzarova, 2024, pp. 32–41. (In Russian)

Информация об авторе

О. А. Белобрыкина – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и виктимологии, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-0407-6208>, belobr@mail.ru

Information about the author

O. A. Belobrykina – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor Department of Social Psychology and Victimology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-0407-6208>, belobr@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 01.02.2025; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 01.02.2025; accepted for publication 28.02.2025.

Развитие человека в современном мире. 2025. № 1
Human Development in the Modern World. 2025, no. 1

Научная статья

УДК 159.922.7

Особенности взаимосвязи тревожности и эмпатии у мальчиков и девочек подросткового возраста

Татьяна Викторовна Гудкова¹

¹*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия*

Аннотация. В статье излагаются результаты многоаспектных исследований на основе авторитетных источников, посвященные изучению тревожности как функционального образования на разных возрастных этапах: от младшего школьного до раннего юношеского возраста. Исходя из научных исследований, указывается на непростой характер взаимосвязей тревожности с другими характеристиками. В работе раскрывается сущность понятия «тревожность». Приводятся возможные источники, факторы, способствующие ее формированию как психологической особенности человека. Учитывая огромную роль индивидуального опыта индивида в неблагоприятных для него ситуациях, подчеркивается аспект физиологических и социальных факторов в формировании тревожного состояния. Представлены физиологические и средовые факторы, обуславливающие тревожность детей. Описываются возможные механизмы проявления тревожного состояния. Рассматриваются возрастные и индивидуальные формы проявления тревожности. В работе обращается внимание на понимание природы тревожности, подчеркивается, что источник переживаний происходит путем накопления отрицательного эмоционального опыта у человека. Указывается на формирование устойчивой тревожности и ее негативного влияния на деятельность и развитие личности детей и подростков. Рассматриваются взаимосвязи между характеристиками тревожности и особенностями психических состояний.

В статье представлены данные в рамках исследования, направленного на выявление взаимосвязи тревожности и эмпатии у школьников подросткового возраста. Выявлены статистически значимые различия между мальчиками и девочками по уровню школьной тревожности и эмпатии. Отмечается, что у мальчиков-подростков чаще встречается низкий уровень общей школьной тревожности, чем у девочек-подростков. Повышенный уровень общей школьной тревожности чаще наблюдается у девочек-подростков, чем у мальчиков. Напротив, очень низкий и низкий уровень эмпатии характерен больше для мальчиков, а высокий больше присущ девочкам-подросткам. Выявлены статистически значимые взаимосвязи между школьной тревожностью и эмпатией у данной группы испытуемых. Наиболее выражена в группе девочек-подростков взаимосвязь между параметрами «Общий уровень эмпатии» и «Общая тревожность на уроке».

Ключевые слова: тревожность; эмпатия; дети; подростки; тревога; механизмы тревожности; эмоциональное состояние; школьная тревожность; конфликт; стресс.

Для цитирования: Гудкова Т. В. Особенности взаимосвязи тревожности и эмпатии у мальчиков и девочек подросткового возраста // Развитие человека в современном мире. – 2025. – № 1. – С. 31–47.

Original article

Features of the relationship between anxiety and empathy in adolescent boys and girls

Tatiana V. Gudkova¹

¹*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia*

Abstract. The article presents the results of multidimensional research based on authoritative sources devoted to the study of anxiety as a functional education at different age stages: from primary school to early adolescence. Based on scientific research, it is indicated that the complex nature of the interdependencies of anxiety with other characteristics. The paper reveals the essence of the concept of “anxiety”. Possible sources and factors contributing to its formation as a psychological feature of a person are given. Considering the huge role of an individual's individual experience in unfavorable situations for him, the aspect of physiological and social factors in the formation of an anxious state is emphasized. The physiological and environmental factors that cause anxiety in children are presented. The possible mechanisms of the manifestation of the anxiety state are described. Age-related and individual forms of anxiety are considered. Attention is drawn to the understanding of the nature of anxiety in the work, it is emphasized that the source of experiences occurs through the accumulation of negative emotional experience in a person. The formation of persistent anxiety and its negative impact on the activity and personal development of children and adolescents is indicated. The interrelationships between the characteristics of anxiety and the characteristics of mental states are considered.

The article presents data within the framework of a study aimed at identifying the relationship between anxiety and empathy in adolescent schoolchildren. Statistically significant differences between boys and girls in terms of school anxiety and empathy were revealed. It is noted that adolescent boys are more likely to have a low level of general school anxiety than adolescent girls. Increased levels of general school anxiety are more common in adolescent girls than in boys. On the contrary, very low and low levels of empathy are more typical for boys, and high is more typical for teenage girls. Statistically significant correlations between school anxiety and empathy were revealed in this group of subjects. The relationship between the parameters “General level of empathy” and “General anxiety in the classroom” is most pronounced in the group of adolescent girls.

Keywords: anxiety; empathy; children; adolescents; anxiety; mechanisms of anxiety; emotional state; school anxiety; conflict; stress.

For citation: Gudkova T. V. Features of the relationship between anxiety and empathy in adolescent boys and girls. *Human Development in the Modern World*, 2025, no. 1, pp. 31–47. (In Russ.)

Введение. Проблема тревожности занимает особое место в психологических исследованиях. Аналитический обзор источников по проблеме проявления тревоги и тревожности показал, что данный вопрос систематически освещается в трудах различных ученых [18; 22; 27; 29 и др.]. Наиболее актуальными являются иссле-

дования связи тревожности с такими конструктами, как мотивация достижения, успеваемость, эмпатия, конфликтность, коммуникативная компетентность, личностные черты человека, агрессивность и влияние тревожности на характеристики деятельности [1; 10; 21; 23 и др.]. Так, А. М. Прихожан отмечает «определенную двойственность, сочетание общепринятых положений и их недостаточную экспериментальную и клиническую доказанность; расхождение между теоретическими положениями и их экспериментальным обоснованием» [22, с. 25].

Л. А. Жердева указывает на факт роста количества детей с высокими показателями тревожности. В связи с этим значимыми становятся задачи, направленные на повышение их социальной адаптивности, интеллектуальной и социальной компетентности [9].

А. М. Прихожан указывает на то, что во многих исследованиях акцентируется внимание на ведущей роли тревожности, лежащей «в основе целого ряда психологических трудностей детства» [22, с. 6]. Строго говоря, понимание тревожности как «относительно устойчивой личностной характеристики заставляет обратить особое внимание на роль личностных и социальных факторов в ее возникновении и закреплении, прежде всего в ходе общения» [22, с. 13]. При этом «факторы общения выделяются в качестве центральных» при исследовании всех сторон развития [22, с. 15], отмечает А. М. Прихожан. Сложным является вопрос относительно возрастной специфики тревожности.

Теоретическая часть. Обратимся к пониманию терминов «тревога», «тревожность» и их соотношению. Раскрывая сущность данных понятий С. Степанов замечает, что еще Цицерон утверждал, что «тревожность как черта характера (*anxietas*) отличается от состояния тревоги (*angor*) в том смысле, что тот, кто иногда испытывает страх, не обязательно всегда встревожен, а тот, кто тревожен, не обязательно во всех случаях испытывает страх» [26].

Понятию «тревоги» в психологии, как правило, соответствует представление о психическом состоянии человека, возникающем в определенное время и имеющим связь с конкретной угрожающей ситуацией (непосредственная тревога). Роль тревоги, проявляющаяся как черта личности (тревожность) человека, т. е. ее свойство, предполагающее повышенную склонность к переживанию своего тревожного состояния, была подчеркнута К. Э. Изардом [9] и Ч. Д. Спилбергером [27]. Иными словами, тревожность представляет собой индивидуальную психологическую характеристику – склонность индивида испытывать сильное беспокойство – тревогу по поводу даже относительно незначительных причин. Термин «тревожность» также используют при описании более широкого спектра переживаний, возникающих независимо от конкретной ситуации. Как правило, тревожного человека характеризует склонность к чувству тревоги и незащищенность его от тревожных реакций в различных неблагоприятных для него ситуациях.

Р. Плутчик рассматривает тревожность как сочетание страха и ожидания определенного события [37]. Согласно его представлению, понять динамику тревоги можно исходя из анализа ситуаций, вызывающих у человека страх и выявление им ожиданий по отношению к подобным ситуациям.

В понимании Н. В. Имедадзе тревожность – это «эмоциональное состояние, возникшее перед возможностью фрустрации социальных потребностей» [10, с. 50]. Рассматривая тревогу как состояние и тревожность как черту личности, Ч. Д. Спилбергер [27] выделил понятия личностной и ситуативной тревожности. Под личностной

тревожностью понимается устойчивая индивидуальная характеристика, отражающая предрасположенность человека к тревоге и предполагающая наличие у него тенденции воспринимать достаточно широкий спектр ситуаций как угрожающие, отвечая на каждую из них определенной реакцией, т. е. находиться в готовности к ожиданию опасности, что и определяет его состояние тревожности. Ситуативная или реактивная тревожность как состояние характеризуется субъективно переживаемыми эмоциями: напряжением, беспокойством, озабоченностью, нервозностью, возникает как эмоциональная реакция на стрессовую ситуацию.

По мнению Ю. Л. Ханина, ситуативная тревожность проявляется в качестве реакции на различные социально-психологические стрессоры. К таким относятся: негативная оценка, складывающаяся на основе отношения со стороны окружающих, или негативное восприятие себя; ожидание агрессивных реакций от окружающих; угрозы самооценке и репутации и т. п. Личностная – отражает индивидуальные различия в сопротивляемости и неустойчивости личности к даже незначительным угрозам по отношению к себе [31].

З. Фрейд считал, что понимание природы тревоги имеет колоссальное значение для объяснения психической жизни человека и определял ее как неприятное переживание, которое выступает сигналом предвосхищаемой опасности [29]. В рамках своей концепции он классифицировал тревогу, подразделяя ее на три вида: нормальную (объективную), возникающую в ситуациях, когда возникает реальная опасность; невротическую, вызванную опасностью неизвестной и неопределенной, когда объект заключается во внутренней, а не во внешней опасности. Первая сознательно не признается. З. Фрейд [28; 30] определяет это как «тревогу совести» – моральную, появляющуюся при восприятии Эго опасности, идущей от Супер-Эго. В свою очередь, невротическая может проявляться в трех основных формах: свободно плавающая, свободно витающая или готовность в виде тревоги, которую, как образно замечает Фрейд [29], тревожный человек носит повсюду с собой, и она всегда готова прикрепиться к любому более или менее подходящему объекту (внешнему или внутреннему), например, может воплотиться в страх ожидания. Таким образом, индивид может испытывать тревожность в случае реальной или предполагаемой опасности и в случае морального не спокойствия или тревожной совести.

Нельзя не согласиться с К. Хорни, которая, разграничивая феномены страха и тревоги, являющиеся подобными реакциями на опасность, отмечала, что интенсивность тревоги пропорциональна тому смыслу, который для данного человека имеет данная ситуация. Причины тревоги для него, как правило, неизвестны. Автор, используя понятие «базальной тревожности», определяет ее в качестве чувства собственной незначительности, беспомощности, покинутости, а также уязвимости в опасности, нахождения в мире, в котором бытуют такие негативные состояния, как обиды, обман, нападки, зависть и др. Хорни выделяет различные по характеру способы, которые человеком могут использоваться при избегании тревоги: рационализация; отрицание; бегство от мыслей, чувств и ситуаций; наркомания [32].

В. Н. Мясищев в ряде своих работ, обозначив проблему внутреннего или психологического конфликта, определил его как особое сочетание в диаде объективных и субъективных факторов, нарушающих значимые отношения личности и способствующих в свою очередь устойчивому переживанию эмоционального напряжения, интенсивность которого определяется субъективной значимостью для личности нарушенных отношений. Хотелось бы особо подчеркнуть следующую мысль

В. Н. Мясищева относительно ключевого аспекта [18], выступающего основой для возникновения тревожности, а именно: возникающее противоречие между имеющимися у личности возможностями и предъявляемыми к ней требованиями действительности, с которыми человек не может справиться по разным причинам.

В работах К. Роджерса тревожность рассматривается как некоторая эмоциональная реакция на внутриличностное противоречие. В своих исследованиях автор раскрыл взаимозависимости, которые характеризуются спектром таких состояний, как переживаемая человеком скованность, напряженность, причину чего он не может осмыслить и понять. Как некий знак, символ угрозы, возникающий на уровне сознания вследствие неконгруэнтности Я-концепции индивида и актуального опыта в качестве реакции со стороны организма на подпороговое восприятие того, что такой характер противоречия может достигать осознания, тем самым вызывая изменения в Я-концепции, писал К. Роджерс [30].

В исследованиях D. С. McClelland указывается на связь тревожности (тревоги) и внутреннего конфликта самооценочного типа (во взаимосвязи с гармоничным или дисгармоничным представлением о себе). Показано, насколько непростыми являются эти взаимозависимости. Особо важным является вопрос относительно Я образа. Согласно позиции автора, дисгармоничное представление о себе, наличие внутренних противоречий в образе Я ведет к снижению силы Я и повышает подверженность фрустрации, что способствует переживанию тревоги [36]. При этом тревожность рассматривается не как самостоятельное образование, а как следствие повышенной подверженности фрустрациям.

В частности, Г. С. Салливан отмечал, что если у ребенка с самого начала будет сформировано чувство межличностной надежности, то оно не даст развиваться тревожности, он считал, что дети существенно отличаются друг от друга по уровню ее проявления [25]. Основным источником тревожности является неодобрение со стороны значимых людей, отмечал он. В детском возрасте может возникнуть стресс неадекватных требований, который появляется на фоне предъявления ребенку завышенных требований, и приводит к так называемому токсическому – небольшому, но постоянно действующему стрессу. Раскрывая сущность стрессовых ситуаций для ребенка, М. М. Безруких указывает на такие аспекты, когда у ребенка нет поддержки со стороны взрослых и требования возрастают, то в этой ситуации поддержка может нивелировать реакцию на стресс [2]. Если поддержки нет в системе неадекватных требований, то возникает токсический стресс, например, стресс из-за ограничения времени является очень сильным для ребенка.

Раскрывая сущность понятия тревожности, А. М. Прихожан определяет его как «устойчивое личностное образование, сохраняющееся на протяжении достаточно длительного периода времени, имеет собственную побудительную силу и константные формы реализации в поведении с преобладанием в последних компенсаторных и защитных проявлений» [22, с. 126]. Тревога, по мнению А. М. Прихожан, – это эмоциональное переживание, а тревожность – психологическая особенность, устойчивое свойство человека, характерная для него черта [21; 22]. Исходя из этого положения можно заключить, что если человек достаточно часто испытывает состояние тревоги, то его считают тревожным. Склонность человека к переживанию тревоги является одним из основных параметров индивидуальных различий.

В исследовании В. Р. Кисловской тревожность определяется как склонность человека прибывать в повышенном (ситуативном или постоянном) состоянии беспокой-

ства. Отмечается, что характерной особенностью человека является переживание страха и тревоги в условиях определенных социальных ситуаций, обусловленных либо неблагоприятными обстоятельствами, либо повышенным эмоциональным и физическим напряжением, или иными причинами. Некоторые ситуации, которые человек переживает в своей жизни, становятся порой неодолимым препятствием на пути к взаимодействию с другими людьми [12]. Так, в рамках проведенного исследования, Кисловской отмечается, что социальная тревожность ожиданий выступает результатом неудовлетворенности и эмоционального неблагополучия в коллективе, или опосредована порождением тревоги, возникающей в неблагополучном опыте общения.

О необходимости разграничения тревожности на открытую и скрытую отмечает Н. Н. Мехтиханова [17]. Открытая – переживается сознательно и проявляется в виде беспокойства в поведении и действиях человека. Скрытая тревожность не осознается и может проявляться (косвенно) в чрезмерном спокойствии, отсутствии осознания реальности или отрицании неприятностей, а также в определенных формах поведения.

Таким образом, отметим, несмотря на тесную связь между тревогой и тревожностью, оба эти понятия не идентичны и не могут подменять друг друга.

Существенным для психологии является вопрос относительно взаимосвязи между тревожностью и другими личностными и индивидуальными особенностями человека. Исследования выявляют наличие определенных корреляционных связей и возможности их дальнейшей интерпретации, на что указывает в своих работах А. М. Прихожан, отмечая непростой характер этих взаимосвязей [21; 22; 23]. Прихожан указывает, что они «нередко носят достаточно противоречивый характер и обнаруживают связь с культурными и социальными условиями, что служит для исследователей дополнительным аргументом в пользу представлений о преимущественно личностной, социальной природе тревожности» [22, с. 9–10]. Так, приведенные данные на основе работ И. П. Шкуратовой и В. В. Ермак указывают на наличие прямой связи между тревожностью и крайними значениями когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» и полезависимостью [34; 35]. Связь тревожности и нарушений общения подтверждают корреляционные зависимости между тревожностью и личностными особенностями, характеризующими отношение ребенка к окружающим. Указывается на наличие связи между тревожностью и зависимостью. Отметим, что наиболее выражена эта взаимосвязь у мальчиков.

В исследованиях S. B. Sarason отмечается сложный характер взаимосвязи тревожности и агрессивности, свидетельствующий об отрицательной связи с прямым выражением агрессии и положительной – с косвенной, скрытой агрессивностью, а также с выраженностью агрессии, направленной на себя. Более отчетливо такая связь обнаруживается у мальчиков, отмечается S. B. Sarason [38].

Ряд исследователей Б. И. Кочубей, Е. В. Новикова [14], К. Бютнер [4] рассматривают такие особенности проявления агрессивности в качестве способа ослабления тревожности или ее маски, т. е. такой формы поведения, посредством которой она скрывается от других, а нередко и от самого себя.

А. М. Прихожан также указывает на то, что «устойчивая тревожность оказывает негативное влияние на деятельность и развитие личности детей и подростков вне зависимости от того, в какой форме она проявляется. ... Во многом это происходит за счет того, что тревожность придает деятельности выраженный приспособительный характер» [22, с. 81].

О возможном понимании тревожности посредством внутреннего конфликта свидетельствуют данные, полученные в работах Л. В. Бороздиной и Е. А. Залученовой [3; 6]. Так, при исследовании взрослых испытуемых установлено, что особенности самооценки и уровня притязаний в отдельности не связаны с повышением тревожности. Подчеркивается следующая особенность обусловленности тревожности: конфликтами, рассогласованием уровней самооценки и притязаний. Механизм действия данного состояния объясняется следующим образом: дивергентность самооценки и уровня притязаний препятствуют выбору целей поведения, деятельности, соответствующих оценке человеком своих возможностей, что приводит к переживанию, нарастанию напряженности и внутреннего дискомфорта, выражением которых и является повышение личностной тревожности. При этом высота уровня тревожности имеет прямую связь с глубиной дискордантности высотных характеристик самооценки и уровня притязаний.

В исследованиях А. М. Прихожан достаточно подробно обосновывается возникновение тревожности на основе накопления отрицательного эмоционального опыта, который, в свою очередь, порождает соответствующие прогностические оценки и во многом определяет модальность непосредственных переживаний [22; 23]. Так, в работе автора при исследовании межличностной тревожности подростков установлено, что достаточно гармоничное представление о себе, характеризующееся оптимальным соотношением характеристик самооценки и уровня притязаний, не имеет связи с тревожностью. Прихожан обнаружена связь тревожности «с неблагоприятными типами самооценки, а также с неблагоприятными вариантами соотношения самооценки и уровня притязаний (величиной расхождения, парадоксальности характера соотношения, когда уровень самооценки оказывается выше уровня притязаний и т. п.)» [22, с. 25]. Была выявлена обусловленность «тревожности особенностями осознания каждой из этих тенденций: чем сильнее и отчетливее осознавалась каждая из тенденций, тем выше был уровень тревожности детей», при этом переживание тревожности «оказалось под влиянием защитных механизмов», отмечает А. М. Прихожан. При ярко выраженном реальном неблагополучии подобный конфликт вел к «неадекватному спокойствию», нечувствительности к реальному неблагополучию и т. п. Исследования Прихожан позволили установить следующий механизм возникновения тревожности: «конфликт между самооценкой и уровнем притязаний, вызывая одновременно и повышенное стремление к успеху, и затрудненность в оценке этого успеха», приводит к «колебаниям, сомнениям, двойственности в оценке и осознании подростком своей успешности в сфере межличностных отношений, что препятствует переживанию удовлетворения потребности в общении» [22, с. 25]. Неудовлетворенность этой потребности и проявляется в виде межличностной тревожности, отмечает автор.

Источником подростковой тревожности, как правило, выступает внутренний конфликт вследствие перехода из мира детства в юношество, который проявляется противоречием между собственной индивидуальностью и стремлением соответствовать определенным требованиям, между объективными потребностями и эмоциональными неосознаваемыми состояниями и прочим, на что указывают Ю. А. Зайцев и А. А. Хван [7].

В исследовании Т. А. Красиловы выявлена положительная взаимосвязь между повышенной тревожностью и конфликтностью личности [15]. Это проявляется в обладании высокого уровня тревожности. Так, доминирующей стратегией поведе-

ния в конфликтной ситуации конфликтных студентов выступает соперничество. Компромисс и сотрудничество для них являются наименее предпочитаемыми стратегиями.

С тревожностью обнаруживают связь также такие переживания, как «боязнь неудачи, чувство одиночества, неполноценности, незащищенности», отмечается в исследованиях Прихожан [22, с. 51]. Переживания тревожности, начиная с подросткового возраста, нередко дополняются чувствами стыда и вины.

В рамках проведенного исследования А. М. Прихожан был выделен ряд следующих факторов, оказывающих влияние на получение эмоционального опыта у тревожных детей, включающих [22]:

- 1) неумение учитывать условия ситуации;
- 2) отсутствие собственных внутренних критериев успеха и неуспеха;
- 3) запоминание преимущественно неблагоприятных событий.

Системное исследование Прихожан показало, что во всех возрастных группах (3, 6 и 10-х классов) для тревожных детей и подростков «характерно неумение оценить свои действия, осмыслить оптимальную для себя зону трудности задания и определить вероятность желательного исхода события» [22, с. 94]. Отмечается, что такие дети и подростки значительно чаще, чем их эмоционально благополучные сверстники, объективно оказывались неуспешными в ситуациях, в которых отсутствуют заданные внешние критерии. Заслуживают внимания следующие предположения о возможной обусловленности влиянием родителей и педагогов, т. к. и в детском саду, и в школе основное внимание уделяется ситуациям с внешне заданными критериями, что позволяет тревожным детям добиться определенного успеха. «Подобная привязанность к внешним критериям и практическое отсутствие внутренних, затрудненность в выборе и оценке собственных действий», по мнению А. М. Прихожан, обуславливает «повышенную чувствительность к социальному сравнению, создает тем самым условия для субъективного переживания неуспеха даже в тех случаях, где реальных оснований для этого нет» [22, с. 94].

В младшем школьном возрасте отмечается особенность тревожных детей к запоминанию преимущественно неблагоприятных событий, в отличие от благоприятных, чаще запоминаемых эмоционально благополучными детьми. В подростковом и юношеском возрасте тревожные ученики при достаточно точном запоминании и тех и других событий испытывают постоянные сомнения, неуверенность в правильности своего восприятия успеха и неуспеха и значительную неудовлетворенность им. Последнее может способствовать формированию и накоплению отрицательного эмоционального опыта.

Выявлены следующие особенности запоминания преимущественно неблагоприятных, неуспешных событий. В дошкольном и младшем школьном возрасте характерно накопление неблагоприятного эмоционального опыта. В подростковом и раннем юношеском возрасте при точном запоминании события появляются сомнения, переживания относительно того, является ли успех действительным, что способствует умножению отрицательного эмоционального опыта, и в свою очередь определяет модальность непосредственных переживаний школьников. С точки зрения Прихожан, подобно механизму «заколдованного психологического круга», многие факторы могут выступать как предпосылкой, так и результатом тревожности и способствуют накоплению отрицательного эмоционального опыта [22, с. 95]. Автор полагает, что именно указанные особенности эмоционального опыта оказывают

влияние на характер переживания тревоги как диффузного, беспредметного состояния. Более того, они «создают своеобразное “силовое поле”, которое приписывает отрицательную модальность всему непосредственно воспринимаемому окружению и экстраполирует его в будущее, направляя действие такого поля за пределы объективируемого окружения и сосредоточивая его на неопределенных, плохо предсказуемых и в дальнейшем принципиально непроверяемых областях» [22, с. 95].

Феноменология тревожности требует не только психологического обоснования, но и физиологического и социального понимания. Так, в психофизиологических исследованиях О. Н. Адамовской, С. Б. Догадкиной, И. В. Ермаковой и др. [1] выявлено, что у младших школьников характер и выраженность реакции сердечно-сосудистой, вегетативной, нервной и эндокринной систем различны, эти отличия находятся в зависимости от их личностных особенностей (уровня тревожности и нейротизма). Установлено, что наиболее благоприятная реакция организма на когнитивную нагрузку обнаруживается у детей со средним уровнем тревожности и низким уровнем нейротизма. Наиболее выраженная и генерализованная реакция организма наблюдается при повышенном уровне тревожности и среднем уровне нейротизма. Более того, у детей с повышенным и высоким уровнем тревожности и нейротизма реакция со стороны данных систем на когнитивную нагрузку носит напряженный характер.

В работе Е. И. Николаевой отмечается, что физиологической основой в стрессовых ситуациях выступает деятельность полушарий мозга. Исследования свидетельствуют о том, что в условиях стрессовых ситуаций происходит снижение уровня активности левого полушария, тогда как активность правого, напротив, возрастает. Имеются данные о взаимосвязи тревожности с функционированием определенных физиологических систем мозга [19].

Укажем на следующий аспект относительно социальных ситуаций, которые внутренне определяют характер действия человека, его переживания и во многом отражают личный опыт. В рамках исследования Е. А. Климович проводилась оценка уровня тревожности в ее взаимосвязи с алкогольной зависимостью у лиц подросткового и молодого возраста [13]. Выявлено, что среди подростков те, кто имел проблемы с алкоголем, обладали более высокими показателями личностной тревожности, чем те, кто не имел таковых. Данный факт может быть интерпретирован с позиции проявления тревоги как пускового психологического механизма в формировании зависимого поведения. Либо, наоборот, повышенная тревожность у подростков является следствием злоупотребления алкоголем и провоцирует аддиктивное поведение. Более того, тревожность может быть обусловлена неумением конструктивного разрешения стрессовых ситуаций в повседневной жизни подростка и возникающих перед ним проблем. Семейные отношения, в которых воспитывается подросток, тоже могут обуславливать формирование у него тревожности как личностной черты.

В исследовании Л. А. Жердевой особенностей проявления когнитивного стиля у тревожных школьников указывается на следующий их характер [5]. В младшем школьном возрасте тревожность связана с параметром когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» – эффективностью, что соответствует, как отмечает автор, факту снижения результативности деятельности под влиянием тревожности. В подростковом возрасте обнаружена устойчивая связь тревожности как с целостной характеристикой когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность», так

и с его отдельными параметрами. Важным моментом исследования является указание на отличия тревожных подростков от эмоционально благополучных. Для первых характерны непродуктивные параметры стиля (импульсивно-неэффективные и рефлексивно-неэффективные), в меньшей мере способность к развитию рефлексивности. Автор делает вывод о тормозящем влиянии тревожности на прогресс в развитии когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» от младшего школьного возраста к подростковому.

Исследования Н. Б. Пасынковой позволили выявить чаще преобладающий средний или низкий уровень личностной тревожности, чем высокий среди школьников 12–13 лет [20]. Взаимосвязи между тревожностью, интеллектуальным развитием и успеваемостью свидетельствуют о тенденции: с нарастанием тревожности ухудшаются успеваемость и показатели интеллектуального уровня школьников. Эти данные согласуются с данными исследования Э. В. Зиновьевой, установившей взаимосвязь между показателями школьной тревожности и интеллектуального развития учащихся и их успеваемостью [8]. Так, менее тревожные учащиеся имеют более высокие показатели успеваемости и интеллектуального развития, чем более тревожные.

В работе Е. Е. Малковой, посвященной исследованию возрастной динамики тревожности у детей и подростков школьного возраста (7–10 лет и 15–17 лет), показано, что имеются различия в ее проявлениях у мальчиков и девочек: значения тревожности у девочек значимо выше, чем у мальчиков [16].

Представленный обзор исследований тревожности свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения ее феноменологии в разных возрастных группах.

Представим некоторые эмпирические данные, полученные в рамках эмпирического исследования В. А. Черноморец, выполненного под руководством автора статьи [33]. В исследовании, проведенном на базе одного из образовательных учреждений г. Новосибирска, приняло участие 80 респондентов (учащиеся 10–11-х классов в возрасте 15–17 лет). Оно включало комплекс методик, направленных на диагностику уровня школьной тревожности (Р. С. Кондаш), тревожности у старших подростков и юношей (Ч. Д. Спилберг), в том числе непосредственно на уроке; уровня эмпатии (В. В. Бойко). Результаты исследования школьной тревожности и эмпатии выявили следующую тенденцию: у подростков женского пола наблюдается более высокий уровень общей школьной тревожности, чем у подростков мужского пола. Так, низкий уровень общей школьной тревожности среди подростков мальчиков проявляется в 2 раза чаще, чем среди подростков девочек. Повышенный уровень почти в 2 раза чаще встречается у подростков девочек, чем у подростков мальчиков. Нормальный уровень общей школьной тревожности наблюдается в равной мере у мальчиков и девочек.

В то же время низкий уровень общей школьной тревожности, измеряемой непосредственно на уроке, наблюдается в 2 раза чаще у мальчиков-подростков, чем у девочек. Средний уровень встречается в равной мере и у мальчиков, и у девочек; высокий уровень выявлен у трети испытуемых из группы девочек-подростков и у пятой части группы мальчиков (методика Ч. Д. Спилберга).

Диагностика уровня эмпатии (методика В. В. Бойко) выявила, что очень низкий и низкий уровни эмпатии встречаются в 2 раза чаще у мальчиков-подростков, чем у девочек, средний и высокий уровни несколько чаще у девочек-подростков, чем у мальчиков.

U-критерий Манна-Уитни выявил статистически значимые различия между мальчиками и девочками-подростками. Значимые различия (при $p = 0,000$) выявлены в проявлении самооценочной ($U = 295,000$), межличностной ($U = 353,000$) и общей тревожности ($U = 384,500$), а также в проявлениях тревожности в обычной жизни ($U = 567,500$ при $p = 0,025$), в личностной ($U = 595,500$ при $p = 0,046$), и тревожности на уроке ($U = 539,500$ при $p = 0,012$), имеются также значимые различия в проявлении общей школьной (ситуативной) тревожности ($U = 595,000$ при $p = 0,048$).

Значимые различия между мальчиками и девочками выявлены также в проявлении эмпатии, что выражается в характеристиках эмоционального ($U = 574,000$ при $p = 0,041$), интуитивного ($U = 591,500$ при $p = 0,036$) каналов эмпатии и ее общего уровня ($U = 596,500$ при $p = 0,049$).

Таким образом, параметры тревожности и эмпатии в большей мере выражены у девочек.

У мальчиков-подростков выявлены статистически значимые взаимосвязи (коэффициент корреляции r_s -Спирмена) между школьной тревожностью и эмпатией. Так, шкала «Интуитивный канал эмпатии» имеет взаимосвязь с показателем школьной ($r = 0,313$ при $p = 0,049$), самооценочной ($r = 0,320$ при $p = 0,044$), межличностной ($r = 0,355$ при $p = 0,025$) и общей тревожностью ($r = 0,355$ при $p = 0,025$). Шкала «Идентификация в эмпатии» коррелирует с общей тревожностью ($r = 0,378$ при $p = 0,016$) и показателем познавательной активности ($r = 0,324$ при $p = 0,046$). Шкала «Негативные эмоциональные переживания» имеет корреляцию обратного характера со шкалой «Проникающая способность в эмпатии» ($r = -0,344$ при $p = 0,033$).

Таким образом, можно предположить, что тревожность у мальчиков-подростков сочетается со способностью интуитивно понимать эмоциональные состояния других, а также уметь ставить себя на место другого человека, сопоставляя, например, свои состояния, поступки, мысли с их проявлениями у других.

В группе подростков женского пола также выявлены взаимосвязи, выражающиеся в понимании состояний, проблем других на основе интенсивной переработки информации, поступающей извне. Так, шкала «Рациональный канал эмпатии» коррелирует с показателями общей тревожности ($r = 0,326$ при $p = 0,040$), общей тревожности на уроке ($r = 0,345$ при $p = 0,029$) и выраженностью негативных эмоциональных переживаний ($r = 0,315$ при $p = 0,048$). Познавательная активность как показатель тревожности (методика Ч. Д. Спилберга) сопряжена с параметрами «идентификация в эмпатии» ($r = 0,317$ при $p = 0,046$) и «общий уровень эмпатии» ($r = 0,348$ при $p = 0,028$). Выявлены также взаимосвязи шкалы «Негативные эмоциональные переживания» с показателями «установки, способствующие эмпатии» ($r = 0,368$ при $p = 0,020$) и «проникающая способность в эмпатии» ($r = -0,361$ при $p = 0,021$). Шкала «Общая тревожность на уроке (ситуативная)» имеет взаимосвязь у девочек-подростков с параметрами «общий уровень эмпатии» ($r = 0,442$ при $p = 0,004$), «установки, способствующие эмпатии» ($r = 0,326$ при $p = 0,040$). Параметр «общий уровень эмпатии» взаимосвязан с показателем тревожности ($r = 0,353$ при $p = 0,025$).

Можно предположить, что у подростков высокий уровень эмпатии в стрессогенных ситуациях может способствовать проявлению тревожности. Она может возникать на уроках в различных ситуациях, например, может быть связана со стремлением к успешности в учебной деятельности, с предъявляемыми подросткам

завышенными требованиями, повышенной ответственностью, сензитивностью. Проблема тревожности не устраняет вопрос о необходимости развития способности подростков к саморегуляции своего состояния.

Выводы. Обобщая результаты исследования, отметим, что человеку свойственно проявлять повышенную ситуативную тревожность в различных жизненных ситуациях. В первую очередь это зависит от его прошлого опыта, от того, насколько часто индивид испытывал тревожность и повторяющиеся негативные ситуации, вызывающие тревогу. В свою очередь ожидание новых негативных ситуаций на основе негативного прошлого опыта во многом обуславливает тревожное состояние. Отсутствие источника может не приводить к тревожности.

В исследованиях Н. В. Имедадзе отмечается, что степень эмоциональной устойчивости и уровень личностной тревожности, представляющие в структуре эмоциональности динамический аспект, вызывают особый интерес со стороны исследователей вследствие того, что их проявление в поведении человека связывается со степенью эффективности совершаемой им деятельности [10; 11]. Можно заключить, что тревога как состояние и тревожность как свойство человека находятся в противоречии с потребностью в эмоциональном благополучии, чувстве уверенности и безопасности. На основе результатов исследования можно также сделать общий вывод, что у мальчиков-подростков преобладает интуитивный канал эмпатии, а у девочек – рациональный канал, и взаимосвязанные с различными шкалами тревожности.

Список источников

1. *Адамовская О. Н., Догаджина С. Б., Ермакова И. В., Кмит Г. В., Рублева Л. В., Шаратов А. Н.* Особенности реакции вегетативной нервной, сердечно-сосудистой и эндокринной систем на когнитивную нагрузку у младших школьников с разным уровнем тревожности и невротизма // Наука для образования сегодня. – 2021. – Т. 11, № 1. – С. 151–173.
2. *Безруких М. М.* Школьные и семейные факторы риска, их влияние на физическое и психическое здоровье детей [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. – 2011. – Т. 8, № 1. – С. 16–21. – URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2011_n1/47602 (дата обращения: 03.12.2024).
3. *Бороздина Л. В., Залученова Е. А.* Увеличение индекса тревожности при расхождении самооценки и притязаний // Вопросы психологии. – 1993. – № 1. – С. 104–113.
4. *Бютнер К.* Жить с агрессивными детьми. – М.: Педагогика, 1991. – 144 с.
5. *Горман Э. Д., Берк Х. Х., Рубино Л. Д., Варгас А., Хэффел Г. Д.* Специфика влияния симптомов депрессии и тревоги на академические результаты [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. – 2020. – Т. 9, № 3. – С. 91–104. DOI: 0.17759/cpse.2020090307. – URL: https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2020_n3/Gorman_et_al (дата обращения: 10.02.2025).
6. *Дегтярёв А. В., Ефимочкина К. М.* Развитие психологических ресурсов совладающего поведения как фактора профилактики ситуативной тревожности в старшем подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 25–34. DOI: 10.17759/psylaw.2020100203. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2020_n2/Degtyarev_Efimochkina (дата обращения: 10.02.2025).
7. *Донскова Е. С.* Особенности фрустрационного поведения леворуких детей младшего школьного возраста // Психологическая наука и образование. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 5–14. DOI: 10.17759/pse.2022270401
8. *Ержанова А. Х.* Большая пятерка личностных черт как модератор взаимосвязи между языковой тревожностью и креативной личностью // Психологическая наука и образование. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 31–53. DOI: 10.17759/pse.2024290303

9. *Жердева Л. А.* Особенности проявлений когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» у тревожных школьников (младший школьный и подростковый возраст): дисс. на соиск. уч. степ. канд. психол. наук. – М., 2005. – 24 с.
10. *Залученова Е. А.* Соотношение самооценки и уровня притязаний и его влияние на личностные особенности: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.01. – М., 1995. – 187 с.
11. *Зайцев Ю. А., Хван А. А.* Тревожность в подростковом и раннем юношеском возрасте (диагностика, профилактика, коррекция). – Кемерово, 2006. – 112 с.
12. *Зиновьева Э. В.* Школьная тревожность и ее связь с когнитивными и личностными особенностями младших школьников: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.01. – М., 2005. – 260 с.
13. *Изард К. Э.* Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2011. – 461 с.
14. *Имедадзе Н. В.* Тревожность как фактор учения в дошкольном возрасте // Психологические исследования. – Тбилиси, 1966. – С. 49–57.
15. *Имедадзе Н. В.* К методу исследования уровня тревожности // Материалы IV всесоюзного съезда общества психологов СССР (21–24 июня 1971 г.). – Тбилиси: Мецниереба, 1971. – С. 61–68.
16. *Кисловская В. Р.* Зависимость между социометрическим статусом и симптомом тревожности ожиданий в социальном общении: в возрастном плане: дисс. ... канд. психол. наук. – М., 1971. – 198 с.
17. *Климович Е. А., Копытов А. В., Глебоко О. П., Быченко И. В.* Проявление тревоги и личностной тревожности у лиц с алкогольной зависимостью подросткового и молодого возраста // Медицинский журнал. – 2018. – № 4. – С. 61–66.
18. *Кочубей Б. И., Новикова Е. В.* Эмоциональная устойчивость школьника. – М.: Знание, 1988. – 80 с.
19. *Красило Т. А.* Взаимосвязь между уровнем тревожности и уровнем конфликтности личности // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 2–4. – С. 107–109.
20. *Малкова Е. Е.* Возрастная динамика проявлений тревожности у школьников // Вопросы психологии. – 2009. – № 4. – С. 24–32.
21. *Мехтиханова Н. Н.* Психология зависимого поведения. – Ярославль: Ярославский государственный университет, 2005. – 122 с.
22. *Мухина С. Е., Хамидулина Л. Р.* Удовлетворенность образом тела у подростков и ее связь с тревожностью // Развитие человека в современном мире. – 2023. – № 4. – С. 33–48.
23. *Мясищев В. Н.* Личность и неврозы. – СПб., 2013. – 426 с.
24. *Николаева Е. И.* Психофизиология. Психологическая физиология с основами физиологической психологии: учебник. – Новосибирск: Лада; Наука; Сибирская издательская фирма РАН, 2001. – 442 с.
25. *Осман Н., Линд К. В., Бровин А. Н., Васильева Л. Е., Дятлова М. А.* Биологические механизмы тревожности: генетические ассоциации генов BDNF и AMPD1 с ситуативной и личностной тревожностью [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. – 2024. – Т. 13, № 1. – С. 33–46. DOI: 10.17759/jmfp.2024130103. – URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2024_n1/Osman_et_al (дата обращения: 10.02.2025).
26. *Пасынкова Н. Б.* Связь уровня тревожности подростков с эффективностью их интеллектуальной деятельности // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17, № 1. – С. 169–174.
27. *Прихожан А. М.* Причины, профилактика и преодоление тревожности // Психологическая наука и образование. – 1998. – № 2. – С. 11–18.
28. *Прихожан А. М.* Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. – СПб.: Питер, 2009. – 143 с.

29. *Прихожан А. М.* Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Модэк, 2000. – 304 с.
30. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М.: Прогресс; Универс, 1994. – 479 с.
31. *Салливан Г. С.* Интерперсональная теория в психиатрии. – СПб., 1999. – 347 с.
32. *Силкин Р. А., Юшкова Л. А.* Тревожность и склонность к экстремально рискованному поведению у подростков // Развитие человека в современном мире. – 2022. – № 2. – С. 54–62.
33. *Слонова А. И.* Особенности самосознания лиц с высоким уровнем тревожности // Экспериментальная психология. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 101–118.
34. *Степанов С.* Беспokoйство – его причины и следствия [Электронный ресурс] // Школьный психолог. – 2004. – № 8. – URL: <https://psy.1sept.ru/article.php?ID=200400802> (дата обращения: 14.05.2023).
35. *Спилбергер Ч. Д.* Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги // Тревога и тревожность: хрестоматия / сост. и общ. ред. В. М. Астапова. – М.: Пер Сэ, 2008. – С. 85–99.
36. *Фрейд З.* Психология бессознательного. – М.: АСТ; Хранитель, 2007. – 605 с.
37. *Фрейд З.* Страх / пер. М. В. Вульфа. – М., 1927. – 104 с.
38. *Фрейд З.* Психоанализ детских неврозов. – М.: АСТ, 2009. – 288 с.
39. *Ханин Ю.* Стресс и тревога в спорте: международный сборник научных статей. – М.: Физкультура и спорт, 1983. – 287 с.
40. *Холмогорова А. Б., Авакян Т. В., Клименкова Е. Н., Малюкова Д. А.* Общение в интернете и социальная тревожность у подростков из разных социальных групп // Консультативная психология и психотерапия. – 2015. – Т. 23, № 4. – С. 102–129.
41. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. – 2-е изд. – М.: Питер; Смысл, 2003. – 859 с.
42. *Хорни К.* Самоанализ / пер. с англ. В. В. Старовойтова. – М.: Канон «1», 2013. – 288 с.
43. *Черноморец В. А.* Взаимосвязь тревожности и эмпатии у школьников подросткового возраста [Электронный ресурс] // Студенческий вестник: электронный научный журнал. – 2024. – № 21(307). – URL: <https://studvestnik.ru/journal/stud/herald/307> (дата обращения: 29.06.2024).
44. *Шкуратова И. П., Ермак В. В.* Страхи подростков и их обусловленность тревожностью, нейротизмом и агрессивностью // Прикладная психология: достижения и перспективы. – Ростов н/Д: Фолиант, 2004. – С. 283–299.
45. *Шкуратова И. П.* Когнитивный стиль и общение. – Ростов н/Д, 1994. – 154 с.
46. *McClelland D. C.* The Achievement Motive. – New York: Appleton-Century-Crofts, 1953.
47. *Plutchik R.* The emotions: Facts, theories and a new model. – New York, Random House, 1962.
48. *Sarason S. B. et al.* Anxiety in Elementary School Children. – New York: John Wiley, 1960.

References

1. Adamovskaya O. N., Dogadkina S. B., Ermakova I. V., Kmit G. V., Rubleva L. V., Sharapov A. N. Features of the reaction of the autonomic nervous, cardiovascular and endocrine systems to cognitive load in junior schoolchildren with different levels of anxiety and neuroticism. *Science for Education Today*, 2021, vol. 11, no. 1, pp. 151–173. (In Russian)
2. Bezrukikh M. M. School and family risk factors, their influence on the physical and mental health of children [Electronic resource]. *Bulletin of Practical Educational*

Psychology, 2011, vol. 8, no. 1, pp. 16–21. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2011_n1/47602 (date of access: 03.12.2024). (In Russian)

3. Borozdina L. V., Zaluchenova E. A. Increase in the anxiety index at discrepancy of self-esteem and pretensions. *Psychology questions*, 1993, no. 1, pp. 104–113. (In Russian)

4. Bütner K. Living with aggressive children. Moscow: Pedagogy, 1991, 144 p. (In Russian)

5. Gorman E. D., Burke Kh. Kh., Rubino L. D., Vargas A., Heffel G. D. Specificity of the impact of symptoms of depression and anxiety on academic performance [Electronic resource]. *Clinical and Special Psychology*, 2020, vol. 9, no. 3, pp. 91–104. DOI: 0.17759/cpse.2020090307. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2020_n3/Gorman_et_al (date of access: 10.02.2025). (In Russian)

6. Degtyaryov A. V., Efimochkina K. M. Development of psychological resources of coping behavior as a factor in the prevention of situational anxiety in the senior adolescence [Electronic resource]. *Psychology and Law*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 25–34. DOI: 10.17759/psylaw.2020100203. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2020_n2/Degtyarev_Efimochkina (date of access: 10.02.2025). (In Russian)

7. Donskova E. S. Features of frustration behavior of left-handed children of primary school age. *Psychological Science and Education*, 2022, vol. 27, no. 4, pp. 5–14. DOI: 10.17759/pse.2022270401 (In Russian)

8. Erzhanova A. Kh. Big five personality traits as a moderator of the relationship between language anxiety and creative personality. *Psychological Science and Education*, 2024, vol. 29, no. 3, pp. 31–53. DOI: 10.17759/pse.2024290303 (In Russian)

9. Zherdeva L. A. Peculiarities of manifestations of cognitive style “impulsiveness-reflexivity” in anxious schoolchildren (junior school and adolescent age): diss. for a PhD in Psychology. Moscow, 2005, 24 p. (In Russian)

10. Zaluchenova E. A. Correlation of self-esteem and level of pretensions and its influence on personal features: diss. ... cand. of psychol. sciences: 19.00.01. Moscow, 1995, 187 p. (In Russian)

11. Zaitsev Yu. A., Khvan A. A. Anxiety in adolescence and early adolescence (diagnostics, prevention, correction). Kemerovo, 2006, 112 p. (In Russian)

12. Zinovieva E. V. School anxiety and its connection with cognitive and personal characteristics of junior schoolchildren: diss. ... cand. psychol. sciences: 19.00.01. Moscow, 2005, 260 p. (In Russian)

13. Izard K. E. Psychology of Emotions. Saint Petersburg: Peter, 2011, 461 p. (In Russian)

14. Imedadze N. V. Anxiety as a factor of learning in preschool age. Psychological Studies. Tbilisi, 1966, pp. 49–57. (In Russian)

15. Imedadze N. V. To the method of studying the level of anxiety. Proceedings of the IV All-Union Congress of the Society of Psychologists of the USSR (June 21–24, 1971). Tbilisi: Metsnireba, 1971, pp. 61–68. (In Russian)

16. Kislovskaya V. R. Dependence between sociometric status and anxiety symptom of expectations in social communication: in age: diss ... cand. psychol. sciences. Moscow, 1971, 198 p. (In Russian)

17. Klimovich E. A., Kopytov A. V., Glebko O. P., Bychenko I. V. Manifestation of anxiety and personality anxiety in persons with alcohol dependence of adolescence and young age. *Medical Journal*, 2018, no. 4, pp. 61–66. (In Russian)

18. Kochubey B. I., Novikova E. V. Emotional stability of the schoolchild. Moscow: Znanie, 1988, 80 p. (In Russian)

19. Krasilo T. A. The relationship between the level of anxiety and the level of conflict personality. *Modern trends in the development of science and technology*, 2015, no. 2-4, pp. 107–109. (In Russian)

20. Malkova E. E. Age dynamics of manifestations of anxiety in schoolchildren. *Psychology questions*, 2009, no. 4, pp. 24–32. (In Russian)
21. Mehtikhanova N. N. Psychology of addictive behavior. Yaroslavl: Yaroslavl State University, 2005, 122 p. (In Russian)
22. Mukhina S. E., Khamidulina L. R. Satisfaction with body image in adolescents and its relationship with anxiety. *Human Development in the Modern World*, 2023, no. 4, pp. 33–48. (In Russian)
23. Myasishchev V. N. Personality and neuroses. Saint Petersburg, 2013, 426 p. (In Russian)
24. Nikolaeva E. I. Psychophysiology. Psychological physiology with the basics of physiological psychology: textbook. Novosibirsk: Lada; Nauka; Siberian Publishing Company of the Russian Academy of Sciences, 2001, 442 p. (In Russian)
25. Osman N., Lind K. V., Brovin A. N., Vasileva L. E., Dyatlova M. A. Biological mechanisms of anxiety: genetic associations of genes BDNF and AMPD1 with situational and personality anxiety [Electronic resource]. *Modern Foreign Psychology*. 2024, vol. 13, no. 1, pp. 33–46 DOI: 10.17759/jmfp.2024130103. URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2024_n1/Osman_et_al (date of access: 10.02.2025). (In Russian)
26. Pasyukova N. B. Relation of the anxiety level of adolescents with the effectiveness of their intellectual activity. *Psychological Journal*, 1996, vol. 17, no. 1, pp. 169–174. (In Russian)
27. Prikhozhan A. M. Causes, prevention and overcoming of anxiety. *Psychological Science and Education*, 1998, no. 2, pp. 11–18. (In Russian)
28. Prikhozhan A. M. Psychology of anxiety: preschool and school age. Saint Petersburg: Peter, 2009, 143 p. (In Russian)
29. Prikhozhan A. M. Anxiety in children and adolescents: psychological nature and age dynamics. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: Modek, 2000, 304 p. (In Russian)
30. Rogers K. A look at psychotherapy. Becoming a human being. Moscow: Progress; Univers, 1994, 479 p. (In Russian)
31. Sullivan G. S. Interpersonal theory in psychiatry. Saint Petersburg, 1999, 347 p. (In Russian)
32. Silkin R. A., Yushkova L. A. Anxiety and propensity to extreme risky behavior in adolescents. *Human Development in the Modern World*, 2022, no. 2, pp. 54–62. (In Russian)
33. Slonova A. I. Features of self-consciousness of persons with a high level of anxiety. *Experimental psychology*, 2023, vol. 16, no. 1, pp. 101–118. (In Russian)
34. Stepanov S. Restlessness – its causes and consequences [Electronic resource]. *School psychologist*, 2004, no. 8. URL: <https://psy.1sept.ru/article.php?ID=200400802> (date of access: 14.05.2023). (In Russian)
35. Spielberger Ch. D. Conceptual and methodological problems of anxiety research. Anxiety and Anxiety: a textbook. Comp. and general ed. by V. M. Astapov. Moscow: Per Se, 2008, pp. 85–99. (In Russian)
36. Freud Z. Psychology of the Unconscious. Moscow: AST; Guardian, 2007, 605 p. (In Russian)
37. Freud Z. Fear. Transl. M. V. Wolf. Moscow, 1927, 104 p. (In Russian)
38. Freud Z. Psychoanalysis of child neuroses. Moscow: AST, 2009, 288 p. (In Russian)
39. Khanin Yu. Stress and anxiety in sport: International collection of scientific articles. Moscow: Physical Education and Sports, 1983, 287 p. (In Russian)
40. Kholmogorova A. B., Avakyan T. V., Klimenkova E. N., Malyukova D. A. Communication on the Internet and social anxiety in adolescents from different social groups. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2015, vol. 23, no. 4, pp. 102–129. (In Russian)

41. Heckhausen Kh. Motivation and Activity. 2nd ed. Moscow: Peter; Sense, 2003, 859 p. (In Russian)
42. Horney K. Self-analysis. Transl. from English V. V. Starovoitov. Moscow: Kanon "1", 2013, 288 p. (In Russian)
43. Chernomorets V. A. Interrelation of anxiety and empathy in schoolchildren of adolescence [Electronic resource]. *Student Bulletin: electronic scientific journal*, 2024, no. 21(307). URL: <https://studvestnik.ru/journal/stud/herald/307> (date of access: 29.06.2024). (In Russian)
44. Shkuratova I. P., Ermak V. V. Fears of adolescents and their conditioning by anxiety, neuroticism and aggressiveness. *Applied psychology: achievements and prospects*. Rostov-on-Don: Foliant, 2004, pp. 283–299. (In Russian)
45. Shkuratova I. P. Cognitive style and communication. Rostov-on-Don, 1994, 154 p. (In Russian)
46. McClelland D. C. The Achievement Motive. New York: Appleton-Century-Crofts, 1953.
47. Plutchik R. The emotions: Facts, theories and a new model. New York, Random House, 1962.
48. Sarason S. B. et al. Anxiety in Elementary School Children. New York: John Wiley, 1960.

Информация об авторе

Т. В. Гудкова – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия, gudkovatv@mail.ru

Information about the author

T. V. Gudkova – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, gudkovatv@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.09.2024; одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 27.11.2024.

The article was submitted 26.09.2024; approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 27.11.2024.

Научная статья

УДК 159.9.072

Взаимосвязь представлений о совести с личностными характеристиками людей в период поздней взрослости

Лилия Шаукатовна Мустафина¹

¹*Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия*

Аннотация. Цель исследования заключалась в рассмотрении взаимосвязи стратегий совладания со стрессом, удовлетворенности социальной поддержкой с представлениями пожилых людей о совести, выступающими как отражение утверждения нравственных ценностей в повседневной жизни респондента. Показано, что период поздней взрослости, связанный с изменением жизненной ситуации, часто переживается как серьезная психологическая проблема, требующая специальных усилий для адаптации к новым условиям жизни, что связано с особенностями их нравственных ценностей. В исследовании приняли участие 55 пожилых людей, средний возраст которых составил 62,4 года, 40 женщин и 15 мужчин. Мы предположили, что: 1) пожилые люди с высокими показателями проблемно-ориентированного копинга чаще соглашались с утверждением, что совесть не зависит от внешних оценок, а также с утверждениями, которые наиболее полно отражают содержание феномена совести; 2) пожилые люди с высокими показателями удовлетворенности социальной поддержкой чаще согласны с позитивными утверждениями о совести. Применялась авторская анкета, состоящая из 39 суждений о совести, методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» в адаптации Т. Л. Крюковой и методика воспринимаемой социальной поддержки Г. Зоммера и Т. Фюдрика. Результаты выявили, что высокие показатели проблемно-ориентированного копинга у пожилых людей увеличивают частоту согласия с утверждениями, характеризующими независимость совести от внешних оценок. Второе предположение не подтвердилось, при этом выявилась значимая взаимосвязь между цинично-прагматичным отношением к совести у пожилых респондентов и их высокими показателями субъективной удовлетворенности социальной поддержкой. Этот результат можно объяснить тем, что пожилые люди, обеспеченные всем необходимым для хорошего самочувствия и субъективно удовлетворенные такой социальной поддержкой, не нуждаются в дополнительном психологическом ресурсе – совести, и недооценивают роль совести в своей жизни. Это обстоятельство может косвенно подтверждать, что совесть и нравственные убеждения личности как отражение отношения к совести являются психологическим ресурсом в совладании с трудными жизненными ситуациями в пожилом возрасте.

Ключевые слова: совесть; психологический ресурс; нравственные убеждения; социальные представления; пожилые люди.

Для цитирования: Мустафина Л. Ш. Взаимосвязь представлений о совести с личностными характеристиками людей в период поздней взрослости // Развитие человека в современном мире. – 2025. – № 1. – С. 48–61.

Финансирование: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (№ 0138-2025-0005)

The relationship of the representations of people about conscience with personal characteristics in the period of late adulthood

Lilya Sh. Mustafina¹

¹*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Abstract. The relationship between coping strategies, satisfaction with social support and with the representations of older people about conscience is discussed, which act as a reflection of the assertion of moral values in the daily life of the respondent. It has been shown that the period of late adulthood, associated with a change in life situation, is often experienced as a serious psychological problem requiring special efforts to adapt to new living conditions, which is associated with the peculiarities of their moral values. The study involved 55 elderly people, whose average age was 62.4 years, 40 women and 15 men. We suggested that: 1) older people with high indicators of problem-oriented coping often agree with the statement that conscience does not depend on external evaluations, as well as with statements that most fully reflect the content of the phenomenon of conscience; 2) older people with high satisfaction rates social support more often agree with positive statements about conscience. An author's questionnaire was used, consisting of 39 judgments of conscience, the method "Coping behavior in stressful situations" in the adaptation of T. Kryukova and the method of perceived social support of G. Sommer and T. Fydrich. The results revealed that high indicators of problem-oriented coping in the elderly increase the frequency of agreement with the statements that characterize the independence of conscience from external assessments. The second assumption was not confirmed, and a significant correlation between cynically pragmatic attitude towards conscience in elderly respondents and their high rates of subjective satisfaction with social support was revealed. This result can be explained by the fact that older people, provided with everything necessary for good health and subjectively satisfied with such social support, do not need an additional psychological resource – conscience, and they underestimate the role of conscience in their lives. This circumstance can indirectly confirm that the conscience and moral beliefs of the individual as a reflection of the attitude towards conscience are a psychological resource in coping with difficult life situations in old age.

Keywords: conscience; psychological resource; moral beliefs; social representations; aged people.

For citation: Mustafina L. Sh. The relationship of the representations of people about conscience with personal characteristics in the period of late adulthood. *Human Development in the Modern World*, 2025, no. 1, pp. 48–61. (In Russ.)

Funding: The work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. 0138-2025-0005)

Введение. Период поздней взрослости (или период старения), по мнению большинства исследователей, начинается с 60 лет. Люди, достигшие данного возраста, подразделяются на три подгруппы: люди пожилого возраста, старческого возраста и долгожители [14, с. 214; 15, с. 196]. Пожилой возраст несет с собой серьезные изменения в жизни человека. Меняется общественное и материальное положение пожилого человека, сужается круг общения, часто изменения касаются состояния

здоровья и психологического состояния личности. Для многих людей выход на пенсию и прекращение трудовой деятельности являются серьезной психологической проблемой. В этот период человеку необходимы дополнительные жизненные силы, чтобы адаптироваться к новым условиям своей жизни и компенсировать закономерное истощение своих физических, физиологических и социальных ресурсов. Особое значение в период поздней зрелости приобретают семейные отношения, которые дают человеку ощущение защищенности, стабильности и позволяют почувствовать себя более устойчиво [14, с. 292; 8, с. 199; 15, с. 211–217].

Адаптацию к условиям жизнедеятельности можно рассматривать как актуализацию внутренних ресурсов личности во взаимодействии с окружающим миром и самим собой. Исследователи сходятся на том, что успешная адаптация приводит к психологическому благополучию личности, а дезадаптация влечет за собой различные нарушения (соматические, психологические, психические, социальные) [4, с. 158; 8; 10]. Особый интерес, на наш взгляд, вызывает концепция позитивной адаптации, где трудная жизненная ситуация рассматривается в качестве трамплина, который позволяет человеку продвинуться на более высокий уровень своего функционирования и результатом которого является его посттравматический личностный рост [10, с. 112]. Исследователь Ю. В. Быховец, рассматривая феномен посттравматического роста, отмечает, что жизненные кризисы нарушают систему фундаментальных представлений личности, и из-за этого обстоятельства после травмы наблюдаются одновременно и дистресс, и личностный рост [2, с. 218]. Считается, что базисные убеждения – это устойчивые представления о мире и себе, обеспечивающие стабильность картины мира, при этом травматическая ситуация может резко изменить базисные убеждения человека. По мнению некоторых авторов, со временем происходит процесс совладания с травмой и восстановление базисных убеждений, и, более того, некоторые убеждения при успешном совладании с травмой становятся более позитивными, по сравнению с дотравматическими [13, с. 135]. В свое время Р. М. Шамионов, исследуя вопросы адаптационной готовности личности, подчеркивал, что стабильность базисных императивов, отстаивание своих ценностно-смысловых ориентаций и нравственных убеждений играет важную роль в сохранении субъективного благополучия в ситуациях неопределенности и в значительной степени повышает адаптационный потенциал личности [18, с. 31].

По мнению Л. И. Анцыферовой, ведущими факторами, определяющими поступательное развитие личности в поздние годы жизни, выступают творческое отношение к жизни, инициативность, развитие интуиции, утверждение нравственных ценностей в повседневной жизни. Причинами неадаптивного процесса старения называются отстраненность от мира, отсутствие заботы о молодом поколении, неразвитые качества автономии и ответственности [1, с. 175], негибкие копинг-стратегии [20]. Особенности пожилого и старческого возраста таковы, что ослабление стратегий совладания может привести к посттравматическому стрессу, вызванному давней (может быть и детской) травмой [17]. Значительная роль в совладании со стрессом отводится социальной поддержке, в том числе таким ее видам как эмоциональная и инструментальная, которые зависят от качества отношений и от уровня стресса [19].

В исследованиях, проведенных с 1978 по 2013 гг. по проблеме связи копинга и адаптации, важной характеристикой выступает именно гибкость копинга. Она рассматривается как широта репертуара стратегий, как хорошо сбалансированный

профиль копингов, как межситуативная изменчивость стратегий, как соответствие копинга ситуации, как воспринимаемая способность справиться со средовыми изменениями [8]. Оказалось, что наибольший вклад в связь копинга и адаптации вносят такие факторы как воспринимаемая способность справиться со средовыми изменениями и соответствие копинга ситуации, тогда как вклад остальных – широты репертуара стратегий, хорошо сбалансированного профиля копингов, межситуативной изменчивости стратегий – минимален [12].

Результаты нашего ранее проведенного эмпирического исследования показывают, что эмоционально-ориентированный копинг в пожилом возрасте связан с высоким уровнем посттравматического стресса и психопатологической симптоматикой, т. е. в пожилом возрасте эмоционально-ориентированный копинг перестает выполнять функцию разрядки напряжения, может восприниматься как незрелая стратегия поведения. Наличие обратной связи проблемно-ориентированного копинга с уровнем травматизации и отсутствие связи этой стратегии с психопатологической симптоматикой указывают на то, что проблемно-ориентированный копинг позволяет совладать с травмами и сохранять человеку психическое здоровье, но при условии наличия у него дополнительных жизненных ресурсов [12].

Предположительно, одним из таких ресурсов можно считать нравственную сферу личности, в частности совесть [5, с. 253–260; 6, с. 62; 7, с. 29–30]. Для нее характерны основные признаки ментального ресурса, выделенные С. А. Хазовой: для ресурса степень выраженности не имеет принципиального значения, важнее его наличие/отсутствие и возможность мобилизации; фактором активации ресурса является готовность к использованию ресурса и предыдущий опыт использования (этим объясняются индивидуальные различия, связанные с «дефицитом применения» конкретного ресурса); осознанность ментального ресурса не оказывает влияния на его «действенность»; ментальные ресурсы всегда имеют отнесенность к культурным традициям и содержанию культуры и др. [16].

Косвенным доказательством значимости нравственных убеждений в адаптации личности является эмпирическое исследование, где выявлена взаимосвязь показателей психологического здоровья респондентов и их представлений о совести, а именно: чем сильнее выражена психопатологическая симптоматика у респондентов, тем сильнее проявляется негативная установка в отношении к феномену совести. Результаты этого исследования позволяют подтвердить предположение о том, что психологическое здоровье взаимосвязано с нравственными установками личности и, вероятнее всего, является необходимым условием нравственности человека, как и наоборот, нравственные ориентиры помогают человеку сохранить психическое и психологическое здоровье в сложных жизненных ситуациях [11].

В текущем исследовании рассматривается взаимосвязь стратегий совладания со стрессом, удовлетворенность социальной поддержкой с представлениями пожилых людей о совести, выступающими как отражение утверждения нравственных ценностей в повседневной жизни респондента.

Нас также интересует вопрос, действительно ли изменяется структура представлений о совести вследствие психологической травматизации. Однако не представляется возможным исследовать респондентов до и сразу после травмирующего события. Поэтому, мы считаем, что целесообразно сравнивать представления о совести в группах испытуемых, отличающихся по присутствию и интенсивности посттравматических стрессовых реакций.

Методы. В исследовании применяется авторская анкета, состоящая из 39 суждений о совести [3]. Утверждения анкеты разделены на 2 группы по характеру установки: позитивные суждения и негативные (отрицающие наличие или значение совести). Позитивные суждения о совести также условно разделяются на утверждения о природе совести, о ее влиянии на жизнедеятельность человека и общества, на суждения, отождествляющие понятия «совесть» и «стыд», суждения о независимости совести от внешних оценок и суждения, наиболее полно и глубоко отражающие содержание феномена совести.

Применяются дополнительно ассоциативный метод, метод определения понятия «совесть», метод пиктограммы.

Опросник травматических ситуаций (Life Experience Questionnaire – LEQ). Методика основана на самоотчете и предназначена для оценки влияния на личность психических травм, предшествующих актуальной травме. Методика позволяет дать количественную оценку интенсивности переживаний и оценить степень уязвимости человека по отношению к стрессогенному воздействию травматических жизненных событий. Анализируются следующие показатели: общее количество травматических событий, пережитых на протяжении жизни, суммарный показатель влияния указанных событий на жизнь испытуемого за последний год, «индекс травматичности» (ИТ), который является усредненным показателем влияния на индивида психической травмы и отражает уязвимость человека к стрессогенному воздействию травмирующих жизненных событий и интенсивность их переживания.

Используется методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» в адаптации Т. Л. Крюковой [9]. Данный опросник состоит из 48 пунктов, которые группируются в три основных шкалы, предназначенные для измерения трех видов совладающего поведения у взрослых, а именно: проблемно-ориентированного копинга (ПОК); эмоционально-ориентированного копинга (ЭОК); копинга, ориентированного на избегание (КОИ). Последний состоит из двух субшкал социального отвлечения (СО) и отвлечения (О).

Также в исследовании применяется методика воспринимаемой социальной поддержки Г. Зоммера и Т. Фюдрика, которая позволяет изучить уровень социальной поддержки в межличностных отношениях. Опросник включает следующие шкалы: эмоциональной поддержки (тестирует наличие эмоционально значимых, поддерживающих отношений); инструментальной поддержки (тестирует возможности получения важной, полезной информации, получения помощи в решении проблем, в домашних делах, оказание материальной помощи); удовлетворенности социальной поддержкой (тестирует степень удовлетворенности опрашиваемого человека вниманием и пониманием других людей, его оценку этих отношений как безопасных, доверительных); социальной интеграции (тестирует наличие круга значимых людей и людей с общими интересами, а также степень включенности опрашиваемого человека в этот круг, ощущение человеком собственной значимости для данной группы лиц).

В исследовании приняли участие 55 пожилых людей, средний возраст которых составил 62,4 года (от 52 до 80 лет), 40 женщин и 15 мужчин, проходивших курсы различных реабилитаций по возрастным показателям на базе санатория для пенсионеров.

В ходе исследования выборка разделилась на 3 группы по показателю посттравматического стресса (Индекс травматичности (ИТ) по методике LEQ):

1. Респонденты с низким индексом травматичности (без признаков посттравматического стресса) (ИТ от 0 до 1,99).

2. Респонденты со средними значениями индекса травматичности (ИТ от 2,00 до 2,99).

3. Респонденты с высоким индексом травматичности (ИТ = 3,00 и выше) (см. табл. 1).

Таблица 1

Характеристики выборки испытуемых

Индекс травматичности (ИТ)	Количество человек	Количество мужчин	Количество женщин	Средний возраст
Высокий	10	1	9	63,9
Средний	27	5	22	62,5
Низкий	19	9	10	62

Гипотеза исследования заключалась в том, что структура представлений пожилых людей (с признаками посттравматического стресса) о совести будет иметь специфику, в сравнении со структурой представлений респондентов, которые не имеют признаков посттравматического стресса.

Мы предположили, что пожилые люди с высокими показателями проблемно-ориентированного копинга чаще соглашаются с утверждением, что совесть не зависит от внешних оценок, а также с утверждениями, которые наиболее полно отражают содержание феномена совести; и что пожилые люди с высокими показателями удовлетворенности социальной поддержкой чаще согласны с позитивными утверждениями о совести.

Результаты исследования и их обсуждение. Результаты исследования представлений о совести в трех группах выявили некоторую разницу в заполнении анкеты СП о совести: пожилые люди с высоким индексом травматичности (ИТ) часто указывали 3–4 ассоциации со словом совесть, формулировали свои мысли по поводу совести коротко, но всегда позитивно, обозначенные символы (образы), которые возникают у данной группы респондентов со словом совесть, характеризуются позитивным (солнце, голубь мира и т. п.) и нейтральным (круг, сова и т. п.) смыслами. В отличие от них в группе пожилых с низким индексом травматичности наблюдалась большая активность: респонденты чаще писали больше 4–5 ассоциаций со словом совесть, реже упоминали негативные проявления совести (например, чувство вины, переживание, раскаяние), формулировали определение совести более подробно и многословно; символы (образы), связанные со словом совесть, в этой группе респондентов также характеризуются позитивным (солнце, свет, сердце и т. п.) и нейтральным (вектор, флаг, птица и т. п.) смыслами. Группа пожилых людей со средними значениями индекса травматичности по характеру заполнения анкеты СП о совести занимает среднее положение между группой с низким и высоким ИТ (см. табл. 2).

Надо заметить, что респонденты с высоким ИТ часто давали скудную вербальную характеристику понятию совесть (2–3 слова), в отличие от респондентов со средним и низким ИТ, которые обычно писали от нескольких предложений до страницы текста. Такую разницу в заполнении анкеты можно объяснить большей рабо-

той защитных механизмов психики у травмированных пожилых людей, по сравнению с группой пожилых без признаков посттравматического стресса.

Таблица 2

Количественное соотношение ассоциаций

Индекс травматичности (ИТ)	Количество респондентов	Среднее значение количества ассоциаций	Количество респондентов (в %), указавших негативные проявления совести	Количество респондентов (в %) обозначивших символ (образ) со словом совесть
Высокий	10	3,9	30	70
Средний	27	4,0	18,5	52
Низкий	18	4,6	6	72

Содержательная и количественная представленность ассоциаций со словом совесть в этих трех группах различается незначительно (см. табл. 3).

В группах пожилых как с высоким индексом травматичности (ИТ), так и с низким, первое место занимает ассоциация со словом совесть – «порядочность». На втором месте в группе с низким ИТ – «честность», в группе с высоким ИТ – «честность» и «доброта». Далее с большим отрывом идут ассоциации в группе с низким ИТ – «ответственность», «справедливость», «доброта», «вера»; в группе с высоким ИТ – «честь», «справедливость», «самоконтроль», «чистота».

Таблица 3

Ассоциации со словом «совесть» у пожилых людей с разным уровнем травматичности (N = 55)

Слова-ассоциации	Высокий индекс травматичности (кол-во указавших в %)	Средний индекс травматичности (кол-во указавших в %)	Низкий индекс травматичности (кол-во указавших в %)
Честность	30	26	50
Честь	20	4	6
Порядочность	40	30	56
Ответственность	10	11	22
Доброта	30	7	11
Стыд	–	11	6
Справедливость	20	7	17
Отсутствие совести	10	–	6
Разум (ум)	–	7	–
Долг	10	7	6
Правда, правдивость	10	11	–
Чувство вины	10	4	6
Переживание	10	4	6
Самоконтроль	20	–	6
Чистота (чистая)	20	–	–
Вера	10	4	11

С помощью стандартизированного анализа представлений пожилых людей о совести выявились особенности в структуре СП в группах с разным уровнем травматизации. С одной стороны, ядерная часть СП о совести в группах с разным индексом травматичности отличается по количеству входящих в нее элементов, а, следовательно, и по содержательной наполненности (см. табл. 4). Как видно из таблицы, полнее представлено ядро СП о совести в группе пожилых людей с выраженными признаками посттравматического стресса (ПТС).

Таблица 4

Количество элементов в ядре СП о совести в разных группах пожилых людей

Индекс травматичности (ИТ)	Количество человек	Средний возраст	Количество элементов в ядре СП
Высокий	10	63,9	23
Средний	27	62,5	22
Низкий	19	62	19

С другой стороны, в ядре СП пожилых с выраженными признаками ПТС содержатся два утверждения, отождествляющие понятия совесть и стыд, что, на наш взгляд, свидетельствует о некотором поверхностном понимании феномена совести. Остальные же ядерные элементы, которых нет в ядре СП в других группах, относятся к описанию врожденного характера совести, что не позволяет говорить о большей содержательной наполненности ядра СП в группе пожилых с ПТС. В ядре СП пожилых без признаков ПТС, в отличие от ядра СП пожилых с ПТС, дополнительно присутствует утверждение о предупреждающей функции совести (совесть оберегает от неисправимых ошибок), что свидетельствует о более полном представлении о феномене совести. Результаты анализа ядра СП о совести приведены в таблице (см. табл. 5). Слева расположены утверждения анкеты, с которыми респонденты соглашались либо не соглашались. Справа в трех столбцах расположены оценки коэффициента позитивных ответов ТСР для каждой из 3 групп респондентов, которые определяют структуру СП каждой группы пожилых людей о совести. В ядерную часть СП входят утверждения с ТСР ≥ 63 (в табл. они выделены жирным шрифтом).

Таблица 5

**Ядро социальных представлений пожилых людей о совести
(измерения в ТСР – коэффициент позитивных ответов)**

Утверждения анкеты	Высокий индекс травматичности	Средний индекс травматичности	Низкий индекс травматичности
1	2	3	4
<i>Утверждения, наиболее полно и глубоко отражающие содержание феномена совести</i>			
Совесть связана с осознанием своих поступков, ответственностью и нравственным долгом перед другими	100	100	100
Совесть – это форма самосознания и самоконтроля человека	80	93	95
Совесть – это внутренний голос человека, который подсказывает, как правильно поступать	90	89	84

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Совесь – регулятор поведения и человеческих поступков	100	96	89
Совесь предполагает наличие у человека ума и способности рассуждать	60	74	53
Совесь вызывает страдание и раскаяние при нарушении нравственных законов	100	78	89
<i>Положительное влияние совести на жизнедеятельность человека и общества</i>			
Совесь помогает не выходить за рамки приличия и чувствовать грань дозволенного	100	89	100
Совесь формирует личность человека	90	89	84
Совесь помогает уважать других и самого себя	100	93	95
Совесь способствует нормальным отношениям между людьми	100	89	100
Совесь оберегает от непоправимых ошибок	60	78	84
Совесь необходима для существования человека	90	81	89
<i>Независимость совести от внешних оценок</i>			
Совесь независима от мнения окружающих	90	81	89
Человек с совестью – сильный и внутренне свободный	80	78	79
<i>Отождествление или различие понятий «совесь» и «стыд»</i>			
Понятия совесь и стыд для меня синонимы	70	59	58
Развитая совесь предотвращает возникновение чувства стыда и раскаяния	40	63	42
Человек не делает плохих поступков, чтобы потом не стыдиться	70	67	37
<i>Понятия о характере развития совести, ее природе – врожденный характер</i>			
Совесь – врожденное качество человека	70	33	5
Совесь есть у всех людей, только не все ее слушают	90	41	47

Таким образом, структура СП о совести в группе пожилых людей с выраженными признаками ПТС несколько отличается от структуры СП пожилых без признаков ПТС. Хотя элементов больше в ядре СП травмированных пожилых людей, но более глубокие и зрелые представления о совести наблюдаются в группе пожилых с низким индексом травматичности. Это можно объяснить тем, что личностная зрелость

человека одновременно влияет и на глубину представлений о совести, и позволяет лучше справляться с травматичными ситуациями в жизни, не допуская возникновения посттравматического стресса.

Корреляционный анализ Спирмена показал, что чем выше показатель проблемно-ориентированного копинга, тем чаще респонденты считают, что «человек с совестью – сильный и внутренне свободный» ($r = 0,283$; $p = 0,036$), соглашаются с утверждениями, отражающими положительное влияние совести на жизнь человека и общества («совесть позволяет людям доверять друг другу» ($r = 0,275$; $p = 0,042$), «совесть помогает уважать других и самого себя» ($r = 0,304$; $p = 0,024$)), и реже соглашаются с утверждением, отражающим зависимость совести от внешних оценок («совесть тесно связана со страхом последующего наказания» ($r = -0,389$; $p = 0,003$)). Результаты показывают, что респонденты, которые в стрессовых ситуациях акцентируют свои усилия на решении возникающих проблем, обладают более полными и позитивными представлениями о совести, чем респонденты с низкими показателями проблемно-ориентированного копинга.

Выявились значимые взаимосвязи между показателем эмоционально-ориентированного копинга и утверждением, что «совесть – это внутренний голос человека, который подсказывает, как правильно поступать» ($r = 0,312$; $p = 0,021$), а с другой стороны, с утверждением, что «сейчас ни у кого совести нет» ($r = 0,279$; $p = 0,039$).

Показатель копинг-стратегии избегания (в частности, социальное отвлечение) положительно коррелирует с утверждениями, что «совесть независима от мнения окружающих» ($r = 0,269$; $p = 0,047$) и что «совесть – это внутренний голос человека, который подсказывает, как правильно поступать» ($r = 0,297$; $p = 0,028$).

Второе наше предположение о том, что пожилые люди с высокими показателями удовлетворенности социальной поддержкой чаще соглашаются с утверждениями о положительном влиянии совести на жизнедеятельность человека не получило эмпирического подтверждения. Результаты выявили противоположную взаимосвязь: чем выше показатель удовлетворенности социальной поддержкой у пожилых, тем чаще они соглашаются с утверждениями, что «совесть не нужна» ($r = 0,330$; $p = 0,014$), «совесть – это бред, от которого нужно отвыкать» ($r = 0,302$; $p = 0,025$) и редко согласны, что «совесть – это внутренний голос, который подсказывает, как правильно поступать» ($r = -0,331$; $p = 0,013$), «совесть предполагает ограничение собственных потребностей, своего эгоизма» ($r = -0,313$; $p = 0,020$), «совесть помогает все делать лучше» ($r = -0,279$; $p = 0,027$). Эти результаты можно объяснить тем, что пожилые респонденты, которые обеспечены всем необходимым для хорошего самочувствия (эмоциональной и инструментальной поддержкой родственников или друзей, субъективно удовлетворены ею), не нуждаются в таком «дополнительном» психологическом ресурсе как совесть и недооценивают роль совести в своей жизни. В то же время высокие показатели по шкалам инструментальной и эмоциональной поддержки и социальной интеграции значимо взаимосвязаны с согласием относительно утверждений, отражающих положительное влияние совести на жизнедеятельность человека и общества («совесть позволяет людям доверять друг другу» ($r = 0,312$; $p = 0,020$), «совесть помогает уважать других и самого себя» ($r = 0,291$; $p = 0,031$)), и с несогласием относительно утверждений, что «от совести многие люди хотят избавиться, это чувство мешает» ($r = -0,304$; $p = 0,024$). По-видимому, факт оказания инструментальной и/или эмоциональной поддержки пожилому не влияет на изменение его позитивных социальных представлений о совести, влия-

ние оказывает субъективная удовлетворенность социальной поддержкой, которая согласно результатам исследования взаимосвязана с цинично-прагматичным отношением к совести.

Выводы:

1. Структура представлений о совести в группе пожилых людей с выраженными признаками ПТС отличается от структуры СП пожилых без признаков ПТС. Хотя элементов больше в ядре СП травмированных пожилых людей, но более глубокие и зрелые представления о совести наблюдаются в группе пожилых с низким индексом травматичности. Это можно объяснить тем, что личностная зрелость человека одновременно влияет и на глубину представлений о совести, и позволяет лучше справляться с травматичными ситуациями в жизни, не допуская возникновения посттравматического стресса.

2. Высокие показатели проблемно-ориентированного копинга у пожилых людей сопряжены с частотой согласия с утверждениями, характеризующими независимость совести от внешних оценок.

3. Выявилась взаимосвязь копинга избегания с положительным отношением к совести, а эмоционально-ориентированного копинга – как с положительными утверждениями, так и с утверждением об отсутствии совести у современников.

4. Выявилась значимая взаимосвязь между цинично-прагматичным отношением к совести у пожилых респондентов и их высокими показателями субъективной удовлетворенности социальной поддержкой. Этот результат можно объяснить тем, что пожилые люди, обеспеченные всем необходимым для хорошего самочувствия и субъективно удовлетворенные такой социальной поддержкой, не нуждаются в «дополнительном» психологическом ресурсе – совести, и недооценивают роль совести в своей жизни. Это обстоятельство может косвенно подтверждать, что совесть и нравственные убеждения личности как отражение отношения к совести являются психологическим ресурсом в совладании с трудными жизненными ситуациями в пожилом возрасте.

Список источников

1. *Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Институт психологии РАН, 2006. – 512 с.
2. *Быховец Ю. В.* Феномен посттравматического роста // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы: сборник трудов / отв. ред. М. И. Воловикова, Л. А. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. – М.: Институт психологии РАН, 2016. – С. 214–226.
3. *Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш.* Исследование социальных представлений о совести учащейся молодежи // Мир образования – образование в мире. – 2017. – № 1(65). – С. 141–149.
4. *Гриценко В. В.* Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. – М.: Институт психологии РАН, 2002. – 252 с.
5. *Дробницкий О. Г.* Моральная философия. Избранные труды / сост. Р. Г. Апресян. – М.: Гардарики, 2002. – 523 с.
6. *Иванов Д. В.* Борьба как концепт власти // Власть. – 2007. – № 12. – С. 60–63.
7. *Иванов Д. В.* Естественное право как основа профессионального образования и становления человека // Профессиональное образование в современном мире. – 2014. – № 1(2). – С. 27–32.
8. *Иванов Д. В., Галюк Н. А.* Основные акмеологические понятия в курсе «Акмеология» для студентов профессионально-педагогических специальностей // образо-

вательные технологии и качество обучения: сборник. – Иркутск: Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежевского, 2014. – С. 190–203.

9. *Крюкова Т. Л.* Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: монография. – Кострома: Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова, 2010. – 296 с.

10. *Моросанова В. И., Нестерова А. А., Сулова Т. Ф.* Факторы позитивной адаптации мигрантов: анализ теоретических подходов // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36, № 5. – С. 104–116.

11. *Мустафина Л. Ш.* Сопряженность показателей психопатологической симптоматики студентов с их представлениями о совести // Развитие человека в современном мире. – 2017. – № 2. – С. 180–187.

12. *Мустафина Л. Ш., Харламенкова Н. Е.* Уровень травматизации и эмоционально-ориентированный копинг в пожилом возрасте // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2014. – Т. 20, № 4. – С. 87–90.

13. *Падун М. А., Котельникова А. В.* Психическая травма и картина мира: теория, эмпирия, практика. – М.: Институт психологии РАН, 2012. – 206 с.

14. Психология развития личности. Средний возраст, старение, смерть / под ред. А. А. Реана. – М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. – 384 с.

15. *Рыжов Б. Н.* Четыре возраста человека: системная психология: монография. – М.: АСТ, 2024. – 432 с.

16. *Хазова С. А.* Ментальные ресурсы субъекта: природа, функции, динамика // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика. – 2014. – Т. 20, № 4. – С. 47–53.

17. *Харламенкова Н. Е., Мустафина Л. Ш., Воронцов С. А., Обухов А. А.* Особенности избегания как стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями в пожилом возрасте // Вопросы психологии. – 2015. – № 5. – С. 78–88.

18. *Шамионов Р. М.* К вопросу об адаптационной готовности личности // Адаптация личности в современном мире: межвузовский сборник научных трудов. – Саратов: Наука, 2011. – Вып. 3. – С. 29–35.

19. *Birditt K. S.* Enacted support during stressful life events in middle and older adulthood: an examination of the interpersonal context K. S. Birditt, T. C. Antonucci, L. Tighe // *Psychology and Aging*. – 2012. – Vol. 27(3). – P. 728–741.

20. *Cheng C., Lau Hi-Po B., Chan Man-Pui S.* Coping flexibility and psychological adjustment to stressful life changes: A meta-analytic review // *Psychological Bulletin*. – 2014. – Vol. 140(6). – P. 1582–1607.

References

1. Antsyferova L. I. *Personality Development and Problems of Gerontopsychology*. 2nd ed., rev., and suppl. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2006, 512 p. (In Russian)

2. Bykhovets Yu. V. Phenomenon of posttraumatic growth. Psychological studies of personality: history, current state, prospects: a collection of works. Ed. by M. I. Volovikova, L. A. Zhuravlev, N. E. Kharlamenkova. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2016, pp. 214–226. (In Russian)

3. Volovikova M. I., Mustafina L. Sh. Study of social perceptions of conscience of students. *The World of Education – Education in the World*, 2017, no. 1(65), pp. 141–149. (In Russian)

4. Gritsenko V. V. Social and psychological adaptation of migrants in Russia. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2002, 252 p. (In Russian)

5. Drobnitsky O. G. Moral Philosophy. Selected Works. Comp. by R. G. Apresyan. Moscow: Gardariki, 2002, 523 p. (In Russian)
6. Ivanov D. V. Struggle as a concept of power. *Vlast*, 2007, no. 12, pp. 60–63. (In Russian)
7. Ivanov D. V. Natural law as the basis of professional education and human formation. *Professional Education in the Modern World*, 2014, no. 1(2), pp. 27–32. (In Russian)
8. Ivanov D. V., Galyuk N. A. Basic acmeological concepts in the course “Acmeology” for students of professional-pedagogical specialties. Educational technologies and quality of education: a collection. Irkutsk: Irkutsk State Agrarian University named after A. A. Ezhevsky, 2014, pp. 190–203. (In Russian)
9. Kryukova T. L. Psychology of coping behavior in different periods of life: a monograph. Kostroma: Kostroma State University named after N. A. Nekrasov, 2010, 296 p. (In Russian)
10. Morosanova V. I., Nesterova A. A., Suslova T. F. Factors of positive adaptation of migrants: an analysis of theoretical approaches. *Psychological Journal*, 2015, vol. 36, no. 5, pp. 104–116. (In Russian)
11. Mustafina L. Sh. Correlation of the indicators of psychopathological symptomatology of students with their ideas about conscience. *Human Development in the Modern World*, 2017, no. 2, pp. 180–187. (In Russian)
12. Mustafina L. Sh., Kharlamenkova N. E. Level of traumatization and emotionally-oriented coping in old age. *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2014, vol. 20, no. 4, pp. 87–90. (In Russian)
13. Padun M. A., Kotelnikova A. V. Mental trauma and the world picture: theory, empiricism, practice. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2012, 206 p. (In Russian)
14. Psychology of personality development. Middle age, aging, death. Ed. by A. A. Rean. Moscow: AST; Saint Petersburg: Prime-Euroznak, 2007, 384 p. (In Russian)
15. Ryzhov B. N. Four ages of man: system psychology: a monograph. Moscow: AST, 2024, 432 p. (In Russian)
16. Khazova S. A. Mental resources of the subject: nature, functions, dynamics. *Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov. Series Humanities: Pedagogy. Psychology. Social work. Acmeology. Juvenology. Sociokinetics*, 2014, vol. 20, no. 4, pp. 47–53. (In Russian)
17. Kharlamenkova N. E., Mustafina L. Sh., Vorontsov S. A., Obukhov A. A. Features of avoidance as a strategy of coping with difficult life situations in old age. *Psychology questions*, 2015, no. 5, pp. 78–88. (In Russian)
18. Shamionov R. M. To the question of adaptation readiness of personality. Adaptation of personality in the modern world: intergraduate collection of scientific works. Saratov: Nauka, 2011, iss. 3, pp. 29–35. (In Russian)
19. Birditt K. S. Enacted support during stressful life events in middle and older adulthood: an examination of the interpersonal context K. S. Birditt, T. C. Antonucci, L. Tighe. *Psychology and Aging*, 2012, vol. 27(3), pp. 728–741.
20. Cheng C., Lau Hi-Po B., Chan Man-Pui S. Coping flexibility and psychological adjustment to stressful life changes: a meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 2014, vol. 140(6), pp. 1582–1607.

Информация об авторе

Л. Ш. Мустафина – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-1758-4252>, MustafinaLS@ipran.ru

Information about the author

L. Sh. Mustafina – Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-1758-4252>, MustafinaLS@ipran.ru

Статья поступила в редакцию 17.01.2025; одобрена после рецензирования 17.02.2025; принята к публикации 01.03.2025.

The article was submitted 17.01.2025; approved after reviewing 17.02.2025; accepted for publication 01.03.2025.

Научная статья

УДК 159.922

Нарушения пищевого поведения у молодых женщин: особенности мотивации

**Марина Геннадьевна Чухрова^{1,2}, Сергей Владимирович Пронин²,
Надежда Ивановна Корытченкова³**

¹*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия*

²*Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия*

³*Кемеровский государственный институт культуры,
Кемерово, Россия*

Аннотация. Ожирение является мировой эпидемией. Особенно страдают молодые женщины, которые подвергаются стигматизации и испытывают чувство неполноценности и недовольства своим телом. Цель исследования: проанализировать особенности пищевого поведения и эмоциональной сферы у молодых женщин, имеющих избыточный вес. Под наблюдением психолога находились 45 молодых женщин (17–24 года), у которых при антропометрическом обследовании был выявлен избыточный вес. В беседе с психологом особый акцент был сделан на мотивациях приема пищи, а также испытуемые заполняли опросник Dutch Eating Behaviour Questionnaire (DEBQ), позволяющий выявить нарушения пищевого поведения: эмоциогенного, экстернального и ограничительного; исследовался также уровень алекситимии с помощью Торонтской Алекситимической шкалы, адаптированной в институте им. В. М. Бехтерева; применялся тест Плутчека-Келлермана-Конте (Life Style Index). В результате было выявлено, что эмоциогенное пищевое поведение, которое считается признаком пищевой зависимости, определяется у 33 % испытуемых с избыточным весом, оно ассоциировано с алекситимией и повышенным напряжением психологических защитных механизмов. Описано использование еды в качестве способа психологической защиты. Прием пищи позволяет купировать негативные эмоции. В процессе еды, т. е. замещающей деятельности, происходит процесс «разрядки» психоэмоционального напряжения. Выявлены высокозначимые корреляционные связи между алекситимией и некоторыми механизмами психологических защит, такими, как вытеснение, регрессия, замещение и рационализация. Результаты показывают, что алекситимию можно считать в данном случае способом сохранения своего «Я», т. е. психологическим защитным механизмом. Подсознательность эмоциогенного пищевого поведения доказывается высокими значениями алекситимии и повышенным профилем психологических защит. Проведенное исследование позволяет считать, что психокоррекционные мероприятия при избыточном весе должны быть направлены на развитие осознанности, алекситимию и психологические защитные механизмы, при этом необходимо учитывать авитальный компонент переживания.

Ключевые слова: ожирение; молодые женщины; нарушения пищевого поведения; мотивация переживания; механизмы психологических защит; алекситимия.

Для цитирования: Чухрова М. Г., Пронин С. В., Корытченкова Н. И. Нарушения пищевого поведения у молодых женщин: особенности мотивации // Развитие человека в современном мире. – 2025. – № 1. – С. 62–72.

Eating disorders in young women: features of motivation

Marina G. Chukhrova^{1,2}, Sergey V. Pronin², Nadezhda I. Korytchenkova³

¹*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia*

²*Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia*

³*Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, Russia*

Abstract. Obesity is a global epidemic. Young women who are stigmatized and experience feelings of inferiority and dissatisfaction with their bodies are particularly affected. The purpose of the study was to analyze the peculiarities of eating behavior and the emotional sphere in overweight young women. Under the supervision of a psychologist, there were 45 young women aged (17–24) who were found to be overweight during an anthropometric examination. In a conversation with a psychologist, special emphasis was placed on the motivations of eating, and the subjects filled out the Dutch Eating Behavior Questionnaire (DEBQ), which allows them to identify eating disorders: emotionogenic, external and restrictive behavior; the level of alexithymia was also studied using the Toronto Alexithymic Scale adapted at the V. M. Bekhterev Institute; the test was used Plutchek-Kellerman-Conte (Life Style Index). As a result, it was revealed that emotionogenic eating behavior, which is considered a sign of food addiction, is detected in 33 % of overweight subjects, and it is associated with alexithymia and increased stress on psychological defense mechanisms. The use of food as a method of psychological protection is described. Eating helps to stop negative emotions. In the process of eating, i. e. substitution activity, there is a process of “discharge” of psycho-emotional tension. Highly significant correlations have been identified between alexithymia and certain mechanisms of psychological defenses, such as repression, regression, substitution, and rationalization. The results show that alexithymia can be considered in this case a way of preserving one's self, i. e. a psychological defense mechanism. The subconsciousness of emotionogenic eating behavior is proved by high values of alexithymia and an increased profile of psychological defenses. The conducted research suggests that psychocorrective measures for overweight should be aimed at developing mindfulness, alexithymia, and psychological defense mechanisms, it is necessary to take into account the avital component of overeating.

Keywords: obesity; young women; eating disorders; motivation for overeating; mechanisms of psychological defenses; alexithymia.

For citation: Chukhrova M. G., Pronin S. V., Korytchenkova N. I. Eating disorders in young women: features of motivation. *Human Development in the Modern World*, 2025, no. 1, pp. 62–72. (In Russ.)

Актуальность исследования. В современном цивилизованном обществе, когда проблема голода уже не стоит так остро, когда уровень физической активности человека резко снизился из-за тотальной автоматизации бытовой и производственной жизни, а нагрузки на нервную систему резко возросли, пищевое поведение человека тоже трансформировалось. Прием пищи – это не только утоление голода, но и соблюдение определенных коммуникационных ритуалов общения между людьми, демонстрация благосостояния, соблюдение традиций. В то же время прием пищи зачастую ускоряется в противовес физиологическим нормам, в еду добавляются всевозможные усилители вкуса для большей ее привлекательности. Агрессивная реклама пищевых продуктов побуждает аппетит, который не обоснован чувством

голода. С изменением пищевого поведения появились и его нарушения, которые являются предметом изучения клинических психологов [3; 16; 18]. Вместе с тем удовольствие от приема пищи, удовлетворение ревард-системы (системы вознаграждения) через дофаминово-эндорфиновые механизмы остается неизменным во все времена.

Проблема нарушений пищевого поведения широко изучена в рамках биомедицинской парадигмы [4; 9; 12; 20], психоаналитической концепции [2; 5; 16; 19] и психологического подхода [1; 3; 8; 10; 13]. Не вызывает сомнения, что нарушения пищевого поведения укладываются в рамки зависимости, когда состояние комфорта обеспечивается определенными предметами, химическими веществами или действиями [6; 12; 14; 17]. Выделяют аддитивное переедание, анорексию, и плохо изученную орторексию, когда человек зависим от «правильного и сбалансированного» питания [20]. Известно, что зависимое поведение сопровождается личностными девиациями, однако остается неясным, что первично: формирование зависимости или наличие личностных predispositions. Мнения исследователей на этот счет расходятся: одни считают, что к аддикции предрасположена изначально дефицитарная личность, в онтогенезе которой всегда можно обнаружить депривацию [5; 19], другие наблюдают личностные трансформации в процессе формирования и развития аддитивного поведения [7; 9]. Некоторые авторы считают изначальные личностные и психосоциальные особенности взаимосвязанными между собой [11]. Поскольку нет единого мнения на этот счет, то этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Кроме психологических причин нарушений пищевого поведения, нельзя игнорировать физиологический компонент. Если мы имеем аддитивное переедание, то сопутствовать этому состоянию будет ожирение, при анорексии, напротив, мы будем наблюдать трагическую для пациента потерю веса. Анорексия, как вариант нарушения пищевого поведения, встречается достаточно редко, чего нельзя сказать про ожирение. В экономически развитых странах зафиксировано от 30 до 60 % лиц с избыточным весом и ожирением [21]. По данным ВОЗ от 2021 г., в среднем в мире имеют избыточный вес с индексом массы тела (ИМТ) более 30 около 40 % населения. Физиологические последствия нарушений пищевого поведения заставляют людей обращаться за медицинской помощью, а также к психологам и психотерапевтам. Однако психотерапия и психокоррекция недостаточно эффективны, поскольку не всегда определены мишени психокоррекционного воздействия и не учитывается аддитивный компонент пищевого поведения [2; 12].

Психотерапевты зачастую сталкиваются с нарушением восприятия собственного тела у лиц с нарушениями пищевого поведения, с непониманием своих эмоций [10]. Поэтому изучение эмоциональной сферы лиц, страдающих нарушениями пищевого поведения, а также выявление аддитивного звена в структуре нарушения, является актуальной задачей. Можно предположить, что особенности пищевого поведения при избыточном весе будут взаимосвязаны с компонентами эмоциональной сферы личности, которые предрасполагают к развитию пищевой аддикции.

Поясним данный тезис. Нарушения пищевого поведения в виде переедания наиболее часто и с наибольшими трагичными последствиями в виде морбидного ожирения встречаются у молодых женщин. Если посмотреть на обложки модных журналов, то культ стройного, накачанного тела является очевидным. Толстушки же, напротив, подвергаются стигматизации: избыточный вес воспринимается как

признак распушенности, неумения себя контролировать, лени и т. п. Возникает и самостигматизация: они испытывают страх перед ожирением и необходимость соответствовать идеалам красоты, часто ощущают, что их ценность обусловлена внешним видом, не уверены в себе, у них низкая самооценка, им трудно найти партнера. Все это делает их несчастными. Девушкам с избыточным весом недоступны некоторые развлечения в виде спортивных занятий, они стесняются своего тела на пляже, менее выносливы в обыденной жизни, поскольку зачастую страдают сопутствующими ожирению болезнями: гипертонией, диабетом 2 типа, болезнями суставов. Этот негативный фон, который сопровождает жизнедеятельность в социуме, приводит к формированию психоэмоционального напряжения, активации ревард-системы и потребности ее удовлетворить, что и делается с помощью пищи, и, как в случае с опийной наркоманией, каждый раз нужна все большая доза.

Цель исследования: проанализировать особенности пищевого поведения и эмоциональной сферы у молодых женщин, имеющих избыточный вес.

Объект и методы исследования. Под наблюдением психолога находились 45 молодых женщин (17–24 года), у которых при антропометрическом обследовании был выявлен избыточный вес. Индекс массы тела, в соответствии с Международной классификацией массы тела, варьировал от 18,5 до 39,9 кг/м². Нормальный диапазон массы тела был зарегистрирован у 2 девушек (18 лет и 21 год), которые тем не менее считали себя полными, изъявляли желание похудеть. Состоящих в браке было 5 человек, 22 девушки находятся в отношениях, остальные «в поиске». С информированного согласия испытуемые заполнили опросник Dutch Eating Behaviour Questionnaire (DEBQ) (Wardle J., 1987), позволяющий выявить нарушения пищевого поведения (эмоциогенного, экстернального и ограничительного), связанного с приемом пищи [20]; также протестированы с применением Торонтской Алекситимической шкалы, адаптированной в институте им. В. М. Бехтерева; тест Плутчека-Келлермана-Конте (Life Style Index).

Результаты и их обсуждение. В процессе беседы с психологом примерно половина респондентов отметила, что стесняются своего избыточного веса, в связи с этим ограничивают контакты с друзьями, испытывают недовольство своей внешностью, и, хотя им известно, что многим мужчинам нравится избыточный вес, их самих он не устраивает. К тому же беспокоят проблемы со здоровьем: одышка при ходьбе, сердцебиение, повышение артериального давления, жалобы со стороны пищеварительного тракта.

Оценка пищевого поведения у испытуемых с избыточной массой тела с помощью опросника DEBQ показала, что эмоциогенное пищевое поведение характерно в 33 % случаев (15 человек, средний балл 4,1 + 0,56), экстернальное в 56 % (25 человек, средний балл 4,8 + 0,34), ограничительное в 11 % (5 человек, средний балл 3,6 + 0,65). Внутри шкал DEBQ выявлена тесная корреляционная связь, до 0,7 при $p < 0,05$. Это значит, что все виды пищевого поведения присущи людям с избыточным весом. Они одинаково не могут отказаться от «чего-то вкусенького», страдают волчьим аппетитом в периоды плохого настроения, а затем ограничивают себя в приемах пищи на более или менее длительный срок. В отношении времени приема пищи наблюдалась инверсия аппетита: наименьший аппетит и, соответственно, отказ от пищи был утром, наибольший – вечером. Испытуемые отмечали, что стараются принимать пищу реже, поскольку если начинают есть, то им трудно остановиться.

Испытуемые с преобладающим эмоциогенным пищевым поведением (15 человек) чаще фиксировали внимание на своей внешности в негативном ключе, при этом мысли о пище и связанных с ней проблемах были постоянными. Зачастую они отказываются от завтрака и отмечают, что утром им меньше хочется есть, но в обед и вечером они едят много. Некоторые высказывались, что если они начинают есть в обед, то и не прекращают до вечера, малыми порциями, постоянно что-то жуют, при этом ищут себе оправдания: еще немного, это не вредно, это не калорийно. При состояниях скуки они в первую очередь вспоминают про холодильник. Если получают неприятное известие, или испытывают раздражение почему-либо – снова тянутся к холодильнику, причем делают это практически неосознанно, как сказала одна девушка, «на уровне условного рефлекса», «ноги сами несут». Иногда вдруг ловят себя на том, что что-то жуют, или, наоборот, что только что в руках был большой кусок еды, а его уже нет, и не заметили, как съеден. Одиночество также провоцирует прием пищи, поэтому стараются больше говорить по телефону. Иногда возникает страх, что «если не поем, закружится голова», страх сопровождается тремором рук. Ограничения в еде переносят плохо, начинается головная боль и «все мысли только о еде». Отмечают неоднократные попытки занятий в спортзале, но переносят их плохо, «сердце не выдерживает», после занятий обостряется желание поесть. Практически каждая из 15 девушек с эмоциогенным пищевым поведением выявляла депрессивный фон настроения, пессимизм, дисморфобические высказывания, недовольство своей внешностью, своим лицом и телом. Среди родственников очень полных людей у 12 девушек не отмечалось, у 7 из 15 – среди близких родственников (отец, мать, братья) – были лица, страдающие алкоголизмом. Таким образом, у них можно подозревать наследственную предрасположенность к формированию зависимых состояний. Здесь отчетливо выявляется заинтересованность ревард-системы: «плохое» настроение легко купируется с помощью приема пищи, организм побуждает к приему пищи симптомами, напоминающими абстиненцию у наркоманов. Критика к своему состоянию возникает постфактум, а прием пищи осуществляется в недостаточно понимаемом состоянии измененного сознания.

Вариант экстернального пищевого поведения в беседе с девушками выявил другую картину. Практически все опрошенные девушки отмечают, что в их семье всегда любили вкусно и много поесть, был своеобразный культ еды. Эту привычку они несут с собой по жизни. В их семье «все полные» – стандартный ответ испытуемых из группы «экстерналов». Обратиться за рекомендациями для похудения их спровоцировала угроза диабета 2 типа, гипертонической болезни и др. патологии, но не собственно полнота, хотя желание «немного похудеть» они высказывают, но не очень верят в успех. К своей полноте относятся благосклонно, поскольку к ней привыкли с детства, и их всегда окружали полные родственники. Отмечали, что периодически пытались похудеть, используя всевозможные диеты, но вес быстро возвращался снова. Отмечают низкую физическую активность, сидячий образ жизни. Этих испытуемых в целом можно охарактеризовать как гурманов, которые просто любят поесть. Они с удовольствием говорят о еде, знают множество редких рецептов экзотических блюд, а когда рассказывают о них, то у них блестят глаза и оживляется мимика. Отмечают, что в поездках и путешествиях всегда пробуют с удовольствием новую кухню. Эти испытуемые нуждаются в разумных диетических ограничениях и формировании привычки к здоровому образу жизни. Аддиктивный компонент присутствует, но он не напрягает, поскольку выглядит естественным желанием поесть, знакомым с детства.

Ограничительное пищевое поведение – это вариант аддиктивного пищевого поведения, но только с обратным знаком: эти люди знают, что вредно, что полезно, какие добавки можно есть, какие нельзя, где есть продукты с ГМО, где нет. Они отмечают постоянную озабоченность едой, в момент приема пищи их преследует чувство вины, однако вес у них избыточный, и, вероятно, их разговоры о полезной пище – это самообман, своего рода психологическая защита, которая позволяет не признаваться себе в том, что они все-таки набирают лишний вес, несмотря на ограничения. Ввиду малой выборки испытуемых мы этих девушек в анализ не включили.

Таким образом, психологическая беседа с молодыми женщинами, имеющими избыточный вес, показала, что у них разное отношение к еде, разные мотивации приема пищи. Наибольшие различия выявились у лиц с преобладанием эмоциогенного типа пищевого поведения, по сравнению с преобладающим экстернальным.

Оценка уровня алекситимии проводилась с целью выявить способность испытуемых дифференцировать свои эмоции. Алекситимия как личностный конструкт и как особенность восприятия мира не позволяет, или «не разрешает» человеку осознавать свои эмоции и чувства и направляет все переживания на тело и телесные ощущения. Наибольшие значения алекситимии выявлены в группе испытуемых с эмоциогенным типом пищевого поведения – $83 + 5,1$ балла, у экстерналов – $59 + 3,3$ балла (достоверно при $p < 0,01$). Алекситимики больше фиксируют внимание на физических симптомах, чем на своей психической жизни, что мы и наблюдаем у лиц с избыточным весом. Негативная эмоция, возникающая в процессе жизни, вызывает стресс с закономерным снижением уровня глюкозы в крови, и сразу переносит центр тяжести на голод, а прием пищи за счет повышения уровня глюкозы, дофаминово-эндорфиновых механизмов, вызывает чувство комфорта и купирование стресса. Этот механизм закрепляется на уровне условного рефлекса. В данном случае все эмоциональные проявления испытуемых замыкались на голоде и аппетите, которые для них трудно дифференцируемы.

Психологические защитные механизмы у испытуемых с разными преобладающими типами пищевого поведения различались. При преобладании эмоциогенного пищевого поведения наблюдалось повышение общего профиля психологических защит, а также чаще использовались такие защиты, как замещение, вытеснение и рационализация, по сравнению с испытуемыми с экстернальным типом пищевого поведения (табл.).

Таблица

Психологические защитные механизмы при эмоциогенном и экстернальном типах пищевого поведения

Шкалы	Девушки с ИМТ	
	Эмоциогенный тип пищевого поведения n = 15	Экстернальный тип пищевого поведения n = 25
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Вытеснение	37,3*	27,0
Регрессия	29,4	26,3
Замещение	48,2*	28,9
Отрицание	23,6	21,3
Проекция	35,7	33,6
Компенсация	29,7	23,6

1	2	3
Гиперкомпенсация	39,8*	24,3
Рационализация	39,8*	26,3

• различие статистически достоверно при $p < 0,01$.

Психологические защитные механизмы помогают справиться с возникающим эмоциональным напряжением, несут адаптивную функцию, позволяют вытеснить страх, чувство вины, тревожащие мысли, вытеснить из сознания мысли о необходимости вести здоровый образ жизни, отодвинуть их «на потом». Неприемлемые мысли отвергаются еще на пороге осознания. С помощью замещения можно избежать негативных эмоций посредством создания положительных эмоций после еды. Замещение не позволяет осознать свои проблемы, чувства и эмоции, они замещаются эмоционально приятным приемом пищи. Замещение и вытеснение объединяют отсутствие переработки, осмысления того, что подвергается подавлению, блокированию. Рационализация возникает как попытка оправдаться, «нельзя не есть, буду плохо себя чувствовать», «если не поем, не будет сил», «я толстая, мне надо больше еды» и подобные оправдания. Гиперкомпенсация проявлялась как протест против повышенного аппетита и необходимости соблюдать диету: «назло самой себе, я толстая, тут ничего не изменишь».

Исследование взаимосвязи алекситимии и механизмов психологических защит показало наличие достаточно высокозначимых связей. Так, высокозначимая корреляционная зависимость выявлена между алекситимией и параметром *вытеснение* ($r = 0,75$ при $p = 0,01$), между алекситимией и параметром *замещение* ($r = 0,73$ при $p = 0,01$), между алекситимией и параметром *отрицание* ($r = 0,56$ при $p = 0,01$), между алекситимией и параметром *регрессия* ($r = 0,51$ при $p = 0,05$). Замена необходимости анализа негативных эмоций приемом пищи, который приносит облегчение и повышение настроения, является, по сути, проявлением алекситимии. Неприятные эмоции плохо распознаются, и вся тяжесть переносится на соматические ощущения. Информация, которая тревожит девушек и может привести к конфликту, попросту не воспринимается, либо тревожность гасится приемом пищи, как в детстве, когда для успокоения давали конфету. Предположительно, для наших испытуемых характерно поведение по типу отрицания того, что они не могут почувствовать. Иными словами, если я не способен почувствовать и определить актуальное эмоциональное состояние (в силу заблокированности эмоциональной сферы), то проще сказать, что его не существует, и объяснить сложившуюся ситуацию рядом косвенных факторов, зачастую не имеющих отношения к происходящему. Отрицательная связь между алекситимией и параметром *проекция* ($r = -0,61$ при $p = 0,01$) объясняется желанием проецировать во вне свои внутренние состояния, но неумение их распознавать мешает это делать.

Таким образом, у молодых женщин с преобладающим эмоциогенным пищевым поведением наблюдаются значимые корреляционные связи между алекситимией и механизмами психологических защит. Эти психологические особенности свидетельствуют о личностной предрасположенности, которая способствовала формированию эмоциогенного пищевого поведения и пищевой зависимости, и, как следствие, избыточного веса. Определяющим свойством, которое приводит к формированию пи-

щевой зависимости, является его подсознательность, что доказывается высокими значениями алекситимии и повышенным профилем психологических защит.

Более того, наблюдается использование еды в качестве способа психологической защиты. Во время еды, т. е. замещающей деятельности, происходит процесс «разрядки» психоэмоционального напряжения. При этом в кровь поступает глюкоза и другие питательные вещества, которые также вызывают появление чувства удовольствия. Еда всегда приносит положительные эмоции, и если это состояние совпадает по времени с купированием раздражения, тревоги, депрессии, то формируется и закрепляется условный рефлекс – дистимия – необходимо принять пищу, происходит повышение настроения и чувство комфорта. Прием пищи при любых эмоциональных напряжениях становится привычным, и необходимость в еде в таких случаях становится все больше. Пища становится сверхценной идеей, она начинает занимать все мысли, что характеризует психологическую зависимость от еды [12; 15]. К ней присоединяется физиологический компонент: избыточное поступление питательных веществ приводит к увеличению объема желудка и количества пищеварительных ферментов, что требует все больше еды. Если у пищевого аддикта возникает потребность снизить вес, то ему это дается нелегко, т. к. дело не только в калорийности пищи, а в том, что он не представляет, как другим способом можно купировать тревогу и напряжение. Поэтому психологическая помощь при аддиктивном переедании должна строиться на коррекции способности борьбы со стрессами и коррекции психологических защит, повышении уровня эмоционального интеллекта.

Необходимо выявлять авитальный компонент у лиц с избыточным весом, т. к. у них часто встречается, наряду с инверсией аппетита, ненависть к своему телу. Это тоже нуждается в психологической коррекции. Аддиктивные механизмы практически одинаковы, независимо от аддиктивного агента: алкоголь, наркотики, еда, игра [15]. Существует риск перехода пищевой аддикции в другой вид зависимости, например, алкоголизм, что случается часто.

Также очень важно бороться с алекситимией как проявлением недостаточно развитого эмоционального интеллекта, и здесь работа психолога также должна быть направлена на научение осознания своих чувств и эмоций, и их конструктивное разрешение [10]. Психотерапия, фокусирующаяся на этих аспектах, может существенно повысить шансы на успешное снижение веса и улучшение общего эмоционального состояния.

Выводы:

1. При обследовании молодых женщин, имеющих избыточный вес, выявлены нарушения пищевого поведения в виде эмоциогенного, экстернального и ограничительного.

2. Эмоциогенное пищевое поведение выявлено у 33 % обследованных женщин, ассоциировано с алекситимией и повышением спектра психологических защит, что указывает на патопсихологическую личностную predisposition. Это можно отнести к паттернам избегания – они прибегают к еде как средству адаптации в сложных эмоциональных состояниях (скука, раздражение, одиночество).

3. Полученные результаты акцентируют внимание на сложной взаимосвязи между эмоциональным состоянием человека и его пищевым поведением. Психологическая зависимость от еды формируется как результат дистимии, когда прием пищи становится способом купирования негативных эмоций, таких, как раздражение,

тревога и депрессия. Эта связь, наряду с физиологическими изменениями, создает порочный круг, где потребность в еде усиливается, а похудение становится сложной задачей.

4. Нарушения пищевого поведения у молодых женщин представляют собой многогранную проблему, требующую тщательного анализа и индивидуального подхода к лечению. Понимание мотивации, основанной на личных, культурных и эмоциональных факторах, является ключом к успешному вмешательству. Психокоррекционные мероприятия при избыточном весе должны быть направлены на развитие осознанности, борьбу с алекситимией и психологические защитные механизмы.

Список источников

1. *Белинский В. П.* Психологическая характеристика пищевой мотивации у больных алиментарным ожирением // Вопросы питания. – 2016. – № 6. – С. 24–27.
2. *Бобровский А. В., Ротов А. В., Гудков С. В., Ромашиова О. А.* Взаимосвязь психологических особенностей личности и массы тела у больных экзогенно-конституциональным ожирением // Сибирский психологический журнал. – 2012. – Вып. 8-9. – С. 84–85.
3. *Ермакова Н. Г., Кораблина Е. П., Туктарова А. А.* Психологические предпосылки формирования нарушений пищевого поведения у женщин с избыточной массой тела // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2024. – № 211. – С. 190–201.
4. *Караваева Т. А., Фомичева М. В.* Психогенное переедание: проблемы классификации, диагностики, подходы к психотерапии (обзор литературы) // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. – 2022. – Т. 56, № 2. – С. 21–34.
5. *Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В.* Психоанализ и психиатрия: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003. – 667 с.
6. *Красноперова Н. Ю., Красноперов О. В.* Пищевая зависимость как форма аддиктивного поведения // Актуальные вопросы пограничных и аддиктивных состояний. – Томск; Барнаул, 2008. – С. 86–87.
7. *Крылов В. И.* Нервная булимия: клиника, диагностика, систематика // Обзор психиатрии и медицинской психологии. – 2012. – № 3. – С. 27–35.
8. *Менделевич В. Д.* Экспериментально-психологические расстройства формирования склонности к зависимости от психоактивных веществ // Наркология. – 2013. – № 10. – С. 22–28.
9. *Ротов А. В., Гаврилов М. А., Бобровский А. В., Гудков С. В.* Агрессия как форма адаптивной психологической защиты у женщин с избыточной массой тела // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2011. – № 1. – С. 81–83.
10. *Рудина Л. М.* Психотерапевтическая компонента в мультидисциплинарном подходе к лечению ожирения // Ожирение и метаболизм. – 2022. – Т. 19, № 2. – С. 224–232.
11. *Семке В. Я., Епачинцева Е. М.* Душевные кризисы и их преодоление. – Томск: Изд-во Томского университета, 2005. – 212 с.
12. *Чухрова М. Г.* Пищевая аддикция. – Новосибирск: Альфа-Виста, 2008. – 130 с.
13. *Эверест И. А.* Мотивационно-резонансная трансформация при алиментарном ожирении у женщин: методическое руководство. – М., 2003. – 35 с.
14. *Birketvedt G. S., Florholmen J., Sundsfjord J., Osterud B. et al.* Behavioral and neuroendocrine characteristics of the night-eating syndrome // JAMA (United States). – 2009. – № 282(7). – P. 657–663.
15. *Chukhrova M. G.* General pathogenetical mechanisms of alcoholic and food addiction // 3-nd International Congress on Brain & Behaviour (Thessaloniki, Greece, 17–20 November 2008). – P. 132.

16. Dufresne L. Personality traits in adolescents with eating disorder: a metaanalytic review // *International Journal of Eating Disorders*. – 2020. – Vol. 53, № 2. – P. 157–173.
17. Goodman A. Addiction: definition and implications // *British Journal of Addiction*. – 2011. – Vol. 85, № 11. – P. 1403–1408.
18. Hilbert A. Evidence-based clinical guidelines for eating disorders: international comparison // *Curr Opin Psychiatry*. – 2017. – Vol. 30, № 6. – P. 423–437.
19. Hopper E. A. Psychoanalytical theory of drug addiction // *The International Journal of Psychoanalysis*. – 2005. – Vol. 75, № 6. – P. 1121–1142.
20. Yager J., Powers P. S. *Clinical Manual of Eating Disorders*. – American Psychiatric Publishing, 2007. – 462 p.
21. World Health Organization. *Obesity: Preventing and Managing the Global Epidemic* // World Health Organization. – Geneva, 2021.

References

1. Belinsky V. P. Psychological characteristics of food motivation in patients with alimentary obesity. *Nutrition Issues*, 2016, no. 6, pp. 24–27. (In Russian)
2. Bobrovsky A. V., Rotov A. V., Gudkov S. V., Romashova O. A. The relationship between psychological features of personality and body weight in patients with exogenous-constitutional obesity. *Siberian Psychological Journal*, 2012, iss. 8-9, pp. 84–85. (In Russian)
3. Ermakova N. G., Korablina E. P., Tuktarova A. A. Psychological prerequisites for the formation of eating behavior disorders in women with excess body weight. *News of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*, 2024, no. 211, pp. 190–201. (In Russian)
4. Karavaeva T. A., Fomicheva M. V. Psychogenic overeating: problems of classification, diagnostics, approaches to psychotherapy (literature review). *V. M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*, 2022, vol. 56, no. 2, pp. 21–34. (In Russian)
5. Korolenko C. P., Dmitrieva N. V. *Psychoanalysis and psychiatry: monograph*. Novosibirsk: Publishing House of NSPU, 2003, 667 p. (In Russian)
6. Krasnoperova N. Yu., Krasnoperov O. V. Food addiction as a form of addictive behavior. Actual issues of borderline and addictive states. Tomsk; Barnaul, 2008, pp. 86–87. (In Russian)
7. Krylov V. I. Nervous bulimia: clinic, diagnostics, systematics. *Review of Psychiatry and Medical Psychology*, 2012, no. 3, pp. 27–35. (In Russian)
8. Mendelevich V. D. Experimental-psychological disorders of the formation of propensity to dependence on psychoactive substances. *Narcology*, 2013, no. 10, pp. 22–28. (In Russian)
9. Rotov A. V., Gavrilov M. A., Bobrovsky A. V., Gudkov S. V. Aggression as a form of adaptive psychological defense in women with excessive body weight. *Siberian Journal of Psychiatry and Narcology*, 2011, no. 1, pp. 81–83. (In Russian)
10. Rudina L. M. Psychotherapeutic component in multidisciplinary approach to obesity treatment. *Obesity and Metabolism*, 2022, vol. 19, no. 2, pp. 224–232. (In Russian)
11. Semke V. Ya., Epachintseva E. M. *Crises of the soul and overcoming them*. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2005, 212 p. (In Russian)
12. Chukhrova M. G. *Food addiction*. Novosibirsk: Alfa-Vista, 2008, 130 p. (In Russian)
13. Everest I. A. Motivational-resonance transformation in alimentary obesity in women: methodical guide. Moscow, 2003, 35 p. (In Russian)
14. Birketvedt G. S., Florholmen J., Sundsfjord J., Osterud B. et al. Behavioral and neuroendocrine characteristics of the night-eating syndrome. *JAMA (United States)*, 2009, no. 282(7), pp. 657–663.
15. Chukhrova M. G. General pathogenetical mechanisms of alcoholic and food addiction. 3rd International Congress on Brain & Behavior (Thessaloniki, Greece, November 17–20, 2008), p. 132.

16. Dufresne L. Personality traits in adolescents with eating disorder: a metaanalytic review. *International Journal of Eating Disorders*, 2020, vol. 53, no. 2, pp. 157–173.
17. Goodman A. Addiction: definition and implications. *British Journal of Addiction*, 2011, vol. 85, no. 11, pp. 1403–1408.
18. Hilbert A. Evidence-based clinical guidelines for eating disorders: an international comparison. *Curr Opin Psychiatry*, 2017, vol. 30, no. 6, pp. 423–437.
19. Hopper E. A. Psychoanalytical theory of drug addiction. *The International Journal of Psychoanalysis*, 2005, vol. 75, no. 6, pp. 1121–1142.
20. Yager J., Powers P. S. *Clinical Manual of Eating Disorders*. American Psychiatric Publishing, 2007, 462 p.
21. World Health Organization. *Obesity: Preventing and Managing the Global Epidemic*. World Health Organization. Geneva, 2021.

Информация об авторах

М. Г. Чухрова – доктор медицинских наук, профессор кафедры общей психологии и истории психологии, Новосибирский государственный педагогический университет; профессор кафедры психологии, педагогики и правопедания, Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-5389-5897>, mbav3@yandex.ru

С. В. Пронин – кандидат медицинских наук, доцент кафедры психологии, педагогики и правопедания, Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, Россия, pronin53@gmail.com

Н. И. Корытченкова – кандидат психологических наук, доцент, Кемеровский государственный институт культуры, г. Кемерово, Россия, psychology@kemsu.ru

Information about the authors

M. G. Chukhrova – Doctor of Medical Sciences, Professor of the Department of General Psychology and History of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University; Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Legal Studies, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-5389-5897>, mbav3@yandex.ru

S. V. Pronin – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor Department of Psychology, Pedagogy and Legal Studies, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, pronin53@gmail.com

N. I. Korytchenkova – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, Russia, psychology@kemsu.ru

Статья поступила в редакцию 13.01.2025; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 25.02.2025.

The article was submitted 13.01.2025; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 25.02.2025.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

Развитие человека в современном мире. 2025. № 1
Human Development in the Modern World. 2025, no. 1

Научная статья

УДК 37.015.3

Психолого-педагогические условия развития креативности студентов в процессе обучения в системе высшего профессионального художественного образования

Яна Александровна Ивонина¹

¹*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(Алтайский филиал Финуниверситета), Барнаул, Россия*

Аннотация. Целью статьи является обоснование возможности развития креативности студентов в процессе обучения в системе высшего профессионального художественного образования. Дана характеристика психолого-педагогических условий, способствующих развитию креативности. Представлен анализ понятия креативности, основных ее характеристик, раскрываются разные подходы к ее определению в отечественной и зарубежной литературе, описаны подходы к ее развитию в системе высшего профессионального художественного образования. В эмпирической части представлены модель, основные средства и методы развития креативности студентов в современных социально-культурных условиях в процессе обучения. Обоснована необходимость использования в процессе обучения студентов проектно-эвристического подхода. Представлены основные положения программы развития креативности студентов, которая осуществляется в рамках дисциплины «Введение в профессиональную деятельность», а также в процессе участия студентов в проектно-творческой группе «СорокИ». Приведены данные исследования, проведенного в Алтайском государственном институте культуры в 2023–2024 гг. Описаны результаты формирующего эксперимента, согласно которым реализация учебной программы, направленной на развитие креативности, показывает высоко значимые изменения в экспериментальной группе по параметрам «Оригинальность», «Интуиция», «Творческое мышление», «Творческое отношение к профессии». Также получены данные о появлении значимых различий экспериментальной группы в сравнении с контрольной по параметрам «Оригинальность», «Воображение», «Интуиция», «Творческое мышление», «Творческое отношение к профессии» (Методика диагностики Н. Ф. Вишняковой «Креативность»). Показано, что одновременно у студентов улучшаются показатели учебной мотивации (Методика диагностики учебной мотивации студентов, авторы А. А. Реан и В. А. Якунин, в модификации Н. Ц. Бадмаевой). Анализ продуктов деятельности (творческих проектов студентов) свидетельствует о существенных улучшениях проектной деятельности (увеличение количества студентов, увлекающихся разработкой творческих проектов, разнообразие и качество проектов, творческая составляющая, успешное участие в конкурсах). Полученные данные подтвердили

эффективность модели развития креативности, основанной на использовании проектно-эвристического подхода, реализуемой в процессе учебной деятельности.

Ключевые слова: креативность; развитие креативности; художественное образование; высшее образование; студенты; социально-культурное проектирование; проектно-эвристический подход.

Для цитирования: Ивонина Я. А. Психолого-педагогические условия развития креативности студентов в процессе обучения в системе высшего профессионального художественного образования // Развитие человека в современном мире. – 2025. – № 1. – С. 73–86.

Original article

Psychological and pedagogical conditions for the development of students' creativity in the learning process in the system of higher professional art education

Yana A. Ivonina¹

¹*Financial University under the Government of the Russian Federation (Altai Branch of Finuniversity), Barnaul, Russia*

Abstract. The purpose of the article is to substantiate the possibility of developing students' creativity in the process of studying in the system of higher professional art education. The characteristics of psychological and pedagogical conditions that contribute to the development of creativity are given. The analysis of the concept of creativity, its main characteristics is presented, different approaches to its definition in domestic and foreign literature are revealed, approaches to its development in the system of higher professional art education are described. The empirical part presents a model, basic means and methods for developing students' creativity in modern socio-cultural conditions in the learning process. The need to use a project-heuristic approach in the process of teaching students is substantiated. The main provisions of the program for the development of students' creativity, which is carried out within the framework of the discipline "Introduction to Professional Activity", as well as in the process of students' participation in the project-creative group "Sorokl", are presented. The data of a study conducted at the Altai State Institute of Culture in 2023–2024 are presented. The article describes the results of the formative experiment, according to which the implementation of the curriculum aimed at developing creativity shows highly significant changes in the experimental group in the parameters of "Originality", "Intuition", "Creative thinking", "Creative attitude to the profession". And also received data on the emergence of significant differences in the experimental group compared to the control group in the parameters of "Originality", "Imagination", "Intuition", "Creative thinking", "Creative attitude to the profession" (Methodology of diagnostics of N. F. Vishnyakova "Creativity"). It is also shown that at the same time the students' indicators of educational motivation improve (Methodology of diagnostics of educational motivation of students, authors A. A. Rean and V. A. Yakunin, as modified by N. Ts. Badmaeva). Analysis of the products of activity (students' creative projects) shows significant improvements in project activities (increase in the number of students interested in developing creative projects, diversity and quality of projects, creative component, successful participation in competitions). The obtained data confirmed the effectiveness of the model of creativity development based on the use of the project-heuristic approach, implemented in the process of educational activities.

Keywords: creativity; development of creativity; art education; higher education; students; socio-cultural design; design-heuristic approach.

For citation: Ivonina Ya. A. Psychological and pedagogical conditions for the development of students' creativity in the learning process in the system of higher professional art education. *Human Development in the Modern World*, 2025, no. 1, pp. 73–86. (In Russ.)

Введение. В современной социокультурной ситуации, которой свойственны текучесть и неопределенность, ненаправленность изменений [1; 3; 23; 24], информационная насыщенность и снижение социальной чувствительности [2; 3; 4; 24], эффективность развития личности и различных социальных институтов имеет в основании не только знания, но и творчество их членов. Значимость развития креативности подтверждена рядом нормативно-правовых актов. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» определяет необходимость создания условий для «инновационной деятельности в целях модернизации российской экономики, обеспечения конкурентоспособности отечественных товаров, работ и услуг на российском и мировом рынках, улучшения качества жизни населения» [20]. «Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года указывает, что форсированная цифровизация и трансформация структуры занятости населения в целом способствуют росту сектора креативной экономики и увеличению его доли в национальной экономике даже в кризисных условиях» [18]. Среди задач государственной культурной политики, направленных на организацию социально-культурной деятельности и формирование креативных индустрий в регионах, подчеркивается необходимость «создания условий для развития творческой самодеятельности граждан, поддержка общественных инициатив в этой сфере с учетом этнонациональных традиций, особенностей регионов и местных сообществ; государственная поддержка и модернизация материально-технической базы сферы культуры; сохранение сложившейся сети организаций культуры, создание условий для их развития, освоения ими новых технологий культурной деятельности» [16; 18; 19; 20]. В рамках работы круглых столов неоднократно поднимался вопрос о развитии креативности у студентов, которое необходимо не только суметь раскрыть, но и развить в процессе обучения. Поиск методов выявления и развития – одна из важных задач, которую перед педагогом ставят федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования по направлениям подготовки, реализуемых в системе высшего художественного образования [21].

Теоретическая часть. В обыденном (бытовом) понимании креативность понимается как смекалка – способность добиваться назначенной цели, искать и находить выход из любой ситуации, используя предметы, обстоятельства, условия оригинальным способом. В научных исследованиях проблема определения этого понятия сложна и порождает множество споров, т. к. область эмпирических данных достаточно широка (междисциплинарна) и противоречива. Исследования креативности активно ведутся с начала XX в. как отечественными, так и зарубежными исследователями. Вместе с тем психолого-педагогические условия, влияющие на ее развитие в процессе обучения в образовательной среде творческого вуза, остаются

малоизученными. Проблема обеспечения качества профессиональной подготовки специалистов в вузах культуры представляется одной из важных задач настоящего времени. Трансформация деятельности учреждений культуры, обусловленная широким распространением цифровых технологий, ростом креативных индустрий, формированием культуры инноваций, интенсификацией информационного обмена, обусловила необходимость пересмотра подходов к обучению и воспитанию будущих специалистов. Требуют теоретико-методологического и эмпирического исследования, процесса подготовки кадров, который должен ориентироваться на перспективы развития креативных индустрий, включая психолого-педагогические условия развития креативности обучающихся.

Соотношение понятий «творчество» и «креативность» зарубежными исследователями, как и их отечественными коллегами, не определено [9]. Зачастую они используются как синонимы, иногда описываются различия в дефинициях в зависимости от научного направления, которого придерживается автор. В последние десятилетия наметилась тенденция к разграничению понятий. По мере накопления знаний о креативности, механизмах ее функционирования исследователи характеризуют ее как потенциал, выражающийся в свойстве мышления человека к обнаружению новых способов жизнедеятельности. Творчество же определяется как процесс создания нового. Креативность в данном аспекте в научных трудах зарубежных авторов описывается как «скрытая возможность, способность, которая может проявиться при известных условиях» [7, с. 23]. Креативность нередко рассматривается как некая противоречивость личности, сочетаемость несочетаемого: физической энергии и покоя; суровости и наивности; игривости и дисциплины; ответственности и безответственности; реальности и фантазий; экстравертности и интровертности; скромности и гордости; бунтарского духа и консерватизма; открытости и чувствительности [24].

Исследования, направленные на изучение процесса развития креативности обучающихся в творческих вузах, немногочисленны. Л. Б. Ермолаева-Томина, Е. П. Ильин, И. П. Калошина [5; 8; 10; 11] рассматривают проблему в аспекте исследования психологии художественного творчества. Проблема развития креативности обучающихся в системе высшего художественного образования раскрыта в научных трудах Е. И. Ковешниковой, К. А. Кондратьевой, Н. В. Кругловой, И. А. Малаховой [12; 13; 14; 15]. При подготовке кадров для сферы культуры авторы обосновывают необходимость развития креативности у студентов творческих вузов, поскольку она является фундаментом творческих способностей и профессиональной компетентности для значительного числа специальностей.

Алгоритм развития креативности, разработанный в отечественной психологической науке, отражает основные этапы процесса личностной идентификации с образцом креативного мышления и поведения по инициативе самого человека. Наибольшее внимание в научных исследованиях уделяется развитию креативности у студентов творческих специальностей (актеров, режиссеров, сценаристов, дизайнеров, художников, хореографов, музыкантов и др.). В то же время есть исследования, где описываются способы развития креативности при преподавании других дисциплин [22].

Студенческая молодежь в системе высшего художественного образования как социальная группа характеризуется некоторыми общими чертами: она более образованна, чем другие социальные группы, является носителем нового образа жизни

и социального динамизма. Юношеский возраст один из важнейших в развитии личности. Этот возраст является наиболее сензитивным периодом в развитии креативности [15]. Деятельность студентов, основанная на творчестве, как правило, позволяет достичь максимально эффективных результатов. Важной характеристикой при организации их деятельности является творческая составляющая, проявляющаяся в подходе педагога (наставника) к работе, т. к. включенность в процесс обучения у студенческой аудитории зависит именно от умения педагога предложить интересные и новые формы деятельности, вызывающие желание развития и обогащения личности, приобретение новых знаний, умений, способностей, получение новых положительных впечатлений.

Молодому человеку присущи такие черты, как любознательность, активность, самовыражение. Все это приводит к становлению профессионала, имеющего собственный творческий стиль. При организации образовательного процесса для студенческой молодежи необходимо учитывать эмоциональную потребность молодых людей, возможность заниматься интересным для них делом, которое будет способствовать развитию креативности. Обучение в творческом вузе включает несколько стадий:

1. Выполнение требований преподавателя (роль обучаемого).
2. Саморегуляция учебной деятельности (роль обучающегося).
3. Учебно-профессиональная деятельность (роль наставника).

В условиях обучения в системе высшего художественного образования изменение ролей – процесс постепенный, иногда имеющий тенденцию к регрессу, во многом зависящий от позиции, которую занимает обучающийся (самоактуализации), уровня развития при поступлении в образовательное учреждение, социального окружения. Для актуализации креативного потенциала, вне зависимости от стадии, необходимо поддерживать целенаправленный процесс, включающий:

- использование критического мышления во время обучения;
- формирование умения применять полученный ранее опыт для решения открытых задач;
- развитие умения находить альтернативные пути решения проблемы;
- формирование потребности к постоянному самообразованию.

При ориентации образовательного процесса на развитие креативности обучающихся его необходимо осуществлять на основе аксиологического подхода, который определяет направленность профессиональной подготовки, способствует формированию мотивации.

Современные исследования по проблеме развития креативности обучающегося в системе высшего художественного образования доказывают необходимость создания определенных условий – особой творческой среды, которая позволит совершить трансформацию когнитивного содержания в эмоциональное, а творческую как реализацию человеком собственной индивидуальности в профессиональной сфере. Важным условием развития творческого потенциала является свобода, а также адекватность эмоционального самовыражения обучающегося.

Методы и методики. *Обоснование программы формирующего эксперимента.* Указанные выше условия развития креативности обучающихся возможно успешно реализовать в образовательном процессе творческого вуза посредством традиционных и инновационных педагогических технологий. В процессе обучения используются проблемный, проектный, эвристический подходы.

Развитие креативности студентов в системе высшего художественного образования осуществляется на основе сочетания традиционных и инновационных методов, используемых в процессе реализации учебной программы «Введение в профессиональную деятельность», а также наибольшее распространение получили проблемное обучение, эвристические и проектные методы, которые реализуются в контактной и самостоятельной работе студентов, что позволяет эффективно формировать как творческий потенциал, так и профессиональное мастерство.

Методы эвристического обучения предполагают создание обучающимися личных образовательных результатов: идей, образов, форм, продуктов. Они основаны на использовании преподавателем открытых заданий, которые не имеют правильного решения, актуализируя необходимость развития у студентов креативности. Эвристическое обучение направлено на осознание обучающимся смыслов, целей, содержания собственной деятельности. Наибольшее распространение в обучении получили такие формы, как беседы, брейнсторминг, активизирующие потенциал творческого мышления, воображение, интуицию.

Проблемные методы обучения предполагают перед обучающимся постановку задачи, которую необходимо решить, не получив предварительно готового алгоритма решения. Знания необходимо приобрести самостоятельно, опираясь на интуицию, полученный ранее опыт, освоенные приемы интеллектуальной деятельности. Обучающиеся решают проблемные задачи, развивая различные виды мышления. Суть построения задачи заключается в том, чтобы способы ее решения не были известны обучающемуся, но были известны педагогу. При этом для развития креативности допускается возможность решения проблемы альтернативными способами. Данный метод развития креативности является эффективным, поскольку творческое мышление невозможно развивать теоретически, передавая знания о нем или демонстрируя его результаты, а только посредством постоянной практической творческой деятельности. Проблемный метод актуализирует творческое мышление, любознательность, оригинальность, интуицию. Процесс овладения опытом использования творческого мышления сложен, поэтапен и занимает большое количество времени, используется преимущественно в обучении основам научно-исследовательской работы, организации и методике научно-исследовательской работы в средних, средних профессиональных и высших учебных заведениях.

В современных условиях в системе высшего художественного образования особое внимание уделяется проектной деятельности. Она рассматривается как «основа инновационных преобразований, обеспечивающих повышение качества образования, активизацию самопознания, осмысление путей и возможностей собственной самореализации, самоизменения обучающегося».

Основная задача студента – приобретение профессиональных знаний, умений и навыков. Вместе с тем студент должен подготовить себя к работе в реальных экономических условиях, приобрести компетентность, необходимую современному специалисту. В данном аспекте большое значение имеет мотивация студента. Одним из важных побуждающих стимулов здесь выступает процедура проблематизации, заключающаяся в свободном выборе содержания деятельности, способствующая самовыражению и самоактуализации обучающегося. Создав проект, студент приобретает опыт трансформации социально-культурного пространства, уверенность

в своих знаниях. Систематизация проектной деятельности студентов в системе художественного образования позволяет выделить следующие типы:

1) научно-исследовательские – приближенные к научному исследованию, содержащие доказательство актуальности, предмет, объект, задачи, гипотезы исследования, обозначение методов, источников информации, обобщение результатов, выводы, оформление результатов, постановку новых проблем;

2) творческие – не имеющие детально проработанной структуры, подчиняющиеся жанру конечного результата (спектакль, концерт, праздник и др.), но имеющие результат, оформленный в продуманной завершенной форме (сценарий спектакля или праздника, программа концерта и др.);

3) информационные – связанные со сбором информации и с ознакомлением с ней заинтересованных лиц, анализом и обобщением фактов, созданием баз данных;

4) социально-культурные – ориентированные на результат деятельности в интересах какой-либо группы людей, развития социокультурного пространства региона, требующие распределения функций участников, плана действий, экспертизы» [6].

Развитие креативности в системе художественного образования реализуется в рамках аудиторной и самостоятельной работы студентов.

Для достижения поставленной цели педагогические коллективы используют как традиционные, так и инновационные средства обучения. Одним из современных методов обучения является формирование проектно-творческих групп.

Данные группы в аспекте формирования профессиональной компетентности специалиста социально-культурной сферы – это добровольное объединение обучающихся, заинтересованных в профессиональном самоопределении и развитии. Эта форма организации образовательного процесса во многом способствует формированию профессиональной компетентности посредством создания оптимальных условий для поддержки и развития способностей обучающихся, возможности генерирования и реализации их идей, социально-культурных инициатив, самоопределения, самореализации в различных видах деятельности. «Проектно-творческие группы создаются для внедрения проектной деятельности в воспитательно-образовательный процесс и реализации идей обучающихся посредством создания локальных социально-культурных проектов...Целью деятельности проектно-творческой группы является разработка и реализация социально-культурных проектов, организация социально-культурной деятельности различных категорий населения... Отличительными особенностями деятельности проектно-творческой группы как формы организации деятельности обучающихся для формирования профессиональной компетентности является:

1. Совместная деятельность участников проектно-творческой группы в процессе создания и реализации проекта.

2. Целенаправленная и структурированная деятельность участников проектно-творческой группы в процессе создания и реализации проекта.

3. Системное видение процесса реализации проекта.

4. Распределение полномочий и ответственности участников проектно-творческой группы в процессе создания и реализации проекта.

5. Технологичность процесса социально-культурной деятельности, используемого для реализации проекта.

6. Формирование доверительных межличностных отношений между всеми участниками творческой проектной группы.

7. Позитивный фон взаимодействия и сотрудничества в процессе совместной деятельности.

8. Формирование общей мотивации участников группы, взаимомотивация и поддержка участников, формирование общих ценностей группы» [7, с. 114].

В процессе обучения методы используются как разрозненно, так и в сочетании. Совмещение проектного и эвристического обучения позволяет обучающемуся проявлять активность в поиске информации, устанавливать межпредметные связи, находить новые способы решения проблем, используя творческое мышление.

Эффективность сочетания проектного и эвристического методов проявляется в развитии методологической культуры обучающихся в решении открытых задач, позволяя находить новые подходы не ситуационно (от случая к случаю), а систематически (постоянно) при поиске решения проблем, выдвижении гипотез.

В 2023–2024 гг. в условиях образовательной деятельности Алтайского государственного института культуры была реализована модель развития креативности студентов в процессе обучения, основанная на проектно-эвристическом подходе, способствующая развитию таких значимых для современных специалистов социально-культурной сферы качеств, как дивергентность мышления, способность быстро перестраиваться, умение прогнозировать, моделировать, осуществлять самостоятельный поиск и решение поставленных целей, и достижению профессиональной успешности в будущей профессии.

Целью эмпирического исследования работы являлось подтверждение значимости для развития креативности студентов выявленных психолого-педагогических условий в процессе обучения. Эмпирическая выборка испытуемых: студенты, обучающиеся по образовательным программам 51.03.03 «Социально-культурная деятельность», направленности (профилю) «Менеджмент индустрии досуга», «Социально-культурная анимация и рекреация», «Социально-культурные технологии в индустрии досуга» (76 человек в возрасте 18–25 лет). В исследовании приняли участие обучающиеся 1–4 курсов по основной образовательной программе «Социально-культурная деятельность» (уровень бакалавриата), которые были разделены на 2 группы – контрольную (учебные группы МИД-222 и МИД-232) и экспериментальную (учебные группы СКАиР-212, СКАиР-202, СКТиД-212, СКТиД-202).

Формирующий эксперимент основывался на следующих подходах. Для передачи объема информации был использован словесно-наглядный метод. Повествование сопровождалось презентациями, лекциями-экскурсиями, лекциями-беседами, лекциями вдвоем.

Применялись такие формы устного изложения, как рассказы, разъяснения, беседы; методы проблемного изложения: диалоги, интерпретации, которые повышают интерес к процессу обучения. Значительная часть теоретических занятий в рамках внедрения модели развития креативности проходила за пределами аудиторий, на базе учреждений культуры, которые обучающиеся выбирали самостоятельно. При этом им необходимо было аргументированно обосновать индивидуальный выбор, принять коллективное решение на практическом занятии. Руководителями, ведущими сотрудниками учреждений культуры, на базе которых проводились занятия, был подготовлен ряд лекций по соответствующим разделам учебной дисциплины. Лекторы (преподаватель дисциплины, приглашенные ведущие специалисты учреждений социально-культурной сферы (практики)) транслировали опыт профессиональной деятельности, освещали ее особенности, а также характеризовали функции и зна-

ния, умения и навыки, необходимые для реализации творческо-производственной деятельности. Теоретические занятия комбинировались с практическими заданиями.

Для проведения практических занятий использовались традиционные и нетрадиционные формы обучения: семинары, тренинги, практикумы, мастер-классы, беседы; мозговой штурм, деловые, ассоциативные, имитационные и сюжетно-ролевые игры, творческие мастерские.

Во время аудиторных практических занятий обучающиеся в игровой форме примеряли различные роли, статусы, характеризующие работников учреждений культуры, проводили предпроектный анализ социально-культурной среды отдельных территорий, выявляли сферы, требующие изменений, находили новые способы решения социально-культурных проблем, рисовали карты идеи социально-культурного проекта, описывали образ менеджера индустрии досуга в будущем, составляли его профессиограмму, опираясь на знания, полученные в процессе знакомства с производственно-творческой деятельностью учреждений культуры Алтайского края.

В рамках образовательного процесса особое внимание студентов обращалось на расширение области реализации проектных технологий социально-культурной деятельности в регионе. В ходе тренинга, направленного на командообразование в рабочей программе учебной дисциплины «Введение в профессиональную деятельность», при реализации темы «Технология профессионального самоопределения обучающегося специалиста-менеджера индустрии досуга» были выявлены потенциально возможные роли, приоритетные интересы студента для работы в проектной творческой группе. Осваивая различные формы профессиональной деятельности в рамках реализации культурно-досуговых программ проектно-творческой группы «СорокИ», студенты обучались организаторским техникам и приемам, постепенно включаясь в процесс социально-культурного проектирования с последовательным усложнением форм деятельности.

Методики диагностики. Исследование осуществлялось в несколько этапов. На первом и третьем этапе проведено тестирование по методике Н. Ф. Вишняковой «Креативность». Методика позволила выявить не только рефлексию креативного компонента образа «Я-Реальный», но и представление об образе «Я-Идеальный» по интегрированным показателям, таким как творческое мышление, оригинальность, любознательность, воображение, интуиция, эмоциональность и эмпатия, чувство юмора, остроумие, творческое отношение к профессии или значимой деятельности. Его результаты позволили выделить внутри как контрольной, так и экспериментальной групп три подгруппы по уровню выраженности показателя: низкий, средний, высокий.

Осуществлялся также анализ проектов испытуемых с точки зрения проявлений в них креативности (оригинальности, новизны, целостности и пр.).

Проводилась диагностика учебной мотивации и ее изменений в процессе реализации программы посредством методики диагностики учебной мотивации студентов (авторы А. А. Реан и В. А. Якунин, в модификации Н. Ц. Бадмаевой).

В исследовании принимали участие студенты, обучающиеся по образовательным программам 51.03.03 «Социально-культурная деятельность», направленности (профиля) «Менеджмент индустрии досуга», «Социально-культурная анимация и рекреация», «Социально-культурные технологии в индустрии досуга» (76 человек в возрасте 18–25 лет), которые были разделены на две группы по 28 испытуемых.

Анализ результатов исследования. Согласно данным констатирующего исследования, преобладающим и в КГ, и в ЭГ является по всем параметрам средний уровень развития креативности. От 60 до 85 % студентов отнесены по уровню выраженности различных показателей к группе «Средний». Профили «Я-реальный» и «Я-идеальный» отличаются незначительно, что позволяет сделать вывод о том, что значительное число обучающихся не считают креативность значимым качеством, которое необходимо развивать для успешной профессиональной реализации в будущем, считая собственный уровень достаточным, а жизнедеятельность яркой и насыщенной.

Сравнение показателей контрольной и экспериментальной групп не выявило существенных различий между ними по большинству показателей. Высоко значимым по критерию U Манна-Уитни было только различие по параметру «Творческое отношение к профессии» (более высокий уровень в КГ), что, по-видимому, обусловлено тем, что контрольная группа состояла из студентов старших курсов, имеющих более высокий уровень сформированности профессиональных компетенций. Некоторые из них совмещали обучение и профессиональную деятельность, что в целом объясняет различия по показателю «Творческое отношение к профессии».

В связи с преобладанием среднего уровня развития креативности у студентов Алтайского государственного института культуры, и в то же время ее значимости для осуществления профессиональной деятельности будущего специалиста социально-культурной сферы, креативных индустрий, основанной на использовании технологий социально-культурного проектирования, возникла необходимость разработки и апробации модели развития креативности в учебном процессе. После реализации рабочей программы учебной дисциплины, направленной на развитие креативности, на контрольном этапе была выполнена диагностика основных показателей креативности в соответствии с методикой Н. Ф. Вишняковой.

Анализ данных по результатам контрольного этапа позволил получить следующие результаты:

1. По показателю «Оригинальность» у участников ЭГ значимо увеличилось количество студентов, имеющих высокий уровень (от 24 % до 40 %), и уменьшилось число обучающихся со средним и низким уровнем этого параметра (от 70 % до 55 %; от 6 % до 5 %).

2. По показателю «Интуиция» в группе ЭГ сократилось количество студентов со средним и низким уровнями развития латентного дивергентного мышления (от 12 % до 8 %; от 75 % до 65 %), увеличилось количество респондентов с высоким уровнем (от 8 % до 27 %).

3. По показателю «Творческое мышление» в ЭГ сократилось количество испытуемых со средним уровнем развития (от 80 % до 62 %), увеличилось количество респондентов с высоким уровнем ЭГ (от 15 % до 33 %).

4. По показателям «Любознательность», «Воображение», «Эмоциональность», «Чувство юмора» количество респондентов со средним, низким и высоким уровнями изменилось незначительно.

Сравнительный анализ изменений, произошедших в группах (Т-критерий Вилкоксона), свидетельствует о наличии значимого улучшения в ЭГ по параметрам «Оригинальность», «Воображение», «Интуиция», «Творческое мышление», «Творческое отношение к профессии», тогда как в КГ значимое изменение в сторону улучшения наблюдается только в отношении параметра «Творческое отношение к профессии». Все указанные изменения соответствуют уровню значимости 0,01.

Сопоставление показателей креативности в ЭГ и КГ посредством U-критерия Манна-Уитни выявило наличие значимых различий в пользу экспериментальной группы по показателям «Оригинальность», «Интуиция», «Творческое мышление», «Творческое отношение к профессии» (при $p \leq 0,01$). Значимых различий по показателям «Любознательность», «Воображение», «Эмоциональность», «Чувство юмора» не выявлено.

Следует отметить также, что помимо выраженных позитивных изменений по параметрам креативности, у студентов экспериментальной группы наблюдается также улучшение (при $p \leq 0,01$) ряда показателей в области учебной мотивации (коммуникативные мотивы, мотивы престижа, профессиональные мотивы).

Анализ продуктов творческой деятельности позволил выявить, что у студентов 1–2 курса (ЭГ) увеличилось число проектных инициатив, на 40 % увеличилось число участников проектно-творческой группы «СорокИ», функционирующей в Алтайском государственном институте культуры с 2020 г., деятельность которой направлена на создание и реализацию проектов, культурно-досуговых программ для различных целевых аудиторий, основанных на сочетании традиционных и цифровых технологий социально-культурной деятельности.

Увеличилось и число разработанных индивидуальных проектов студентами 1–2 курса, с 2 до 8, которые были представлены на секциях конференций различного уровня, включая международную. Одна из инновационных культурно-досуговых программ «Культурный кроссенс» была апробирована в МБУК «Научно-городское клубное объединение» г. Барнаула в 2023 г. и презентована как инновационная разработка на международном форуме творческой студенческой молодежи.

Выводы. Полученные данные свидетельствуют о том, что развитие креативности студентов может эффективно осуществляться в рамках реализации образовательного процесса в системе высшего художественного образования посредством использования проектно-эвристического подхода. Интеграция модели развития креативности в учебный процесс позволила повысить уровень развития креативности по показателям «Оригинальность», «Воображение», «Интуиция», «Творческое отношение к профессии», позитивно отразилось на учебной мотивации студентов и результатах собственно проектной деятельности, что подтверждает целесообразность использования сочетания традиционных и инновационных методов в обучении.

Список источников

1. *Асмолов А. Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, № 40. – С. 1.
2. *Большунов А. Я., Тюриков А. Г.* Синдром острого дефицита социальной чувствительности как следствие особенностей гомогенеза в эпоху постмодерна // Развитие человека в современном мире. – 2017. – № 2. – С. 67–74.
3. *Большунова С. А.* Травма неопределенности как вызов поколению // Развитие человека в современном мире. – 2017. – № 2. – С. 102–112.
4. *Большунова Н. Я., Устинова О. А.* Проблема развития индивидуальности в современной социокультурной ситуации // Развитие человека в современном мире. – 2024. – № 3. – С. 2–22.
5. *Ермолаева-Томина Л. Б.* Психология художественного творчества: уч. пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2003. – 304 с.
6. *Ивонина (Олейник) Я. А.* Проектная деятельность обучающихся как средство повышения качества образования в Алтайской государственной академии культуры

и искусств // Качество образования в сфере культуры и искусств в условиях реализации ФГОС ВО: материалы XV Всероссийской научно-методической конференции (с международным участием) (г. Барнаул, 23 апреля 2015 г.). – Барнаул: Алтайский государственный институт культуры, 2015. – С. 145–148.

7. *Ивошина Я. А.* Проектно-творческие группы как форма организации деятельности обучающихся для формирования профессиональной компетентности менеджера индустрии досуга // Культура, искусство и современное образование: традиции, опыт и инновации: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (г. Барнаул, 23 марта 2024 г.). – Барнаул: Алтайский государственный институт культуры, 2024. – С. 109–115.

8. *Ильин Е. П.* Психология творчества, креативности, одаренности. – СПб.: Питер, 2012. – 448 с.

9. *Калмыкова А. А.* Проблема развития креативности в исследованиях отечественных и зарубежных ученых // Сборник научных трудов Северо-Кавказского государственного технического университета (Гуманитарные науки). – 2010. – № 8. – С. 22–35.

10. *Калошина И. П.* Психология творческой деятельности. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 559 с.

11. *Козлова Н. В.* Личностно-профессиональное становление: психолого-акмеологический подход. – Томск: Томский политехнический университет, 2007. – 201 с.

12. *Ковешникова Е. И.* Теория и методика художественного профессионального образования (на примере подготовки дизайнеров). – М.: Педагогика, 2000. – 196 с.

13. *Кондратьева К. А.* Некоторые концептуальные основы дизайн-образования. – М.: Российский государственный художественно-промышленный университет им. С. Г. Строганова, 2005. – 210 с.

14. *Круглова Н. В.* Развитие креативности студентов в процессе изучения дисциплин культурологического цикла: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – М., 2010. – 23 с.

15. *Малахова И. А.* Развитие креативности учащихся и студентов как образовательная стратегия современной системы образования [Электронный ресурс] // International Dialogues on Education. – 2016. – Vol. 3, no. 3. – P. 205–230. – URL: <https://idejournal.org/index.php/ide/article/view/160> (дата обращения: 28.12.2024).

16. Основы государственной культурной политики. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 28.12.2024).

17. *Пенкина О. В.* Креативность в системе высшего художественного образования современной России: дисс. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Краснодар, 2012. – 22 с.

18. Распоряжение Правительства РФ N 2613-р от 20.09.2021. Об утверждении Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396332/ (дата обращения: 02.02.2025).

19. Федеральный закон Российской Федерации N 273-ФЗ от 29.12.2012. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 28.01.2025).

20. Федеральный закон N 127-ФЗ от 23.08.1996. О науке и государственной научно-технической политике [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения: 13.01.2025).

21. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 51.03.03 «Социально-культурная деятельность» (уровень бакалавриата) [Электронный ресурс]. – URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/510303_B_3_12012018.pdf (дата обращения: 13.01.2025).

22. *Шабалина Л. Г.* Эвристические приемы и методы в обучении студентов // Вестник Института образования человека. – 2014. – № 2. – С. 18.

23. Bauman Z. *Liquid Modernity*. John Wiley & Sons, 2013. – 240 p.
24. Csikszentmihalyi M. Implications of a systems perspective for the study of creativity // *Handbook of creativity*. – New York: Cambridge University Press, 2001. – P. 313–335.

References

1. Asmolov A. G. Psychology of Modernity: Challenges of Uncertainty, Complexity and Diversity. *Psychological Studies*, 2015, vol. 8, no. 40, p. 1. (In Russian)
2. Bolshunov A. Ya., Tyurikov A. G. Syndrome of acute deficit of social sensitivity as a consequence of the features of homogenesis in the postmodern era. *Human Development in the Modern World*, 2017, no. 2, pp. 67–74. (In Russian)
3. Bolshunova S. A. Trauma of uncertainty as a challenge to the generation. *Human Development in the Modern World*, 2017, no. 2, pp. 102–112. (In Russian)
4. Bolshunova N. Ya., Ustinova O. A. The problem of individuality development in the modern sociocultural situation. *Human Development in the Modern World*, 2024, no. 3, pp. 2–22. (In Russian)
5. Ermolaeva-Tomina L. B. *Psychology of Artistic Creativity: textbook for universities*. Moscow: Academic Project, 2003, 304 p. (In Russian)
6. Ivonina (Oleinik) Ya. A. Project activity of students as a means of improving the quality of education in the Altai State Academy of Culture and Arts. Quality of education in the field of culture and arts in the conditions of implementation of FSES VO: materials of the XV All-Russian scientific and methodological conference (with international participation) (Barnaul, April 23, 2015). Barnaul: Altai State Institute of Culture, 2015, pp. 145–148. (In Russian)
7. Ivonina Ya. A. Project-creative groups as a form of organizing the activities of students for the formation of professional competence of the manager of the leisure industry. Culture, art and modern education: traditions, experience and innovations: materials of the II All-Russian scientific-practical conference (Barnaul, March 23, 2024). Barnaul: Altai State Institute of Culture, 2024, pp. 109–115. (In Russian)
8. Ilyin E. P. *Psychology of creativity, creativity, giftedness*. Saint Petersburg: Peter, 2012, 448 p. (In Russian)
9. Kalmykova A. A. The problem of creativity development in the studies of domestic and foreign scientists. Collection of scientific papers of the North Caucasus State Technical University (Humanities), 2010, no. 8, pp. 22–35. (In Russian)
10. Kaloshina I. P. *Psychology of creative activity*. Moscow: UNITY-DANA, 2007, 559 p. (In Russian)
11. Kozlova N. V. Personal and professional formation: psychological and acmeological approach. Tomsk: Tomsk Polytechnic University, 2007, 201 p. (In Russian)
12. Koveshnikova E. I. *Theory and Methodology of Artistic Professional Education (by the Example of Designers Training)*. Moscow: Pedagogy, 2000, 196 p. (In Russian)
13. Kondratyeva K. A. *Some conceptual bases of design education*. Moscow: Russian State University of Art and Industry named after S. G. Stroganov, 2005, 210 p. (In Russian)
14. Kruglova N. V. Development of students' creativity in the process of studying the disciplines of cultural cycle: diss. ... cand. ped. sciences: 13.00.08. Moscow, 2010, 23 p. (In Russian)
15. Malakhova I. A. Development of creativity of pupils and students as an educational strategy of modern education system [Electronic resource]. *International Dialogues on Education*, 2016, vol. 3, no. 3, pp. 205–230. URL: <https://idejournal.org/index.php/ide/article/view/160> (date of access: 28.12.2024). (In Russian)
16. Fundamentals of the state cultural policy. Decree of the President of the Russian Federation from 24.12.2014 № 808 [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (date of access: 28.12.2024). (In Russian)

17. Penkina O. V. Creativity in the system of higher art education in modern Russia: abstract of the diss. ... cand. of cultural studies: 24.00.01. Krasnodar, 2012, 22 p. (In Russian)
18. Order of the Government of the Russian Federation №2613-r from 20.09.2021. On approval of the Concept of development of creative (creative) industries and mechanisms of their state support up to 2030 [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396332/ (date of access: 02.02.2025). (In Russian)
19. Federal Law of the Russian Federation N 273-FZ from 29.12.2012. On Education in the Russian Federation [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of access: 28.01.2025). (In Russian)
20. Federal Law N 127-FZ of 23.08.1996. On Science and State Scientific and Technical Policy [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (date of access: 13.01.2025). (In Russian)
21. Federal state educational standard of higher education in the direction of training 51.03.03 “Socio-cultural activity” (bachelor's degree) [Electronic resource]. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/510303_B_3_12012018.pdf (date of access: 13.01.2025). (In Russian)
22. Shabalina L. G. Heuristic techniques and methods in teaching students. *Bulletin of the Institute of Human Education*, 2014, no. 2, p. 18. (In Russian)
23. Bauman Z. *Liquid Modernity*. John Wiley & Sons, 2013, 240 p.
24. Csikszentmihalyi M. Implications of a systems perspective for the study of creativity. *Handbook of creativity*. New York: Cambridge University Press, 2001, pp. 313–335.

Информация об авторе

Я. А. Ивонина – кандидат исторических наук, начальник учебного отдела, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Алтайский филиал Финуниверситета), магистр психологии, г. Барнаул, Россия, yana-ol@mail.ru

Information about the author

Ya. A. Ivonina – Candidate of Historical Sciences, Head of Educational Department, Financial University under the Government of the Russian Federation (Altai Branch of Finuniversity), Master of Psychology, Barnaul, Russia, yana-ol@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.01.2025; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 27.02.2025.

The article was submitted 16.01.2025; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 27.02.2025.

Развитие человека в современном мире. 2025. № 1
Human Development in the Modern World. 2025, no. 1

О работе 6-го симпозиума «Современные психотехнологии в искусстве в ракурсе психологии семьи, семейных отношений»

В рамках 5-й юбилейной международной научно-практической конференции МГИМО «Психотехнологии в управлении, политике, бизнесе, образовании и искусстве» 6–7 июня 2024 г. по теме: «Психологические концепции современной семьи и новые вызовы для практики» проходил 6-й симпозиум «Современные психотехнологии в искусстве в ракурсе психологии семьи, семейных отношений», руководители: Мухамед Каншобиевич Кабардов, Алексей Константинович Осницкий.

Обозначены задачи симпозиума:

1. Выявить особенности взаимосвязи понятий: «искусство и психология», «искусство психологии и психология искусства», «искусство и ремесло в психологии».
2. Выявить конструктивность развития семейных отношений в традиционной семье. Воспитание и обучение как подготовка к различным формам труда и будущей семейной жизни.
3. Семья как база формирования нравственных ценностей.
4. Формирование причастности и самостоятельности в трудовой и общественной жизни.
5. Влияние искусства и творчества на формирование семейных ценностей в условиях современности.
6. Влияние сферы современного искусства на личность, семью и взаимоотношения людей.
7. Психология семейных отношений в народном и этническом творчестве. Связь ряда направлений семейного консультирования с анализом творческого потенциала развития человека, с искусством.

Направления работы симпозиума. В настоящее время проработано проблемное поле работы симпозиума. Все начинается с семьи. Семья как единственный социальный институт, исходно возделывающий культуру сотрудничества. Структура социальных отношений: отношений к природе, другим людям, к себе и своим возможностям, на базе которых строятся нравственные и эстетические отношения человека. В связи с этим сталкиваемся с необходимостью проработки теоретико-методологических подходов к исследованию семьи и семейных отношений в отечественной и зарубежной психологии искусства. Дружелюбие и сотрудничество как антитеза нездоровому соперничеству. Преемственность и передача опыта от поколения к поколению. Формирование самостоятельности и причастности к труду. Формирование активной позиции как основание личностного развития подростков и юношей.

Влияние искусства на формирование традиционных семейных ценностей в условиях современной России. Художественное оформление семейных традиций: возвращение к прочтению традиционных знаков России. Влияние искусства на мир познания и духовного опыта современной личности и семьи. Влияние семьи

на формирование личности творческих людей. Семья и семейные отношения как предмет художественного творчества. Формирование эстетического отношения как платформа воспитания творческой личности. Эстетика движения как условие формирования здоровой и творческой личности.

Влияние современной креативной индустрии в области искусства на личность, семью и семейные отношения. Формирование основ семейных ценностей и семейных традиций через призму изобразительного искусства. Стили воспитания и их следствия в психическом развитии подрастающего поколения (позитивные и негативные). Стили воспитания в произведениях искусства. Чувство долга воспитывается в первую очередь в семье (уважение и требовательность, любовь и обязанности). Проявления героизма и ответственности в произведениях искусства как отражение поведения человека долга.

Психология семейных отношений в народном и этническом творчестве. Влияние современного искусства на отношение молодежи к созданию семьи, формирование семейных ценностей и отношений. Семейное творчество как способ укрепления отношений в семье. В психологическом консультировании есть особое направление – арт-терапия, косвенно подтверждающая положение о том, что «творческая самодеятельность» не только принцип развития человека, но и условие коррекции его внутреннего мира.

В качестве докладчиков приглашались профессиональные психологи: специалисты в области образования, общей психологии, дифференциальной психологии и психофизиологии личности, психологии саморегуляции деятельности, эмоциональных состояний и поведения, психотерапевты.

Далее приводится краткое реферативное изложение основных докладов, представленных на секции.

М. К. Кабардов (доктор психологических наук) подчеркнул, что семья воспринимается как социальная общность, представление о которой всегда находится под влиянием меняющихся общественных условий, под влиянием профессиональной деятельности ее членов и, естественно, оценивается по межличностным отношениям внутри нее и отношениям с окружающими.

Функции семьи связаны со спецификой исторического периода развития общества и обусловлены социально-экономическими условиями жизнедеятельности общества. Под этим углом зрения оцениваются функции семьи, иерархия внутри нее и крепость внутрисемейных отношений.

Семья как социальная группы объединена ценностями, совместной деятельностью, межличностными отношениями, внутригрупповыми процессами, является открытой, самоорганизующейся системой, находящейся в постоянном взаимодействии с окружающим социумом, и окружающим миром преобразовании ее внутри самой.

Несмотря на то, что в истории человечества был и матриархат, были и примеры силы духа, и власти в семье женщин, наиболее устойчивой стала структура семьи: глава – муж, его жена, иногда родители мужа и жены, братья и сестры, дети.

Не обошли своим вниманием семью и ее проблемы представители разных видов искусства. Литература, живопись, скульптура, музыка, театр так или иначе отражают тот космос взаимоотношений и проблем, которые приходится решать людям в семье.

Люди на протяжении веков (и мы в настоящем времени) продолжают решать проблемы «отцов и детей», проблемы взаимоотношений поколений, переходного возраста и многие другие, которые далеко не всегда решаются разумными средствами.

Одна из важнейших задач семьи – поддержать детей, с малых лет помочь им преодолеть возможные заболевания, трудности, с которыми им приходится сталкиваться, подготовить их к самостоятельной жизни (а для этого нужно помочь им стать самостоятельными, способными преодолевать трудности), помочь им с развитием их способностей, природных талантов. Автором рассмотрены особенности формирования личности в семье под влиянием образа жизни семьи, социокультурных и духовно-нравственных ценностей на примерах деятелей литературы и искусства (И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. М. Зощенко).

В настоящее время помощь семье в развитии способностей и талантов детей могут оказать детские и другие образовательные учреждения, школа. Педагоги, опираясь на знания о психологии развития детей, подводят их к овладению научными знаниями (выверенными практикой). Психологические исследования современности ориентированы на выявление и развитие природно-обусловленных способностей, приобретаемых в освоении различных форм труда (в том числе и учебного), и способностей, способствующих ориентации в человеческих отношениях.

Одним из продуктивных способов обучения детей в школе и помощи в развитии их способностей является «учитель – метод – ученик», который позволяет (и требует) «дифференциации без дискриминации» (М. К. Кабардов), а также выбор учителем того метода, которым он владеет лучше всего, и который более всего соответствует способностям ученика.

В семейных отношениях этот способ обучения и помощи ребенку в развитии способностей может звучать как «родитель(и) – средства воспитания – ребенок», в котором катализатором применения требований метода выступает любовь родителей к своим детям.

В своем сообщении А. К. Осницкий (доктор психологических наук) подчеркнул, что семья – «сплав» природного и социального – является единственной ячейкой современного общества, возделывающей культуру сотрудничества. Все остальные социальные институты, взаимодействуя, ориентированы на конкуренцию, состязательность. В отечественной психологии разрабатывается представление о выработанном исторически, социализированном виде активности человека – деятельности, в которой человек может осознавать, что он делает, и проектировать свои предстоящие действия, совершенствовать их. В деятельности человек может противостоять своему импульсивному и реактивному поведению (обусловленному адаптационными механизмами регуляции поведения), выстраивая свою активность по собственному сценарию. Деятельность становится общественно-формирующим механизмом психического развития современного человека.

В семье все служит логике формирования регуляторного опыта, который, с одной стороны, лежит в основе самодетельности человека и, с другой стороны, складывается по законам общежития. Его компоненты: ориентировка в ценностях, рефлексивный опыт, операциональный опыт, непосредственно-чувственный опыт (обслуживающий импульсивное и реактивное поведение) и опыт сотрудничества. Ребенок осваивает и опыт приспособления к природным условиям, и свои возможности, и опыт ориентировки и преобразований в предметном мире, опыт действий, и опыт взаимоотношений с окружающими людьми.

Мир, окружающий человека, неоднороден, постепенно и относительно познаваем. Семья постепенно приобщает детей к правилам общежития, труду в его различных формах, к знаниям они приобщаются и в семье, и в детских садах, и в школе. Процесс социализации происходит и в неформальных взаимодействиях: двор и улица тоже чему-то учат.

Помимо семейных традиций, обеспечивающих сотрудничество внутри семьи, и помимо базовых потребностей человека (в обособлении, отстаивании физической и духовной территории, в духовном единстве, в объединении усилий, в соперничестве, в поддержке, в относительной независимости), существуют национальные традиции, складывающиеся исторически в борьбе за существование у разных народов. В условиях семьи нередко преодолеваются и национальные барьеры, далеко не всегда ориентированные на конструктивное взаимодействие с представителями других национальностей.

А. К. Сухарев (кандидат исторических наук) в докладе познакомил слушателей с традиционным подходом к вопросу межличностного и коллективного взаимодействия в семье и социуме на примерах народов мира, заимствованных из литературных памятников, в том числе и древнерусских, в первую очередь из «Слова о полку Игореве» и «Задонщины», а также русских былин, эпоса других народов (добавив к этому и материалы описания античных ритуалов). Вместе с тем затронул тему семейных отношений и ценностей в народном и этническом творчестве. Дал обобщенное обозрение представленности семейных отношений в русских былинах.

П. И. Кутёнков (кандидат исторических наук) в своем сообщении отметил духовные основы русской свадьбы – крепость и многодетность семьи. Само явление свадьбы традиционно описывалось исторически присущими ритуалами (даже намечалась и намечается тенденция рассматривать свадьбу как в целом отмирающий и малозначимый ритуал). Только в XXI в. стали более тщательно подходить к описанию свадьбы и обращать внимание на духовные закономерности, знаковую одежду жениха и невесты, чинов и участников, родителей матери и жениха. Были обнаружены важные знаковые явления, связанные с душами молодых и родовой силой в семьях родителей.

Русский народный обряд не знает узаконенного обычая развода – его нет. Исходно считалось, что невозможно разорвать духовное соединение мужа и жены. Духовными скрепами семьи, по мнению автора, были два ритуала: «Выход из рода отца, вхождение в род мужа, соединение двух душ» и «Передача родовой силы семье мужа молодухе».

Свадьба семьями и общиной игралась до середины XX в. по закономерностям Закона русского духа, в продолжение 40 дней и 3 лет. Время «свадебной печали невесты» составляло в идеале 40 дней (выход из рода отца, вхождение в род мужа и соединение двух душ).

Совершалась передача родовой силы семьи мужа – невесте, которая переводится в «бабий статус и бабье состояние», получая родовую силу. Все это вершится в духовных обрядах, закрепляется многочисленными вещными знаками «сряды» (одежды, означающей запрет свекрови и матери невесты зачинать жизнь (детей), переход в статус старух). После получения родовой силы невеста получает право зачинать жизнь. Невеста, получив родовую силу семьи, через три года свадьбы полностью становится полноправной носительницей родовой силы. Унести родовую силу и разорвать духовную связь с мужем – обычай и культуры воспевают.

О способностях к творчеству детей и развитии способностей выступили А. А. Мелик-Пашаев (доктор психологических наук) и З. Н. Новлянская (кандидат психологических наук). Творчески ориентированное художественное воспитание, по их мнению, дает детям ранний опыт творчества, необходимый для становления творческой личности независимо от будущей профессии. Вспомним идею С. Л. Рубинштейна «принцип творческой самостоятельности как принцип развития человека», заявленную еще в 1922 г. Признавая ведущую роль взрослого, особенно в дошкольном возрасте, превращающую природное развитие обучением и воспитанием в социализированное развитие человека, психологи и педагоги не должны забывать о том, что обучение и воспитание осуществляется за счет детской самостоятельности (творческой), потому что опыт ребенка не равен опыту взрослого. Дети, опираясь на собственные ресурсы (кое-чему они уже научились), собственное восприятие и понимание, пытаются сделать что-то похожее на то, чего от них ждут взрослые. И, если у них получается что-то похожее на то, что от них ждут взрослые, – это результат их собственных усилий, а не только влияние заданного образца.

Авторы выступления особо настаивают (оба художника – он в мире изобразительного искусства, она в мире искусства художественной речи) на необходимости развития художественного творчества детей, подчеркивают присущую ему выразительность и считают, что главным условием возникновения возрастных предпосылок художественно-творческих способностей является полноценная игровая деятельность.

Игры с предметами развивают ребенка в направлении поиска сходства различных предметов, возможности одной вещи служить заместителем другой, символизировать или замещать вещь, благодаря найденному сходству порождают изображающее действие. В сюжетно-ролевой игре материалом является поток реальной жизни, в который включен ребенок, она помогает ему научиться отбирать и преобразовывать нужные жизненные впечатления, осуществить первый выход за пределы собственного я, побыть «другим». В сюжетной игре-драматизации ребенок, не принимая на себя определенной роли, действует от имени разных игрушек и выстраивает между ними отношения. В режиссерской игре ребенок занимает особую позицию: он один удерживает целое игры, выстраивая ее событийный ряд, и одновременно исполняя роли игровых персонажей.

Препятствиями на пути ребенка к игре становятся: тенденция к сокращению дошкольного возраста до 6 лет; подмена свободной детской игры дидактическими играми в образовательных учреждениях; раннее и бездумное приобщение детей к компьютерным играм; подмена свободной детской игры игровыми формами обучения.

О. В. Дружиловская (кандидат педагогических наук), рассматривая физиологические аспекты воспитания, отмечает значимость нейрофизиологических работ Г. И. Шульгиной, согласно которым в период первых 30 лет формируются тормозные системы нейронов, тренируемые, укрепляемые в процессе обучения и воспитания. Они составляют основу формирования способностей и ребенка, и взрослого управлять своим поведением. На психолого-педагогическом уровне анализа, по П. Я. Гальперину, «система внутренней регуляции развивается через системы внешних опор, проходя процесс поэтапного формирования умственных действий». Предлагается тренинг занятий, в которых человек упражняется, с одной стороны, в отработке скорости двигательных реакций, а с другой стороны, в притормаживании, сдерживании определенных движений.

При погружении детей в социальную среду конкретного культурно-исторического периода формируются его личностные черты. К сожалению (реплика авторов), формирование личности осуществляется не только в процессе семейного и школьного воспитания, но и в слабо контролируемом процессе социализации (коммуникации человека вне рамок организованного обучения и воспитания).

Н. В. Тулутунову (учитель-логопед, арт-терапевт) как психолога-практика радует, что с каждым годом все больше людей, семей обращается за помощью к психологу. Она в своей работе опирается на метафорические ассоциативные карты (МАК) – универсальные, портретные, сюжетные, разновозрастные, абстрактные, тематические, использующие слова и цитаты изображенных лиц. С 2019 г. использует авторскую колоду метафорических ассоциативных карт «Любовь. Истина. Жизнь» в индивидуальной и групповой работе с детьми и взрослыми. Эта универсальная портретная колода с изображениями лиц людей от детского до взрослого возраста, мужского или женского пола, которые проглядывают на нас сквозь листву деревьев, позволяет ей решать профессиональные задачи консультирования и психотерапии в своей повседневной работе. Кроме того, Наталья Владимировна одновременно популяризирует ассоциативные карты, выступает с выставками и совершенствует их, используя полотна произведений искусства в своей работе.

Л. В. Семашко (доктор биологических наук) обеспокоена состоянием физического воспитания в семье и в школе. Считает, что предмет «Физическая культура» можно отнести к школьному фактору риска (в дополнение к семейному), потому что родители современных детей сами не получили должного физического воспитания, и не способны справиться со сложностями, возникающими у детей. Она разработала авторскую систему психофизической адаптации (ПФА) и систему адаптации организма учащихся к высоким физическим и психоэмоциональным нагрузкам (SPPA). В основу этих систем заложена работа с психофизической постановкой и адаптацией голово-шейного рефлекса, который создает условия для формирования правильной (естественной) осанки, обеспечивающей эффективную работу мышечного корсета и его шейно-головных сочленений, оптимальных для работы кровеносных сосудов, нервной регуляции и координации движений.

Методики способствуют выработке хорошей осанки, ощущению силы и уверенности в себе, высокой степени адаптации к стрессу. Все это рассматривается в противовес малой продуктивности обычных уроков физкультуры в школе и общей картины неудовлетворенности состояния здоровья учащихся школы и студентов.

С. А. Голубева (психосоматотерапевт, ароматерапевт) в сообщении «Аромапсихология и ресурс. Работа со стрессом, баланс в жизни» продемонстрировала и описала палитру запахов, используемых в психотерапевтической работе, вызвав особенно живой интерес у женщин – участниц работы в секции.

З. А. Малоян (кандидат психологических наук). На примере анализа полотен художников автор продемонстрировала возможность психологической разрядки, адаптации и сглаживания конфликтности изображаемых моментов человеческих взаимоотношений и отношений с природой средствами введения изображений шутства и клоунады.

Активность человека определяется, с одной стороны, возникающими проблемами, с другой – мерой включенности человека в их решение: будет ли он использовать ранее полученные знания и способы работы над проблемой или намерен искать еще и новые, ранее не используемые и неведомые способы решения проблемы.

По сути дела, ростки искусства в истории человечества являются предпосылкой продуктивного развития человека, его отношений с окружающим миром и сферой человеческих отношений.

В естественных условиях (хочет или не хочет этого человек), согласно С. Л. Рубинштейну, в специфически человеческой форме активности – деятельности – человек, даже пытаясь воспроизвести что-то уже известное, не только получает что-то в результате этого воспроизведения, но и сталкивается с необходимостью реагирования на новые обстоятельства и предпринимает попытки поиска их объяснения (в этом различие позиции С. Л. Рубинштейна, по сравнению с позициями Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева, объясняющими психическое развитие человека влиянием освоения социокультурных достижений предметного мира). Заявленный ранее С. Л. Рубинштейном «принцип творческой самостоятельности как принцип развития человека», связан с присущим человеку свойством, которое затем получило название в определении человека «как замкнутой системы по отношению к ее развивающимся подсистемам, но открытой к взаимодействию с окружением» (О. А. Конопкин).

Кроме того, в истоках творчества, искусства лежит всеобщее свойство живого в стремлении к активности. Живое не может не быть активным, иначе оно умирает. Движения и другие проявления живого, способствующие сохранению жизни, закрепляются в инстинктах, в биологических механизмах предпочтительной окраски (способствующих мимикрии) и т. п., сохраняются в предпочтительных стратегиях поведения.

Стремление к активности у человека лежит и в основе разных направлений в искусстве. Культурно-историческое развитие сознания в трудовой и бытовой жизни определяет новый вид активности: удвоение в сознании реальных и воображаемых преобразований: техническое – в изобретательстве, в эстетическом стремлении к красоте изделий быта; изобразительное – в поисках средств сохранения эффектов восприятия и чувственного отображения мира; литературное, театральное и киноискусство – в произведении эффекта, способного вызвать ответное аффективное чувство у зрителя. Поэтому даже возвращение к прочтению традиционных знаков России обрастает новыми объяснениями, обнаружением новых закономерностей, сохраняя исходную связь с традициями.

Осмысление семьи как единственного социального института, исходно возделывающего культуру сотрудничества, позволяет рассматривать семью и членов семьи в этом процессе как субъектов технического и художественного творчества, субъектов в человеческих взаимоотношениях. В связи с этим представляет интерес и проблема влияния семьи и окружения на формирование личности творческих людей (люди, акцентированные на идеях творчества); проблема формирования их этических и эстетических позиций; проблемы гуманизации человеческих взаимоотношений через развитие форм дружелюбия и сотрудничества в противовес соперничеству.

Доклады:

Кабардов М. К. (доктор психологических наук) «Влияние семьи на развитие творческих личностей».

Осницкий А. К. (доктор психологических наук) «Воспитание и формирование в семье индивидуальных, субъектных и личностных качеств человека».

Мелик-Пашаев А. А. (доктор психологических наук), Новлянская З. Н. (кандидат психологических наук) «Ресурсы детства и художественное воспитание в семье».

Сухарев А. К. «Дружелюбие и сотрудничество как антитеза нездоровому соперничеству в древнерусских литературных памятниках».

Кутёнков П. И. (кандидат исторических наук) «Духовность русской свадьбы – основа устойчивости и многодетности семьи».

Дружиловская О. В. (кандидат педагогических наук) «Воспитание как психофизиологическая система в современных социокультурных условиях».

Семашко Л. В. (доктор биологических наук) «Инновации в общеобразовательной среде: возможности и препятствия внедрению».

Голубева С. А. (практический психолог, ароматерапевт) «Аромапсихология и ресурс: работа со стрессом, баланс в жизни».

Тулутунова Н. В. (практический психолог, арт-терапевт) «Ключ к бессознательному или метафорические ассоциативные карты как инструмент психолога в работе с семьей».

Малоян З. А. (кандидат психологических наук) «Шуты и шутовство как способ социально-психологической адаптации в условиях неопределенности (на материале изобразительного искусства)».

Мухамед Канишобиевич Кабардов,
доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией
дифференциальной психологии и психофизиологии, Психологический институт

Российской академии образования, Москва
Mukhamed Kanshobievich Kabardov,
Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Differential
Psychology and Psychophysiology, Psychological Institute
of the Russian Academy of Education, Moscow

Алексей Константинович Осницкий,
доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник
лаборатории дифференциальной психологии и психофизиологии,
Психологический институт Российской академии образования, Москва

Alexey Konstantinovich Osnitsky,
Doctor of Psychology, Professor, Chief Researcher of the Laboratory
of Differential Psychology and Psychophysiology,
Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в рецензируемом научном периодическом журнале «Развитие человека в современном мире», отражающем проблемы современной теоретической и практической психологии. Журнал выходит 4 раза в год.

Учредитель журнала – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет».

Журнал адресован преподавателям вузов и средне специальных учебных заведений, научным сотрудникам, практикующим психологам и педагогам, аспирантам, соискателям, магистрантам и студентам в психолого-педагогической области.

Авторами публикаций в журнале являются профессорско-преподавательский состав вузов, докторанты, аспиранты, магистранты, работники системы общего и дополнительного образования.

Требования к статьям и условия публикации в журнале:

1. Общие положения.

1.1. Редакцией не принимаются к рассмотрению материалы публиковавшихся ранее научных статей, а также материалы, не соответствующие изложенным требованиям и рекламные материалы.

1.2. Аспиранты, соискатели и магистранты, публикующиеся самостоятельно (не в соавторстве с научным руководителем) предоставляют отзыв научного руководителя на статью.

1.3. Редакционная коллегия производит отбор поступивших материалов и распределяет их по рубрикам. Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей с сохранением авторского варианта научного содержания. В случае необходимости редколлегия вступает в переписку с авторами по электронной почте и может обратиться с просьбой о доработке материалов. Статьи, не соответствующие перечисленным требованиям, не публикуются и почтовой пересылкой не возвращаются.

1.4. Вознаграждение (гонорар) за опубликованные научные статьи не выплачивается.

1.5. Автор (соавторы), в соответствии с приведенными ниже требованиями, условиями, оформляет необходимые материалы: сопроводительные документы и рукопись статьи в электронном виде. В электронном виде материалы передаются по электронной почте.

1.6. Дополнительные условия публикации высылаются по запросу по электронной почте.

1.7. Редакция имеет право частично или полностью предоставлять материалы научных статей в российские и зарубежные организации, обеспечивающие индекс научного цитирования, а также размещать данные материалы на интернет-сайте журнала.

2. Требования к материалам и рукописям.

2.1. Автор предоставляет в редакцию текст статьи и заявку в виде отдельных файлов в редакторе Microsoft Word. Аспиранты, соискатели и магистранты, публикующиеся самостоятельно (без соавтора с научным руководителем), также прилагают отзыв научного руководителя на статью.

2.2. Рукопись статьи должна включать в себя текст статьи, а также пристатейные материалы:

- а) УДК (на русском языке);
- б) данные об авторе (на русском и английском языках);
- в) заголовок статьи (на русском и английском языках);
- г) аннотация (на русском и английском языках);
- д) ключевые слова (на русском и английском языках);
- е) список источников (на русском языке, в алфавитном порядке)
- ж) References (литература на английском языке).

2.3. Объем статьи может составлять до 30 тыс. печ. знаков. Рукописи, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению по согласованию с редакцией. Текст печатается в формате Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1,5. Поля страницы – по 2,5 см с каждого края.

2.4. Аннотация должна соответствовать содержанию статьи и отражать ее структуру. Рекомендуется в статьях, содержащих результаты эмпирического исследования, в структуру аннотации включать: введение, цель статьи, методы, результаты, обсуждение результатов, выводы. В теоретических статьях рекомендуется в аннотацию включать: введение, цель статьи, основная часть (в основной части могут выделены соответствующие тематические подразделы (параграфы), выводы.

Текст аннотации должен отличаться содержательностью, компактностью и отсутствием лишней для читателя информацией. Объем аннотации не менее 200 – 250. Шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал 1,5, выравнивание по ширине.

2.5. Ключевые слова: 5–10 слов, по которым статьи могут быть найдены в электронных поисковых системах. Шрифт Times New Roman, кегль 11, интервал одинарный, отступа первой строки нет, интервал после абзаца 12 пт.

2.6. Текст статьи. При подготовке рукописи автору необходимо определиться с жанром – теоретическое, эмпирическое или методическое исследование.

В структуру статей, описывающих **эмпирические исследования**, рекомендуется включать следующие разделы: ВВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ, ВЫВОДЫ. Выделенные разделы рукописи должны быть согласованы между собой, содержание рукописи должно отражать новизну исследовательского подхода автора.

В статьях **теоретической направленности** рекомендуется выделять следующие разделы: ВВЕДЕНИЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ (в основной части могут быть выделены соответствующие тематические подразделы (параграфы), ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Выделенные разделы рукописи должны быть согласованы между собой. Во ВВЕДЕНИИ должна быть сформулирована цель статьи, содержание статьи должно отражать новизну теоретической позиции автора.

В статьях **методической направленности** рекомендуется выделять ВВЕДЕНИЕ, предлагаемые МЕТОДЫ (психологической помощи, психоконсультирования, психокоррекции, исследовательские методы, развития личности, психических процессов и пр.) и их обоснование, РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ,

ВЫВОДЫ. Выделенные разделы рукописи должны быть согласованы между собой. Во **ВВЕДЕНИИ** должна быть сформулирована цель статьи.

2.7. Список источников. Помещается в конце статьи после подзаголовка. В список должны войти научные источники, отражающие современное состояние исследований по проблеме. Список оформляется в алфавитном порядке по ГОСТ Р 7.05-2008. Ссылки на литературу оформляются в квадратных скобках, помещаются после упоминания в тексте соответствующего источника и содержат номер указанного источника в списке, при цитировании – страницы.

Все источники, на которые были даны ссылки в тексте, должны быть включены в список источников. Авторы должны специально проверить это соответствие!

В рукописи должны быть представлены источники на русском и иностранных языках (рекомендуемая доля иностранных источников не менее 30 %, от общего количества). Литература должна отражать современное состояние проблемы исследования. Литература составляется в алфавитном порядке – сначала русскоязычные, затем – иностранные источники. Для эмпирических и методических статей список литературы должен включать не менее 15 источников, для теоретических – не менее 25. References оформляется в соответствии с требованиями.

2.8. Рисунки и таблицы. Текст статьи может включать таблицы, а также графические материалы (рисунки, графики, фотографии и др.). Данные материалы должны иметь сквозную нумерацию и названия. На все таблицы и графические материалы должны быть сделаны ссылки в тексте статьи. При этом данные объекты должны быть расположены после ссылок на них. Шрифт надписей внутри рисунков, графиков, фотографий и других графических материалов Times New Roman, размер кегля 12, межстрочный интервал 1,0 (одинарный). Рисунки и схемы сохраняются как картинки (они не должны быть редактируемыми в текстовом редакторе Word).

3. Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей.

3.1. Все научные статьи, поступившие в редакцию, подлежат обязательному рецензированию.

3.2. После получения материалов научной статьи ответственный секретарь проводит оценку правильности оформления и достаточности полученных материалов. В случае отклонений от установленных требований материалы возвращаются автору по электронной почте на доработку.

3.3. Зарегистрированные материалы научной статьи направляются для рассмотрения на рецензию. Рецензирование рукописей статей, представленных для публикации в журнале «Развитие человека в современном мире», организуется редакционной коллегией. Ответственность за качество рецензий и своевременность проведения рецензирования рукописей статей возлагается на редакционную коллегию.

3.4. К рецензированию привлекаются ученые, имеющие признанный авторитет и работающие в области знаний, к которой относится содержание рукописи.

3.5. Рецензенты обращают внимание на следующие вопросы: соответствие названия статьи ее содержанию; соответствие аннотации содержанию статьи; актуальность данной темы; новизна данной темы (данного исследования); теоретическая / методическая направленность данной работы; теоретическая / практическая значимость данной работы; терминологическая база работы, ссылки на другие источники и цитаты; использование научных библиографических источников, индексированных в базах данных (РИНЦ, SCOPUS). При положительной рецензии статья включается в план публикации соответствующего тематического раздела журнала.

Автора уведомляют о включении статьи в план публикации. Сроки и очередность опубликования устанавливаются редакцией с учетом количества статей, находящихся в плане публикации соответствующего тематического раздела журнала. При получении рецензии на статью с замечаниями о возможности опубликования ответственный секретарь направляет автору по электронной почте рукопись статьи с формулировкой «На доработку» с замечаниями.

3.6. Редакция оставляет за собой право отклонения статей. В случае отклонения рукописи рецензентом автору направляется мотивированный отказ.

3.7. Статьи аспирантов, соискателей и магистрантов принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя.

3.8. Все статьи должны пройти оценку в системе Антиплагиат. К рецензированию допускаются статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 % (проверяется весь текст статьи, за исключением библиографического списка).

3.9. Более подробные требования к оформлению статьи можно найти на сайте журнала

3.10. В связи с размещением журнала в системе РИНЦ с авторами заключаются договоры, предусматривающие передачу авторских прав на конкретную статью издателю журнала. Договор в бумажном виде привозится автором лично, отправляется по почте России, либо сканированный вариант подписанного договора высылается на электронную почту.

Наш адрес: 630126, г. Новосибирск, ул. Виллойская 28, НГПУ, кафедра общей психологии и истории психологии.

Тел./факс: 8 (383) 244-00-95.

E-mail: razv.cheloveka.journal@nspu.ru